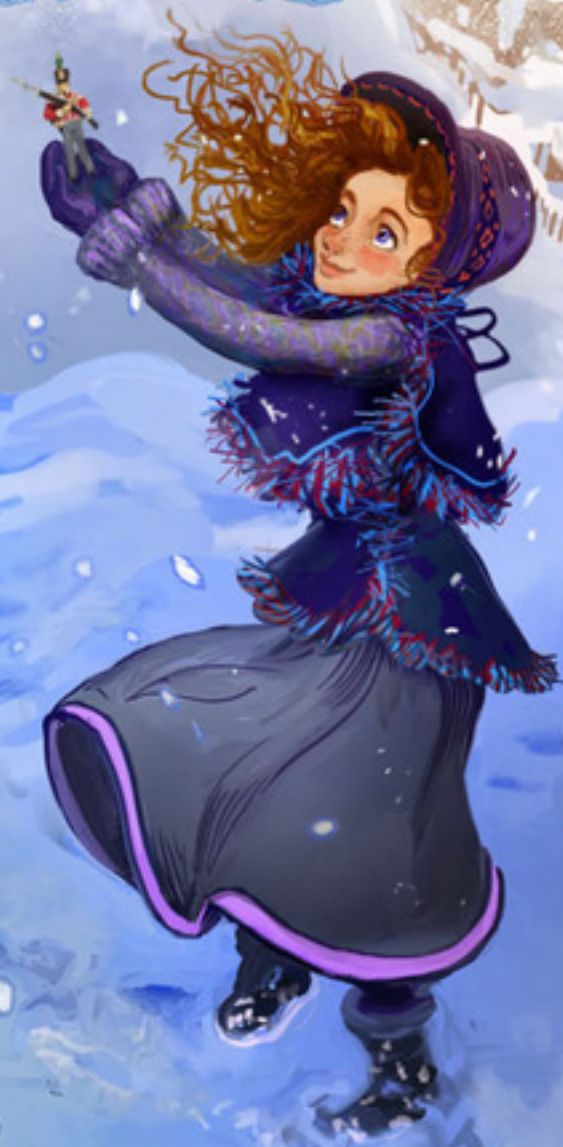

М. Логинов

Е. Аврутин

Дочь
капитана Летфорда
— или —
*Приключения Джейн
в стране
Россия*

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ГЕНРИ ПУШЕЛЬ»

Михаил Логинов

**Дочь капитана Летфорда,
или Приключения
Джейн в стране Россия**

Пре-пресс бюро «Генри Пушель»

2008

УДК 82-311.3
ББК 84(2Рос=Рус)4

Логинов М. В.

Дочь капитана Летфорда, или Приключения Джейн в стране Россия
/ М. В. Логинов — Пре-пресс бюро «Генри Пушель», 2008

Историко-приключенческий роман для детей среднего и старшего школьного возраста, а также взрослых читателей, полюбивших в детстве Жюль Верна, Стивенсона и Киплинга. Время действия – середина XIX века – Крымская война. Место действия – Портсмут, Йоркшир, Балтийское море, Санкт-Петербург, Рязанская губерния, Крым, Севастополь и пространство между ними. Английская девочка Джейн мечтает попасть в Россию. Она не знает, что это случится в самый неподходящий момент – во время Крымской войны. И ей, чтобы спасти отца – офицера британской армии, от коварства родного дядюшки, предстоит заключить договор с русским другом-сверстником. Ведь Джейн хочет спасти отца, а друг – спасти Севастополь. Роман написан в 2008 году. Книга стала лауреатом Международной детской литературной премии имени Владислава Крапивина сезона 2011 года. – Папа, ты думаешь, что никогда не попадешь в Россию? – однажды спросила Джейн. – Вряд ли, дочка. Я бываю только в тех странах, которым Правительство Её Величества объявило войну, а с Россией Англия не воюет и не собирается. Сэр Фрэнсис Летфорд ошибся. Не прошло и двух лет, как он получил приказ отправиться к берегам России, чтобы войти в Балтийское море и попытаться взять неприступный Кронштадт, а может и Санкт-Петербург. Джейн тоже не могла представить, что ей придётся убежать из дома, чтобы найти отца, раньше, чем до него доберётся наёмный убийца. Тем более, она не знала, какие приключения ждут её впереди, Что она встретит неожиданных врагов и ещё более неожиданных друзей. Что однажды ей придётся скрепить дружбу с одним другом иголкой и ниткой, а с другим – попрощаться четыре раза. И что настанет день, когда вокруг будет сто пятьдесят тысяч солдат, а Джейн сможет посоветоваться лишь с оловянным солдатиком, проехавшим с ней тысячу миль.

УДК 82-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)4

© Логинов М. В., 2008

© Пре-пресс бюро «Генри
Пушель», 2008

Содержание

Часть 1	8
Глава 1, в которой волки гонятся за невестой, лейтенант Летфорд считает русские залпы, а Джейн мечтает о путешествии в сказочную страну	8
Глава 2, в которой миссис Дэниэлс и Уна появляются на сцене, Джейн и Лайонел учатся служить под началом нового адмирала, Джейн проявляет склонность к рискованным экспериментам, а миссис Дэниэлс наказывает команду за дерзкий поступок	14
Глава 3, в которой терпентин, жавель и мышьяк попадают под запрет, Джейн и Лайонел слышат вещи, которые предпочли бы не слышать, а дядя Генри становится наследником Недвижимости	18
Глава 4, в которой Джейн и Лайонел прощаются с Парусной улицей и переезжают из лачуги во дворец, чтобы потеряться и найтись опять, Джейн принимают за родового призрака, а Джека-садовника так и не бросают на съедение акулам	21
Глава 5, в которой новые хозяева знакомятся с реальностью и легендами Освалдби-Холла, мсье Тибо сочетает приятное с полезным, выясняется, что отставка не всегда прилагается к наследству, а Джейн становится хозяйкой имения и совсем этому не рада	26
Глава 6, в которой за Тревогой приходит Беда и приводит Неприятность, выясняются лечебные свойства шоколада, сэр Фрэнсис Летфорд отправляется служить Королеве и Стране, дядя Генри падает с лестницы, а Джейн попадает под арест	31
Глава 7, в которой Джейн и Лайонел делают неприятнейшее открытие и убеждаются в том, что независимо от них его сделал дядя Генри, выясняется, что сэр Фрэнсис нуждается в присмотре, как и его сын, а солдатику Томми даётся важное поручение	39
Часть 2	52
Глава 1, в которой выясняется, что реквизиция мирного судна Королевским флотом имеет далеко идущие последствия для всей команды, от юнги до капитана, кот оказывается пронизательнее людей, а оловянный солдатик слышит необычную исповедь	52
Глава 2, в которой дочери капитана удаётся то, что не удалось дочери рыбака, выясняются детали официальной и неофициальной судовой иерархии, Джонни Задохлик получает повышение по службе, а джентльмены в кают-компании обсуждают вопросы войны и мира	59
Глава 3, в которой обсуждение вопросов войны и мира продолжается не только в кают-компании, но и на камбузе, морская пехота и буфет несут потери, выясняются отличия морских и сухопутных взысканий, боцман Три Пинты трактует	68

Шекспира, а офицер Её Величества дискутирует с юнгой о туалете и гильотине	
Глава 4, в которой «Саут Пасифик» прибывает на театр военных действий и берёт нового пассажира, Джейн узнаёт старого знакомого, шутник Билли не отказывается от грязной работы, а Микки выбивает долги	75
Глава 5, в которой звучит первый выстрел, «Саут Пасифик» берёт первого пленного, Джейн отдаёт шиллинг, а ночью происходит событие, страшнее абордажа	85
Глава 6, в которой происходит обмен трофеями, сервиз кают-компаний опять несёт потери, капитан Тремэйн проявляет задатки детектива, мистер Вандерби оказывается гипнотизёром, а Джейн превосходит отца в безумстве	95
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Евгений Аврутин, Михаил Логинов
Дочь капитана Летфорда, или
Приключения Джейн в стране Россия

УДК 82-311.3

ББК 84(2Рос=Рус)4

Для среднего и старшего школьного возраста и взрослой аудитории. 12+

© Евгений Аврутин, текст, 2008

© Михаил Логинов, текст, 2008

© Мария Филиппова, иллюстрации, 2014

© «Генри Пушель», издание, 2015

Часть 1

Глава 1, в которой волки гонятся за невестой, лейтенант Летфорд считает русские залпы, а Джейн мечтает о путешествии в сказочную страну

Из всех чудес папиного кабинета загадочнее всего была картина, висевшая над столом. Смотреть на неё Джейн могла бесконечно.

Кроме картины, в кабинете было немало других удивительных вещей. К примеру, кусок красно-синей ткани с рваными и обгорелыми краями, он напоминал кухонную тряпку, попавшую в плиту. Но Джейн знала: это флаг, реявший на мачте пиратского корабля.

– Мы перехватили их в ста милях восточнее Кюрасао, – рассказывал папа. – Ворчун Джейк – старший канонир, помнивший лорда Нельсона¹, – узнал лягушатника сразу. «Моэт нуар» – «Чёрная чайка», приватир², который в своё время топил наши корабли во славу Напо-

¹ Нельсон Горацио – самый знаменитый английский адмирал времён Наполеоновских войн.

² Приватир, корсар, капер – «официальный пират», частный корабль, имевший право во время войны нападать на суда противника, обычно торговые.

леона и собственного кармана, а когда кончилась война, занялся работоторговлей. Мошенник наострил уходить от наших патрулей и пятнадцать лет исправно возил негров из устья Конго в устье Амазонки, пока ему не посчастливилось встретиться с «Йорком». Позже мы узнали, что «Чайка» сменила капитана: новый пожадничал и загрузил трюмы чёрным деревом под самую палубу.

Джейн не переспрашивала, потому что знала: «чёрным деревом» называют несчастных африканцев, купленных за пригоршню пуль или пару пёстрых ожерелий для продажи в Бразилию.

– Мошенник понимал, – продолжал отец, – ему не уйти, даже если вывалить груз в море, на радость акулам. Поэтому он имел нахальство поднять британский флаг, благо своих обыскивать обычно не приходится. Конечно же, трюк не прошёл. Кроме старины Джейка, на «Йорке» служили ещё два моряка, что узнали бы «Чайку» даже выкрашенную в зелёный цвет и оснащённую парусами с китайской джонки.

Когда мы спустили шлюпку для досмотра, месью Пройдоха, знавший, что пахнет петлёй (предчувствие его не подвело), пробовал стрелять. Конечно, недолго – девятифунтовые пушки нашего правого борта быстро объяснили, у кого преимущество в артиллерии. Наши дали сигнал, что лягушатник сдаётся и можно причаливать. Когда мы поднялись на борт, палуба была разворочена ядрами, а команда «Чайки» стояла с поднятыми руками и наперебой клялась на нескольких языках, что, мол, никто не знает, какой груз сейчас стонет в трюмах. Беспольный флаг был уже спущен и догорал у грот-мачты. Я затоптал его и отнёс капитану, но сэр Элиот отказался от остатков трофея и предложил мне оставить у себя: «Мистер Летфорд, это первый морской бой, в котором вы участвовали, возьмите на память».

– А что вы сделали с неграми? – спросила Джейн.

– Высадили в Гвиане, каждый получил мотыгу, семена, три унции соли и клочок земли.

– Величиной с остаток флага? – спросила Джейн.

– Побольше, – рассмеялся отец. – Может быть, даже больше, чем наша Недвижимость.

Пепельница, стоявшая на обрывке флага, так и не спасшего работоторговцев, тоже была не простой. Когда-то она являлась гранатой. «Плохой гранатой, – уточнил отец, – потому что не взорвалась».

Плохая граната вылетела из китайской пушки, упала на палубу отцовского корабля, покрутилась, успокоилась, погасла, а потом стала пепельницей. Теперь её можно было положить на ладонь.

Ещё можно было подержать, только, конечно, осторожно, обломок африканского копья. Джейн держала его правильно, зато Лайонел порезался. Отец мгновенно перевязал рану, попутно посоветовав сыну всегда точить лезвия так, чтобы они резали и через десять лет после заточки. Джейн смотрела на мелькавшую руку отца и удивлялась: соседка Энн как-то сказала ей, что девчонки должны охоть и падать от вида крови, а она не боялась.

– Вот такими копьями воевали древние греки с троянцами, а зулусы сражаются до сих пор. Лал, в вашей школе проходили «Илиаду»?

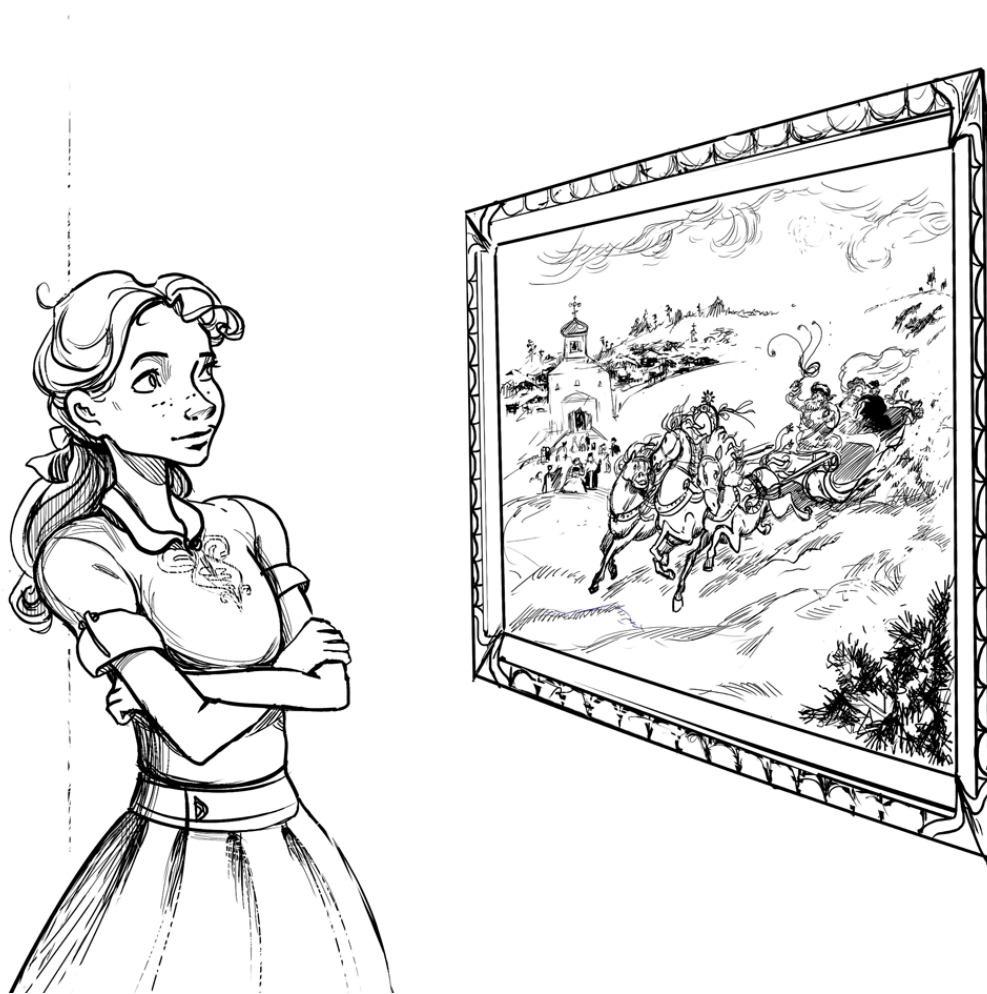
Лайонел ответил, что уже читали. Отец потребовал произнести несколько фраз на греческом. Лайонел, шепнув сестре, что лучше порезаться ещё раз, все же произнёс начало какого-то стиха. Отец кивнул, но сказал, что сейчас греки говорят по-другому.

Зато Мистера Риббит-Риббита, или Ква-Квака, можно было хватать без опаски. Мистер Риббит-Риббит, как и граната, пришёл с китайской войны. Отцу Мистер Риббит-Риббит – улыбочивый жаб из голубого нефрита – достался безмянным и безглазым; из какого камня были глаза, так и осталось неизвестным. Вытащивший их солдат решил, что эти камешки дороже самой скульптурки. Джейн назвала жаба Мистером Риббит-Риббитом и вставила новые глаза – две оловянные пуговицы. Ей показалось, будто после этого морда Мистера Риббит-Риббита стала ещё радостнее.

Томми, в отличие от мистера Риббит-Риббита, гранаты-пепельницы, флага и даже картины, пришёл не из иных краёв, а иных времён – из папиного детства. Звали оловянного солдата Томми, потому что победитель при Ватерлоо лорд Веллингтон велел впечатать в типовую вербовочную анкету имя Томми Аткинс. С тех пор английских солдат так и звали.

Раньше папа надеялся, что Томми достанется в наследство Лайонелу, но оказалось, что из всех чудес кабинета он интересен Лайонелу меньше всего. Он больше любил книги и, как ни странно, газеты. Зато Джейн подружилась с оловянным солдатиком. Да так прочно, что Томми, в отличие от остальных экспонатов кабинета, получил разрешение папы покидать его вместе с Джейн, в её кармане.

В отличие от гранаты, копья, и тем более Томми, на картину можно было только смотреть. А на картине было вот что.

По огромному заснеженному полю летели расписные сани, запряжённые тремя конями. Кони были в лентах, разноцветных пополах и такие быстрые, что стая волков (Джейн сначала приняла их за собак), мчавшихся следом, зря высовывала длинные красные языки и скалила зубы. Кучер знай себе подхлестывал лошадок, а двое в санях – парень в белой рубашке и девушка в белом платье – целовались, не замечая волков.

Было понятно, куда летят сани. Дорога, еле видная в заснеженном поле, вела к странной, одинокой башне с луковичным куполом. Над куполом сверкал крест. Свадьбу уже ждали – конечно же, в тройке были жених и невеста. На крыльце церкви стояли гости: дамы в роскошных платьях и джентльмены в сюртуках. Кто-то из них держал поднос, с хлебом и солью (Джейн раньше думала, что это такой пудинг).

За церковью было село – деревянные дома, занесённые снегом едва ли не по самую крышу. А ещё дальше, за селом, высился такой же заснеженный лес.

Конечно же, свадебная тройка неслась ночью, но светила луна, и было так тихо, светло и спокойно, что Джейн не раз хотелось пойти по этому снежному полю. Наверное, проваливаясь в снег. Настоящий снег, а не те полфута, которые выпадали в Портсмуте в самые холодные зимы и быстро таяли.

Она даже не боялась волков. Ведь волки умчались за тройкой.

Когда-то Джейн спросила отца: «А что за сказка нарисована здесь?» – Нет, – ответил отец, – это не сказка. Это Россия.

* * *

Картина досталась отцу случайно. «В бою много случайного, – говорил он, – особенно раны. Не было бы раны, не было бы и картины».

Бой, в котором отец заработал рану и картину, случился двадцать шесть лет назад. Началось все с того, что покойный король Георг IV послал эскадру в Средиземное море.

– Для чего? – спросила Джейн, когда отец первый раз рассказывал ей эту историю.

– Лейтенант редко знает ответ на такой вопрос, но тогда его не знали и капитаны. Говорят, что сэр Эдвард Кодрингтон, наш адмирал, сказал что-то вроде «мы должны сделать так, чтобы турки опять не сделали греков своими рабами, и при этом чтобы греков не освободили русские». Это называется политика.

Джейн кивнула. Она знала, что политика – это что-то вроде геометрии: разобраться в ней могут только взрослые, и то не все.

– Сначала мы бороздили море одни, потом к нам присоединились французы, потом русские, и мы подошли к бухте Наварино³. Там уже стоял и турецкий, и египетский флот. Если посчитать их пушки вместе, то было бы раза в полтора больше, чем у нашей соединённой эскадры. Юнцы вроде меня надеялись, что дойдёт до драки, а ветераны времён Нельсона впрочем, что раз нельзя сразиться с лягушатниками, так пусть хотя бы с турками, хотя турки после французов – как голландская пивная кислятина после эля.

– Взвод морской пехоты, в котором я служил, находился на «Азии», нашем флагмане. Ранним утром, когда мы стояли у входа в бухту и было непонятно, пустят нас турки или нет, сэр Эдвард решил, что мы должны нанести русским визит вежливости. Перед тем, как мы спустились в шлюпку, адмирал обратился ко мне: «Я надеюсь, у любителей кальяна и шербета хватит ума не стрелять, но если начнётся заварушка, я хочу, чтобы вы остались на палубе русских – для связи, а кроме того, Адмиралтейству важно знать, как быстро они перезаряжают пушки во время драки»⁴. У меня нет сомнения, что и остальные члены делегации подготовились к подобным наблюдениям.

– Название ближайшего русского корабля было похоже на наше – Azov. Едва мы поднялись на палубу, как русский капитан Лазарев отдал приказ поднять все паруса. Мы вошли в бухту вместе с медведями и лягушатниками – сэр Эдвард, как старший по званию, возглавил эскадру. Не прошло и нескольких часов, как началась стрельба – никто толком не знал, как это получилось. Мне говорили, что бешеные турки застрелили офицера с «Дартмута», посланного для переговоров, и начали палить по французскому корвету. После этого, хотел ли наш адмирал сражаться или лишь напугать турок, не имело значения.

³ Побережье Пелопонесского полуострова (Греция). 27 октября 1827 года здесь произошла морская битва, описанная дальше.

⁴ Считалось, что расчёт британского корабельного орудия перезаряжает его вдвое быстрее, чем французы, и втрое быстрее, чем испанцы. Скорость русской морской стрельбы англичане знать не могли.

– Поначалу я жалел, что попал на русский борт, думая, что на нашей «Азии» было бы интереснее, но скоро понял, что ничего не потерял. Русские любят турок примерно так, как мы французов, и загодя сблизилась с детьми Аллаха на пистолетный выстрел.

Джейн однажды видела, как папа стреляет из пистолета по мишени на старом вязе. Поэтому она выглянула в окно и решила, что русский корабль с папой на борту подошёл к турецким кораблям на расстояние примерно как от подоконника до тележки молочника, дребезжавшей по дождливой улице неподалёку от дома.

– Папа, тебе было страшно? – спросила она.

– Конечно, – коротко ответил отец. – Представь, что на кухне из печи выпал горящий уголь, сбежало молоко, с полок падает посуда, за окном бушует гроза, гремит гром, ливень хлещет через разбитые окна. И это все одновременно. А ты стоишь у стола, чистишь картофель и не имеешь права отойти, пока не окончишь свою работу. Даже если кухня сгорит или утонет.

Джейн представила.

– И это продолжается четыре часа. И не забудь, я впервые оказался на такой кухне. Уже позже мне объяснили, что это был худший вид боя: с прижатым к стене противником. Прорваться турки не могли, а сдать превосходящая эскадра не хотела. Им оставалось или убить нас, или погибнуть самим.

– К счастью, зрителями мы были недолго, каждому нашлось дело. Я помогал у орудия на правом борту. С целями было просто: напротив нас стояли четыре или пять турецких кораблей, в том числе и флагман. Заряжали русские часто, но я так и не смог позже уверенно сказать, кто проворнее, мы или они. Я смотрел только на нашу пушку. Вот она била беспрерывно. Поначалу понять русские команды мне помогал мичман Логунов, но ему оторвало руку, и ко мне приставили другого мичмана, по имени Батулин. В таком бою о чинах быстро забываешь – в нашей батарее картечью перебило половину расчёта, и очень скоро я, сам того не заметив, заменил одного из канониров. Сколько времени длился бой, я не знал: часы были в кармане, но мне не хватило бы времени даже дотронуться до него. Потом стало особенно громко – турецкий фрегат, стоявший напротив нас, разлетелся на части. А потом, наоборот, стало тихо, и к тому же на этот раз я уже ничего не видел. Точнее, я видел лишь чёрные пороховые облака, через них пыталось светить солнце. Шевелиться было так трудно, что я оставил эти попытки и подумал: чёрт возьми, умереть от турецкой бомбы, в греческой бухте, на борту русского линейного корабля – это слишком смешно, чтобы быть правдой. Мичман Батулин потом сказал, что я и правда смеялся, когда меня несли на нижнюю палубу в лазарет. Потом, конечно, мне было не смешно. К тому же я оказался в худшем положении, чем русские моряки. Когда корабельный доктор осматривал меня, повторяя «slava Bogu, slava Bogu», я не знал, что это далеко не самый худший диагноз. Позже раненых навестил капитан Лазарев и на вполне сносно английском сообщил мне, что турецкий флот разгромлен начисто, мы не потеряли ни одного корабля, а я буду жить, вдобавок сохранив ноги и руки, но врач считает опасным переносить меня в шлюпку, поэтому мне желательно продолжить путешествие на «Азове». Я не очень огорчился, узнав, что мы направляемся на Мальту, в Ла-Валлету, и до прибытия на английскую территорию оставалось около недели. К счастью, выяснилось, что бомба лишь порядком оглушила меня, да ещё подарила несколько осколков. Любезный врач сохранил один из них для меня.

Во время первого рассказа Джейн попросила папу показать осколок. Кусок рваного металла был маленьким, проржавевшим и казался не опаснее, чем черепушка от разбитого кувшина. Осколок хранился в крохотной буковой шкатулочке, вместо кольца или кулона.

– Уже на четвёртый день я смог подниматься в кают-компанию и обедать с офицерами «Азова». Русская кухня, конечно, непривычна на вкус, но когда ты молод, трудной кухни не бывает. Зато было непросто говорить. Русские неплохо знали морские термины по-английски, но если мы начинали беседу о чем-то, кроме устройства корабля, словаря не хватало. По-фран-

цузски они говорили куда лучше, но оказалось, что, когда два собеседника говорят каждый со своим акцентом, понять друг друга непросто. Честно сказать, в то время как раз мой французский оставлял желать лучшего... старые моряки говорили, что офицеру Его Величества он не очень-то и нужен: тот, кто уступает в каждой драке, должен сам знать язык сильного. Англичанину достаточно знать: «сдавайтесь, прохвосты!» (*rendez-vous, salauds!*), «поднимайтесь на борт!» (*montez à bord!*), «мне нужен ваш капитан» (*j'ai besoin de votre capitaine*).

– С тех пор я на этот счёт поумнел, слава Богу... и вы учите как следует, никогда не знаешь, когда может пригодиться.

Во время своего рассказа папа говорил эту фразу всегда. Джейн и Лайонел согласно кивали: конечно, надо учить как следует. Они ждали продолжения.

– За день до прибытия на Мальту мичман Батури́н сказал мне, что офицеры корабля решили преподнести британскому гостю подарок, чтобы он составил хотя бы некоторое представление о России. Оказалось, что на корабле служил бывший подмастерье из иконописной мастерской, который полюбил водку больше, чем искусство. У нас такие предпочтения часто приводят на виселицу или в Австралию, на каторгу, а в России – в Сибирь, но и у нас, и у русских можно получить последний шанс под королевским знаменем. Художник оказался на корабле, где морской ветер и дисциплина отучили его от любимого напитка.

Папа несколько раз объяснял детям, что изображено на картине: «Вот это – *troika*, это *volki*, это *izba*». И рассказывал все, что запомнил: о том, как зимой избы снег засыпает под самые крыши, о том, что зимой из села в село можно доехать только на тройке, иначе догонят волки, о том, что русские совсем не боятся мороза.

Честно говоря, русские офицеры посмеивались, поглядывая на картину. «Как я понял, – объяснял папа, – художнику позволили пожертвовать правдоподобием ради красоты, но он злоупотребил своим правом. Боюсь, я никогда не узнаю, правда ли русские невесты красуются зимой в бальных платьях и можно ли проехать по русской дороге, чтобы за тобой не погнались волки».

– Папа, ты думаешь, что никогда не попадёшь в Россию? – однажды спросила Джейн.

– Вряд ли попаду, дочка. Я бываю только в тех странах, которым Правительство Её Величества объявило войну, а с Россией Англия не воюет и, насколько можно судить, не собирается.

Глава 2, в которой миссис Дэниэлс и Уна появляются на сцене, Джейн и Лайонел учатся служить под началом нового адмирала, Джейн проявляет склонность к рискованным экспериментам, а миссис Дэниэлс наказывает команду за дерзкий поступок

Кроме России в мире было много других стран. О большинстве из них Джейн не знала, пока папа не уходил, а если говорить точно – уплывал на войну. Папа служил в морской пехоте, поэтому участвовал во всех войнах, о которых писали в газетах, а иногда и в тех, о которых в газетах не писали.

Войны случались исключительно в жарких странах. Если папу удавалось упрямить что-нибудь рассказать, то его рассказы были горячими, как пудинг, вынутый из печи. Папа говорил о размякшей смоле, о солончаках, о раскалённых от солнца стволах мушкетов и, конечно, о жажде. Солнце было для папы неизбежным, но докучливым сослуживцем, от которого охота отдохнуть. Гуляя по Портсмуту, он всегда старался ходить по теневой стороне улицы.

Когда Джейн была маленькая, она спросила папу: не приходилось ли ему воевать в Гренландии? Папа ответил, что в Гренландии нет британских интересов.

Джейн часто жалела, что папа не берет её с собой на войну. Судя по рассказам, там было очень интересно, и к тому же жарко и сухо. А вот в домике на Парусной улице, где они жили, – холодно, сыро и темно.

Дом был не только сырым и холодным, но и чужим. Папа его снимал – как предполагала Джейн, за не очень большие деньги. Пару раз Джейн спрашивала его: почему бы им не построить свой дом на собственной земле? Папа улыбался, чертил в воздухе замкнутую геометрическую фигуру и пояснял: «Наша Семейная Недвижимость – пустырь, примерно такой же формы и размеров. Такая недвижимость бессмысленна без движимого имущества, без коляски и пары лошадок – путешествовать в город, а ещё лучше – лодки, потому что в разлив реки Недвижимость заливает. Но такого имущества у нас нет, и обзаводиться им я не планирую».

Джейн согласно кивала. Она знала, что их Недвижимость мала, далека от города и не приносит почти никакого дохода. Деньги, на которые они живут, – это офицерское жалованье отца и деньги в банке, оставшиеся от мамы.

Каждый раз, когда Джейн думала об этом, она грустила. Насколько было бы лучше, если бы у них в банке не было денег. А мама была бы жива и жила с ними в доме, когда отец уплывал на свою войну.

Маму Лайонел не помнил совсем, а Джейн помнила очень плохо. Настолько, что рассказать младшему брату ей было почти нечего.

* * *

Вместо мамы дома была миссис Дэниэлс. Она поселилась в доме благодаря папе, так как кто-то должен был следить за порядком, вести хозяйство и руководить штатом домашней прислуги. Прислуга состояла из молодой шотландки Уны, которая, как и положено «служанке на все работы», помогала миссис Дэниэлс на кухне и с уборкой, бегала в лавки, субботними вечерами кипятила бельё в тазу и отжимала его между валиками.

Миссис Дэниэлс появилась в доме не просто так. Сначала папа познакомился с её мужем. Сержант Дэниэлс служил под началом папы, но пропал на войне. Папа знал сержанта Дэниэлса пять лет и был уверен, что сержант погиб и его не нашли. Генерал сэр Реджинальд Б. совсем не знал сержанта Дэниэлса, но зато считал, что очень хорошо разбирается в людях, поэтому решил, что сержант дезертировал. Папа был в чине капитана, победила точка зрения сэра Реджинальда Б., и миссис Дэниэлс осталась без пенсии, полагавшейся вдовам погибших солдат.

Тогда была совсем неудачная пора: одиноким немолодым женщинам не удавалось найти место поломойки или поварихи. Миссис Дэниэлс стала вышивать платки и продавать их, но и с этим не заладилось. В городе было много вдов, чьи мужья погибли, сражаясь за короля и страну, некоторые ещё при Ватерлоо, в последней битве с проклятым Наполеоном. За годы вдовства многие научились вышивать платочки лучше, чем миссис Дэниэлс, так что её товар оставался без покупателей.

Папа тоже не купил ни одного платочка. Зато он предложил миссис Дэниэлс поселиться в его доме. И почти сразу уплыл опять.

Миссис Дэниэлс стала домохозяйкой в доме на Парусной улице за неделю до Рождества, поэтому не раз потом говорила, что никогда в жизни не получала лучшего рождественского подарка. А для Джейн и Лайонела это были не самые лёгкие дни. И вовсе не потому, что в доме поселилась миссис Дэниэлс или им не дарили подарков. Просто эти рождественские дни оказались для них днями войны, причём при численном превосходстве противника.

Джейн и Лайонел были в ссоре с Энн и Терри, из соседнего дома. Вообще-то, они обычно играли вместе, но пару месяцев назад Энн, о чем-то заспорив с Джейн, сказала: «Зато у меня

есть мама». Джейн попросила её извиниться и, без долгих ожиданий, вцепилась в волосы. Лайонел, из солидарности, тоже подрался с Терри, но ненадолго, так как из дома вышли взрослые.

Так началась война. Силы были равны до рождественских дней, когда к соседям приехали гости: два кузена и кузина, того же возраста.

Рождество оказалось снежным, и, когда Джейн с Лайонелом вышли на улицу, на них обрушилась туча заранее слепленных снежков. Сопротивление было недолгим и неудачным.

На второй день повторилось то же самое. Выдержать перестрелку не удавалось, а идти врукопашную против пятерых противников не хотелось.

Лайонел предложил сидеть дома, пока не растает снег или не уедут соседские кузены, Джейн назвала его трусишкой. Тогда он предложил кидаться снежками, пока не дойдёт до синяка («Его должен получить я», – подумав, уточнил он), синяк заметит миссис Дэниэлс и вмешается. Но у Джейн была лучшая идея.

– Мы должны сделать гранату, – сказала она.

– Но ведь гранаты делают в арсенале.

– Папа говорил, что у греков не было арсеналов, а они все равно мастерили гранаты, – ответила Джейн.

Лайонел согласился – тем более что Джейн объявила, что все сделает сама.

Джейн нашла остатки картонной коробки, нарезала кусочки картона, полила их воском, чтобы не намокли. Склеила маленькую коробочку. Намочила в масле кусок бечёвки. Всыпала в коробку две унции пороха (тогда папин кабинет ещё не закрывался), вставила фитиль, защитив его от снега таким же вощёным футлярчиком. Утащить спички с кухни оказалось труднее, чем порох из кабинета, но она справилась и с этим.

– А вдруг ничего не выйдет? – предположил Лайонел, когда они вышли из дома.

– Тогда постарайся заработать синяк, да такой, чтобы его было видно в комнате без зажжённой лампы, – ответила Джейн, и брат пожелал ей удачи.

Синяк, кстати говоря, он получил, так как их опять ждали и налепили снежки, ещё с вечера. Снежки подмёрзли и были как чёрствые пирожки.

Пока Лайонел отстреливался в передней линии, Джейн аккуратно облепила коробочку снегом. Подождла фитиль, подождала и кинула.

Джейн чуть-чуть поторопилась, Энн нагнулась к странному снежку, от которого шла тоненькая струйка дыма. Джейн, понимавшая по рассказам папы, что может произойти с веснушчатым личиком соседки, завизжала так, что не только Энн выпрямилась, но и все остальные обернулись к ней.

В эту секунду визг Джейн заглушил другой звук, короткий и громкий. После него Джейн уже молчала, зато визжала Энн. Терри, оба кузена и кузина визжали тоже. Их визг заметно затихал, так как они неслись в сторону дома. На снегу дымились кусочки картонной коробки.

– Нам тут тоже делать нечего, – заметила Джейн, и Лайонел с ней согласился.

На крыльце своего дома им пришлось выслушать расспросы миссис Дэниэлс. Несмотря на шипение рождественской стряпни, она услышала непривычный звук и пыталась понять, что же это могло быть. «Не мушкет и не пистолет, но и не бомба, – спрашивала она саму себя, – тогда что же?»

К дому уже спешила соседка миссис Эллис, и Джейн поняла, что минуту спустя миссис Дэниэлс удовлетворит любопытство. Она и Лайонел бочком протиснулись в дом. Брат приоткрыл дверь чулана. «Все равно найдёт, – вздохнула Джейн, – но пусть хоть не сразу».

Из чулана разговор соседки и миссис Дэниэлс был не слышен, пришлось чуть-чуть приоткрыть дверь. Все равно удавалось что-то разобрать, лишь если спорщики повышали тон. «Я ещё раз повторяю, – говорила миссис Дэниэлс, – их было двое, а ваших – пятеро».

Потом она сказала несколько очень громких и разборчивых слов, но Джейн все равно поняла не все. К примеру, «свинья», «крыса» и «портовый кабак» она разобрала хорошо, а

вот остальное не удалось. Лицо Лайонела чуть не вспыхнуло от горделивого чувства причастности к тайне: он шепнул, что некоторые из этих слов слышал в школе, но объяснять не будет, «потому что девочкам их не говорят». Джейн была так удивлена и напугана, что даже не смогла как следует на него рассердиться.

Соседка пыталась спорить, но недолго и неудачно. Свой монолог миссис Дэниэлс договаривала уже без ответных возражений. Потом замолчала и она.

– Возвращается, – шепнул Лайонел, выглядывая из чулана. – Сердитая.

Миссис Дэниэлс прошла мимо. Но когда Джейн попыталась выглянуть ещё раз, выяснилось, что, проходя, она заперла чулан.

Дом был тёмный сам по себе, а уж чулан был самым тёмным закутком после подвала. Все равно, когда настал вечер, стало понятно сразу. Было грустно и чуть-чуть страшно.

Чтобы отвлечься, Джейн полушёпотом фантазировала о том, какое впечатление на Энн произвёл её снежок. Лайонел опять зашептал про свою школу: если там такое выкинуть, знаешь, чего бы было? Джейн сочувствовала брату и предполагала, что сегодня вечером им будет то же самое.

Потом она рассудила, что даже если впереди будет очень плохо, то всё равно, сидя в запертом чулане, ничего уже не изменить. Поэтому она нащупала мягкий мешок, привалилась и слушала школьные истории Лайонела с закрытыми глазами. Когда истории о проказах исчерпались, брат начал рассказывать школьные истории про шотландских ведьм и ирландских банши, про призраков, оборотней и всякое такое прочее, очень подходящее для тёмного места. Сквозь дремоту Джейн запустила в него луковицей, выкатившейся из корзины, и заснула окончательно.

Проснулась она от скрипа открываемой двери.

На пороге стояла миссис Дэниэлс. Она держала поднос с кувшином воды, двумя кружками и тарелкой с нарезанным хлебом.

– Вы предпочитаете поужинать здесь или в столовой? – спросила она.

– В столовой, – пробормотал Лайонел, тоже заснувший и теперь ответивший, даже не открыв глаза.

В столовой брата и сестру ждало удивление. На столе стояла кружка воды и нарезанный хлеб. Другие угощения отсутствовали.

– Сегодня вся команда наказана за дерзкую и опасную выходку, – сказала миссис Дэниэлс, прочитала молитву и села за стол.

Лайонел последовал её примеру, Джейн тоже, но все же не удержалась от вопроса.

– А в чем виноват капитан?

– Первый помощник, – поправила миссис Дэниэлс. – Я была на вахте и не уследила за порядком на корабле.

Немного растерянная Джейн кивнула и вцепилась зубами в горбушку, так как за полдня изрядно проголодалась.

Когда обед завершился, миссис Дэниэлс сказала:

– Надеюсь, вы знаете, какие взыскания существуют в Королевском флоте. Надеюсь, эта история не повторится, иначе я вынуждена буду их применить.

«Надеюсь, конопатой дуре хватило одного снежка», – прошептала Джейн, но Лайонел, понимая опасность дискуссии, дёрнул сестру за платье.

Предположение Джейн оправдалось. Через три дня соседские кузены уехали в Бристоль, а Энн помирилась с Джейн и даже извинилась за свою нетактичность. Терри долго упрашивал Лайонела сделать ещё один дымящийся снежок, но отцовский кабинет был уже заперт, и главного ингредиента не нашлось.

Взрослые помирились тоже. Впрочем, соседка, поглядывая издали на миссис Дэниэлс, каждый раз удивлённо качала головой.

Глава 3, в которой терпентин, жавель и мышьяк попадают под запрет, Джейн и Лайонел слышат вещи, которые предпочли бы не слышать, а дядя Генри становится наследником Недвижимости

Про снежок-гранату миссис Дэниэлс вспомнила лишь один раз, полгода спустя. В этот день к ним в гости заглянули дядя Генри и тётя Элизабет.

Когда Джейн была маленькой, ниже папиного стола, она решила, что тётя Элизабет и, особенно, дядя Генри – очень глупые люди. Они постоянно говорили про папу и маму и, когда папа приближался, понижали голос. Но когда рядом была Джейн, они и не думали говорить тише. Будто Джейн ничего не слышала!

Тётя Лиз постоянно вспоминала свою сестру, то есть маму Джейн. Конечно, она её не ругала. Она её жалела, что было гораздо хуже.

– Бедная, бедная Мэри, – зачем-то обращалась она к мужу, который её даже и не слушал, – как она могла совершить такую ошибку?! Я так её любила... Я так часто её предупреждала: сестрёнка, не торопись! Да, у этого красавчика-щёголя Летфорда есть герб, но этот герб только на его носовом платке. У него нет усадьбы с воротами, украшенными гербом, нет кареты с гербом на дверце, даже нет ножей и вилок с гербом. Почему ты не подождала немного, тебе нашлась бы подходящая пара. Нет, она почему-то выбрала нищету, которая сгубила её!

И тётя Лиз делала вид, что всхлипывает. Это удивляло даже маленькую Джейн: она же знает, что её никто не слушает. Может, репетирует слезы?

Дядя Генри своей жене не отвечал и ничего не говорил про маму. Лишь раз он ответил ей. В тот день папа, показывая гостям кабинет, зачем-то вышел, и Джейн отлично расслышала слова дяди Генри.

– Нет, дорогуша, выйти за лейтенанта морской пехоты – не самый глупый выбор. Твоя Мэри не виновата в том, что прогадала. То, что мой дорогой кузен ещё не дорос до полковника, как-то можно объяснить. Но с его доходами и только что не оборванными ребятами дома следовало бы оставить чистоплюйские замашки. Посмотри на эту безделушку, пылящуюся без толку, – дядя брезгливо поднял мистера Риббит-Риббита, будто тот был живой жабой, – в любой ювелирной лавчонке за него дали бы добрую пару гиней. Наполнить свой багаж товаром, выменять его на виски у солдат, а ещё лучше – просто войти к ним в долю, пообещав не щупать их ранцы, даже если раздулись после боя, как вымя дойной коровы... Две таких войны, дорогуша, и мой кузен принимал бы нас в лучших условиях, чем эта сумрачная дыра.

– Может, он не понимает? – участливо спросила тётя Лиз.

– Я уже говорил с ним, – махнул рукой дядя, – и окончательно убедился, что твоя несчастная Мэри не разглядела дурака в смазливом юнце с гербом.

Лайонел тоже слышал этот разговор. Он и позже делился наблюдениями с сестрой, утверждая, что дядя и тётя то и дело жалеют маму и обзывают папу «глупцом».

И все равно однажды Джейн на несколько дней поссорилась с Лайонелом, сказавшим, что если бы мама была жива, то дядя Генри и тётя Элизабет приходили бы к ним в гости гораздо чаще. Если бы мама была жива, она бы согласилась, чтобы дядя Генри и тётя Лиз жили с ними в одном доме.

* * *

До очередного отплытия папы оставалось три дня, когда визит дяди Генри и тётки Лиз украл один из них.

Джейн и Лайонел искренне завидовали миссис Дэниэлс: они с Уной были на кухне, а туда гости не заходили. Шёл привычный дождик, не погулять. Приходилось бродить по дому, конечно, натываясь то на дядю, то на тётю.

Оставалась ещё одна надежда, но она не успела перейти в план из-за наблюдательности миссис Дэниэлс.

– Я видела, какими глазами вы смотрели на гостей, когда они переступили порог, – сказала она ребятам, заглянувшим на кухню. – Так вот, запомните, любая шутка с порохом, солью, уксусом, перцем или нюхательным табаком...

– Хорошо, – сказала Джейн.

– ...швейными иглками, дёгтем, булавками, натянутой бечёвкой, керосином, подпиленными ножками стульев и намасленными ступеньками...

– Я усвоила, – кивнула Джейн.

– ...а также если вы возьмёте жавель, терпентин, слабительную соль, гвозди, коробку с муравьями, свечу, вымоченную в рыбьем жире, то имейте в виду...

– Простите, миссис Дэниэлс, вы нарочно не упомянули мышьяк? – спросил Лайонел.

– ...что все кончится очень плохо, – закончила миссис Дэниэлс, полностью игнорируя их слова. – Я предупреждаю один раз. Если ваш отец ничего не заметит, то увижу я. На этот раз горбушкой и чуланом вам не отделаться.

Брат и сестра переглянулись, печально кивнули и пошли дальше бродить по дому. Увы, дом был мал и на гостей они натывались повсюду, а если и не натывались, то слышали их разговоры. Дядя Генри и тётя Лиз не менялись.

После утомительного обеда от гостей удалось отдохнуть: они ушли в кабинет вместе с папой. Впрочем, отдых в гостиной не удался. Папа и гости говорили слишком громко, и было слышно. Если, конечно, не заткнуть уши. Ни Джейн, ни Лайонел делать этого не собирались.

– Подслушивать нехорошо, – сказал Лайонел.

– Без тебя знаю, – ответила Джейн. После этого они подслушивали оба.

По правде говоря, удовольствия от услышанного не было никакого. «Они его просто душили», – сказал позже Лайонел, и Джейн не смогла возразить.

Громче всех говорила тётя Лиз. Она почти рыдала.

– Бедная, бедная Мэри. Дорогой, ты должен помнить о моей несчастной сестре, даже когда считаешь, что закон на нашей стороне.

– Я хорошо помню о твоей сестре, моя голубка, – грубовато отвечал дядя Генри. – Если бы не она, то сейчас с твоим уважаемым родственником говорил бы наш адвокат.

Джейн почти не расслышала ответ папы, но ей показалось, что он сказал: «Лучше бы я общался со стряпчим».

Поднапрягшись, Джейн поняла, что папа должен дяде Генри большую сумму денег. Джейн стало страшно. Она вспомнила соседку напротив, миссис Райт. Её муж не смог выплатить долг и был отправлен в долговую тюрьму.

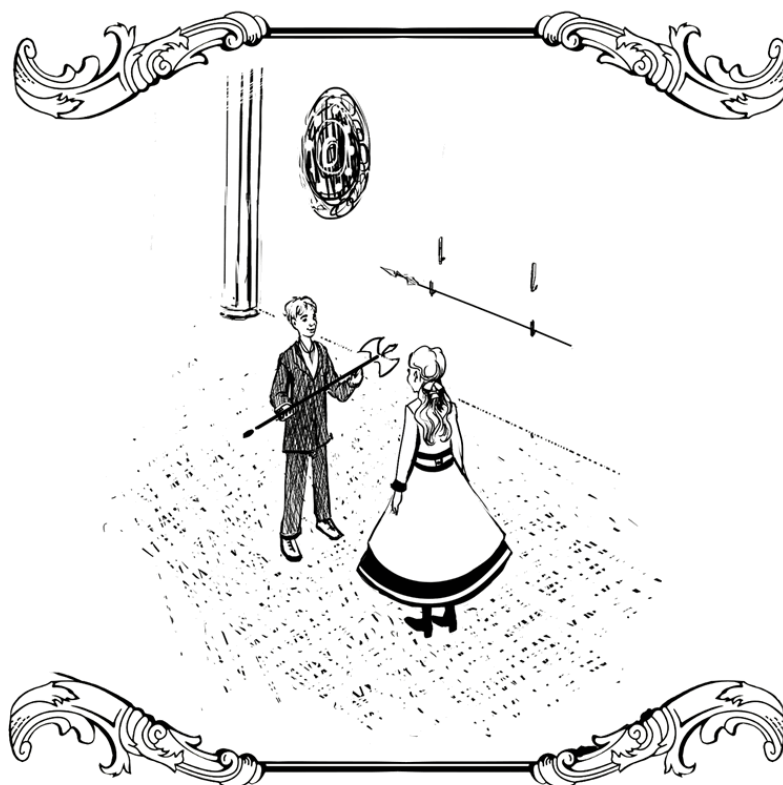
«Неужели это возможно с папой?» – подумала она и так испугалась, что не смогла сразу прислушаться к разговору за стеной. А когда смогла, то услышала вот что:

– Что вы, капитан Летфорд. Даже если бы я не являлся в некотором роде родственником... Но принцип справедливости важнее всего... Я рад, что вас тоже устраивает этот вариант... Как видите, я не отбираю у вас средства к существованию...

– А всего лишь намерены отобрать их у моих детей, – перебил его папа. – Я весьма благодарен вам за деликатность ваших претензий. Остаётся скрепить договор у нотариуса.

Позже Джейн узнала, что папа ничего не должен дяде Генри и договорился с ним очень просто. Папа завещал ему всю свою Недвижимость. Джейн поняла, что это и есть тот самый клочок земли, который заливают в разлив, и нисколько не огорчилась. Она никогда его не видела. – Ну вот, у нас теперь нет Недвижимости, – печально сказал Лайонел. – Ничего, папа когда-нибудь обязательно станет полковником, и Королева назначит его комендантом тропического острова, а мы все туда уплывём, – ответила Джейн. – Конечно, будет немножко жалко папу, но вот лично мне солнце никогда не надоест.

Глава 4, в которой Джейн и Лайонел прощаются с Парусной улицей и переезжают из лачуги во дворец, чтобы потеряться и найтись опять, Джейн принимают за родового призрака, а Джека-садовника так и не бросают на съедение акулам

Королева не торопилась назначать папу комендантом тропического острова, но скоро произошло событие, имевшее не менее важные последствия. Умер дядя Хью.

Джейн огорчилась, хотя с трудом могла вспомнить, когда видела дядю Хью последний раз.

– Почему мы так редко бываем у него в гостях? – как-то спросила она папу. – Ведь у дяди Хью так интересно.

– Потому что он опять будет объяснять мне, как я ошибся, женившись на твоей маме, и непременно пообещает найти мне подходящую невесту, которая будет способна утешить меня и стать новой матерью для «твоих крошек». Я уже отвечал ему, что жду примера от старшего брата: пусть найдёт сначала невесту для себя самого.

С той поры Джейн немножко побаивалась: вдруг папа прислушается к этим советам и женится на невесте, которую подскажет дядя Хью. Джейн была уверена: человек, который

плохо говорил о её маме, непременно найдёт глупую и злую мачеху. Поэтому она даже радовалась тому, что папа почти не встречается со старшим братом.

Теперь встреча стала невозможна. Лайонел флегматично заметил: в том, что дядя умер внезапно и быстро, есть свои преимущества. Во-первых, дядя Хью не страдал, во-вторых, их не успели привезти к нему попрощаться.

Между тем у дяди Хью было очень интересно. Он жил не в таком домике, как у Джейн и её папы. В таком домике у дяди Хью жили слуги. Причём не все, так как всем одного домика не хватило бы.

Владения дяди Хью даже имели своё имя: Освалдби-Холл. Главным в этой усадьбе были, конечно, не домики для слуг, а старинный особняк, для хозяев. Ещё был парк, с огромными деревьями, среди которых можно заблудиться. А еще конюшня с лошадьми для упряжки и седла: дядя Хью любил ездить по парку. Ещё была оранжерея, и в ней росли пальмы и цветы, которые папа часто видел в джунглях, конечно же, без кадок и не за стеклом.

Теперь все это принадлежало отцу Джейн и Лайонела, который за одну ночь превратился из простого капитана Летфорда в сэра Фрэнсиса.

За пару дней до отъезда к папе пришла миссис Дэниэлс.

– Сэр Фрэнсис, я благодарна вам за вашу доброту. Надеюсь, вы напишете мне достойную рекомендацию, которая...

– Вас не устраивает место экономки в моем доме? – спросил папа.

– Устраивает. Но я не уверена, что вы теперь нуждаетесь в моих услугах.

– Нуждаюсь, – коротко ответил папа. Миссис Дэниэлс поблагодарила его и прекратила разговор, так как покойный муж приучил её к коротким ответам. Она повеселела и приступила к занятию, не требовавшему долгого времени – сбору вещей.

Джейн поняла, что прощание – грустное дело, даже если переезжать из лачуги во дворец. Было грустно расставаться с соседями. На прощание Джейн отмерила порцию песка, чтобы показать Терри, какую порцию пороха надо закладывать в снежок. Правда, ещё раз посоветовала не делать этого. «Но если сделаешь, то больше пороха, чем показала я, не клади. И когда подождёшь фитиль, не ковыряй в носу слишком долго».

Энн попросила прощения ещё раз, и они расцеловались.

* * *

Лайонел, обычно говоривший глупости, на сей раз оказался прав. Они приехали в Освалдби-Холл и заблудились. Причём не в парке, а в самом доме.

До этого был Переезд – путешествие с не очень большим багажом, зато на большое расстояние, Джейн не помнила, когда ездила так далеко. Она привыкла смотреть на поезда, теперь же впервые села в вагон. Удовольствие не портили даже рассуждения Лайонела о том, что максимальная скорость паровоза – шестьдесят миль в час, а они едут вдвое медленнее.

Потом был Лондон, через который надо было долго ехать в кебе с одного вокзала на другой. Лайонел объяснял что-то о будущей подземной железной дороге, которая свяжет вокзалы, а Джейн смотрела по сторонам почти с испугом. Город казался бесконечным, весь из одинаковых двух- и трёхэтажных домов, стоящих плотно друг к другу, как папины солдаты на параде.

Из Лондона направились на север. Джейн задремала и проснулась, когда поезд въехал в арку в городских стенах Йорка – более высоких и куда более чистых, чем портсмутские.

Путешествие до Освалдби-Холла продолжилось в экипаже, присланном из усадьбы. Кучер был молчалив и важен, но время от времени оглядывался на пассажиров, будто пытаясь к ним привыкнуть.

– Мы теперь новые хозяева, – шепнула Джейн, и Лайонел кивнул.

Если кучер оглядывался умело, скрывая, будто новые хозяева ему интересны, то Джейн и Лайонел вертели головами откровенно, удивляясь все больше и больше. На самом деле удивлялась Джейн. Брат постоянно намекал, что ему все-все знакомо и нет ничего удивительного, к примеру, в том, что от границ Освалдби-Холла до самого дома надо ехать почти полчаса. А вот Джейн – удивлялась.

Ещё больше Джейн поразила, когда прямая, как струна, обсаженная дубами аллея привела экипаж к самому особняку. Огромные дома она видела и раньше. Но те стояли среди других больших домов. А двухэтажный особняк напоминал старый дуб среди кустов терновника.

Когда новые хозяева Освалдби-Холла вошли в дом, стало понятно, что дела есть у всех, кроме Лайонела и Джейн. Взрослые принялись разбирать вещи, командовать слугами и говорить о разных неотложных делах. Ребятам объяснили: главное, что от них требуется, это не болтаться под ногами. Этим они и занялись – постарались уйти туда, где голоса отца и управляющего, мистера Ф., были бы почти не слышны.

Тишину они нашли лишь на втором этаже. И скоро поняли, что заблудились.

Вернее, это понял умник Лайонел. «Мы заблудились», – несколько раз повторил он. «Не заблудились, а продолжаем исследовать наш новый дом», – каждый раз отвечала ему Джейн. Лайонел кивал в ответ. Идея сдать и докричаться до взрослых не нравилась ему самому.

Заблудиться в доме было нетрудно. Казалось, Освалдби-Холл строили два архитектора. А может, строил один, потом перестроил другой, и делал это, постоянно споря с первым архитектором. Ходил по дому, ворчал, переиначивал работу предшественника: закрывал лестницы, заколачивал прежние двери и прорезал новые, делал новые коридоры.

Историю про двух архитекторов выдумал Лайонел. Он же предположил, что возмущённый призрак первого архитектора сейчас бродит по зданию, ищет, на ком же сорвать досаду. «В отличие от тебя, он бы не только напугал, но и вывел, куда нам надо», – ответила Джейн.

Все же их путешествие было не совсем бесполезным. Они обнаружили кабинет дяди Хью – комнату, что в потёмках казалась раза в четыре больше отцовского кабинета, а может, так и было. Шкафы поднимались до потолка и были плотно заставлены книгами. А ещё на журнальном столе и полках ближайшего шкафа лежали пачки газет.

– Ух! – восторженно шепнул Лайонел. – Да тут вся британская пресса. И за этот год, и не только. А на нижней полке, должно быть, совсем старые подшивки. Точно! Так, сейчас посмотрим, есть ли здесь «Манчестер Гардиан» за 1834 год. Да, есть! А это, не иначе, «Чартист Стар» за сороковой год... а в сорок первом она закрылась... это же редкость!

– Кошка и мышь! Осел и мешок моркови, – возмутилась Джейн. – Завтра начитаешься, когда солнце взойдёт.

Но вырвать мышку из кошачьих когтей – не простое дело. Лайонел не успокоился, пока не подтащил облюбованную подшивку к подоконнику, сунул в неё нос и оторвался, лишь когда Джейн пригрозила продолжить поход в одиночестве.

Зато в следующей комнате они задержались оба. Шкафов здесь почти не было, зато на стенах висели ковры, а на них – оружие. Тут уж Лайонел что-то сказал про собаку, попавшую в колбасную лавку. Впрочем, он и сам немедленно принялся рассматривать сабли, шпаги, копья, ятаганы, алебарды и прочие приспособления для рубки и колки противника. Рассматривали они, конечно, руками: снимали со стены, пробовали взмахнуть, что было нелегко, а потом вешали на место, что было ещё труднее. Джейн решила, что этой комнаты хватит на целую абордажную команду. Одних пистолетов она насчитала не меньше дюжины. Джейн снимала и пистолеты, целилась в щиты на стене, в чучела птиц, верно подстреленных самим дядей Хью, но не в Лайонела – папа запрещал целиться в людей даже из незаряжённого оружия.

Наконец, когда Лайонел попытался сделать «мельницу» старинной глефой⁵ и уронил её на ковёр (к счастью, в стороне от сестры), Джейн закончила экскурсию.

– Завтра опять сюда придём. Ты – в газетную, я – в алебардную.

Когда они покинули алебардную, стало ясно, что уже наступил ранний ноябрьский вечер. В комнатах стало окончательно сумрачно, а уж коридорами приходилось идти на ощупь.

Немного потомив брата, Джейн сказала ему, что подготовилась к путешествию как надо, достала из кармана свечу и спички. Когда в тёмном коридоре загорелся дрожащий маленький жёлтый огонёк и окрестная полутьма окончательно превратилась в темноту, Лайонел прекратил свои истории о призраках, которые ну непременно должны водиться в этом доме. Он же предложил оставлять какие-нибудь знаки, хотя бы от свечной копоти, чтобы не ходить кругами. Джейн возразила: завтра, при свете, эти знаки увидят взрослые и решат, будто мы просто баловались.

Очередная попытка найти главную лестницу привела их в конец коридора, к очередной заколоченной двери. Джейн обиделась на эту неудачу, сунула свечу в руки Лайонела и навалилась на дверь, дёргая ручку и толкая вперёд.

Дверь обиженно скрипнула и отворилась.

– Похоже, плотник пожалел гвозди, – тихо сказал Лайонел. Джейн кивнула, пропуская брата вперёд.

Новая лестница оказалась винтовой и очень старой. Экскурсия по дому окончательно превратилась в Исследование.

Коридор на первом этаже был узкий и столь же запущенный, как лестница. Лайонел остановился, подумал, сверился, как сказал, с «компасом в своей голове» и двинулся вправо.

Компас его не подвёл. Крыло дома, по которому они шли, явно было жилым.

– Уф, у меня от сердца отлегло, – раздалось из-за стены. – Как я рада, что у сэра Фрэнсиса нормальные слуги. А я боялась, что он привезёт с собой из Новой Зеландии туземца-каннибала..

– Жаль, что я не вижу, кто так говорит про папу, – шепнула Джейн. – Эту миссис надо бы укусить ночью за такие предположения.

Лайонел заметил: увидеть было бы интересно, а заодно и понять, в какой части дома мы находимся. Но подходящей замочной скважины или щели не оказалось.

Зато спустя десять шагов вперёд удалось и увидеть, и услышать. Замочная скважина была такой большой, что тусклый свет из комнаты даже просвечивал в коридор. Лайонел глядел несколько секунд, потом Джейн его оттолкнула и посмотрела сама.

За дверью была гостиная. Слуга, парнишка лет пятнадцати, быстро мыл пол, а невидимый, но слышимый собеседник подбадривал его:

– Не ленись, Джек. Иначе новый хозяин Освалдби-Холла тебя знаешь как подтянет. Он ведь не просто джентльмен, но и военный моряк. Говорят, что того, кто плохо драит палубу на корабле, могут опустить на канате в стаю акул и вытащить с откушенной ногой.

– Да уж, замечательная репутация у нашего папы, – сказала Джейн. Лайонел шёпотом согласился и двинулся дальше, мужественно собирая всю пыль и паутину, скопившуюся в коридоре.

В конце концов Лайонел громко чихнул.

– Ну вот, а ты не верил в призрак Лунной Леди, – раздался из-за стены не столько испуганный, сколько укоризненный женский голос.

– Ну вот, теперь я точно не верю, – прошептала Джейн.

– А может, тут водятся и другие призраки, – поспешил предположить Лайонел.

⁵ Разновидность алебарды.

Пройдя до конца коридора, они упёрлись в ещё одну дверь, такую же старую и рассохшуюся, как большинство дверей дома. Из-за щелей ощутимо тянуло прохладой.

– Обрато, что ли, идти? – сказала Джейн, и сказала так печально, что Лайонел, оставив шутки насчёт призраков, принялся за работу. Он отдал свечу сестре, нашёл заржавевшую щеколду и, пыхтя, смог её отодвинуть. Навалился плечом, побряхтел и попыхтел опять. Джейн уже хотела предложить ему оставить это занятие, как вдруг скрип стал протяжным, а в коридоре стало немножко светло и совсем холодно. Они выбрались!

– Ура! – сказала Джейн. – Лайонел, ты Геркулес.

И тут до них донёлся звук гонга, а вслед за ним и голос миссис Дэниэлс:

– Кто сейчас же не найдётся,

Без обеда обойдётся!

– Не хочу без обеда, – сказал Лайонел. – Если бы я был Геркулесом, то сейчас слопал бы коня-людоеда из конюшни царя Диомеда. Побежали.

– Соверши последний подвиг на сегодня, – попросила Джейн, потушив свечку, – прикрой нашу тайную дверь.

Лайонел не без труда закрыл дверь, и они побежали с заднего двора к парадному входу.

Обед пришлось ненадолго отложить. Миссис Дэниэлс ворчала, счищая паутину с исследователей, но Лайонел заговорил ей зубы, пересказав миф о Тезее в лабиринте Минотавра.

Глава 5, в которой новые хозяева знакомятся с реальностью и легендами Освалдби-Холла, мсье Тибо сочетает приятное с полезным, выясняется, что отставка не всегда прилагается к наследству, а Джейн становится хозяйкой имения и совсем этому не рада

Так началась жизнь в Освалдби-Холле. Конечно же, не такая, как в Портсмуте.

Джейн заметила, что если по старому дому она ходила медленно – куда торопиться, от комнаты до двора несколько шагов, – то по огромному особняку пришлось ходить быстро, чуть ли не бегать. А ещё быстрая ходьба согревала. Освалдби-Холл оказался и тёмным, и холодным. Если в прежнем домике становилось тепло, даже когда топилась кухонная плита, то на новом месте согреться удавалось лишь возле камина. Уж очень большими были комнаты и высокими потолки. По коридорам, когда темнело, приходилось ходить со свечой или с лампой.

Непривычным был не только дом, но и обитатели Освалдби-Холла, доставшиеся папе с поместьем. Конечно, каждый из них мог взять расчёт, но сделал это лишь камердинер дяди Хью. Остальная прислуга осталась.

Остался управляющий – мистер Ф. Поначалу он косился на миссис Дэниэлс, но папа распределил обязанности, назначив прежнюю экономку гувернанткой Джейн. Постепенно, однако, как-то само собой получилось так, что мистер Ф. уступил ей и большую часть забот

по дому, а сам смотрел больше за парком и угожьями, а главное, по-прежнему был главным по отношению с арендаторами. Вносимая ими плата и составляла основную часть доходов имения.

Жена мистера Ф., Энджел, оказалась именно той дамой, что громко делилась радостью в разговоре с женой старшего конюха, что новый хозяин поместья не привёз слугу-каннибала. С папой она была вежлива, и Джейн решила не кусать её, и даже не заставляя Лайонела как-нибудь изобразить такого слугу, используя ваксу и вставную челюсть.

Ленивый Джек, которому было обещано купание в стае акул, оказался помощником садовника. Пугал его родной отец, садовник при усадьбе. В тот вечер они были позваны управляющим помочь убрать дом перед приездом новых владельцев.

Несколько дней спустя Джейн, повстречав пожилого садовника в оранжерее (а там, действительно, росли и ананасы, и мандарины, и орхидеи!), сказала ему.

– Мистер Томпсон, извините, но у вас не совсем верные сведения о дисциплинарных взысканиях Королевского флота. Я выяснила у отца: в дисциплинарном Уставе об акулах не сказано ничего.

Садовник, подрезавший папирус, не растерялся и даже не стал ничего выяснять.

– Не говорите, пожалуйста, об этом моему Джеки, мисс Джейн. Меня оболтус особенно и не боится, пусть хотя бы боится сэра Фрэнсиса. Если его не шевелить, так ещё заснёт с лопатой в руках.

– Хорошо, мистер Томпсон. Я непременно скажу ему, что любители заснуть на палубе просыпаются в волнах, – ответила Джейн. Сама же подумала, что Джек, если забыть о его лени, неплохой мальчик.

Очень скоро у неё появилась возможность в этом убедиться. Пока Лайонел корпел за очередной газетой, Джейн забрела в розовый сад – в Освалдби-Холле был специальный сад, где не росло ничего, кроме роз, зато несчётных сортов и всех цветов радуги, которые Джек как раз удобрял золой. С роз разговор перешёл на местный климат, а кончилось тем, что Джек – явно предпочитавший беседу своим прямым обязанностям – рассказал Джейн о призраке Лунной Леди. История была старинная и, конечно же, очень грустная. Кто-то из стародавних обитателей Освалдби-Холла несвоевременно вернулся домой и застал в парке жену с незнакомцем. Незнакомец вскочил на коня и был таков, а вот леди пришлось задержаться для неприятного разговора.

«Что ты делала здесь»? – спросил муж.

«Любовалась луной», – ответила супруга.

«Ты сможешь любоваться луной и дальше. А рассвет увидишь не раньше, чем назовёшь имя своего спутника, чтобы я мог послать ему вызов».

Муж слыл лучшим фехтовальщиком графства и непременно заколол бы наглеца.

«Ты никогда не узнаешь его имя», – ответила леди.

«Тогда ты никогда не увидишь рассвет», – ответил муж.

И запер жену в подвале. А на другой день поселил её в комнате, чьи окна были заколочены ставнями, а двери заперты на крепкий замок.

Не раз, когда спускалась темнота, муж брал леди за руку, гулял с ней по парку и просил её, иногда с угрозами, а иногда и с мольбой, назвать имя кавалера. Но оба оказались упрямыми. Поэтому обидчик так и не отведал шпаги, а леди так и не увидела солнца до своего последнего вздоха. Теперь её призрак каждую лунную ночь бродил по дому, умоляя нынешних жильцов найти её комнату и открыть дверь, чтобы узница увидела солнце. Увы, новый архитектор просто упразднил злосчастную комнату, и открыть несуществующую дверь было невозможно.

Горничную, не верившую в Лунную Леди (но поверившую после чиха Лайонела), звали Сюзи, а укорила её в неверии миссис Смит – супруга старшего конюха. С ней самую Джейн почти не познакомилась, зато подружилась с её супругом. Джейн постоянно посещала

конюшню, перезнакомилась со всеми лошадьми и даже стала учиться верховой езде – мистер Смит оказался замечательным учителем. И двух месяцев не прошло, как Джейн однажды встретила папу на полпути от станции и расспрашивала его о новостях, кружась вокруг коляски на белой кобылке Диане. Папа смотрел на юную наездницу с тревогой (искусно скрываемой) и не говорил ни слова.

Лайонел тоже хотел научиться гарцевать, как сестра. Но у него было мало времени. Все свободное время он тратил на учебники. Лайонелу предстояло отправиться в Итон⁶. Лайонел не раз говорил папе: «Мне известно, что ученикам Итона необходимо уметь ездить верхом и фехтовать». Папа на это отвечал: «Мне известно, что поначалу у тебя на это просто не будет времени. Но от уроков ты никуда не денешься, поэтому готовься». Лайонел готовился.

Если для верховой езды у него не оставалось времени, то фехтовать он все же пробовал. Конечно же, с Джейн, конечно же, в оружейной комнате, на шпагах, снятых с ковра. Джейн проверила, чтобы шпаги были одинаковой длины, и битва началась.

Первый раз на звон клинков заглянула горничная и только покачала головой. Потом пришла миссис Дэниэлс. Несколько секунд она наблюдала молча – Джейн и Лайонел так увлеклись битвой, что не слышали. Потом остановила поединок, отобрала шпаги, заменила их рапирами, найденными тут же, на стене. Некоторое время наблюдала за возобновившейся схваткой, потом сказала:

- Так можно. Продолжайте.
- А как нельзя? – спросил Лайонел.
- Целить в лицо. Вы это знаете, потому и разрешила.

Вообще, и миссис Дэниэлс, и даже Уна легко подружились с остальными слугами. Казались, они давно жили в Освалдби-Холле и вернулись сюда после долгой отлучки.

* * *

И только у мистера Риббит-Риббита и Томми не появилось новых знакомых. При переезде эти два жителя папиного кабинета как-то незаметно отделились от остальных и поселились в комнате Джейн. Ей было немножко стыдно: уже почти взрослая девочка, а играет в игрушки. Джейн даже воровато оглядывалась на дверь: не застанет ли её Лайонел или миссис Дэниэлс за этим занятием. И продолжала играть. Иначе мистеру Риббиту-Риббиту и Томми будет скучно.

* * *

Лайонел собирался в школу, но и Джейн не осталась без образования. В усадьбе появился новый обитатель – мсье Тибо. Он должен был определить, готов ли Лайонел к Итону, а заодно учить и Джейн, пока папа не подберёт подходящий пансион.

Мсье Тибо был невысок и пузат, а также весел и восторжен, причём по любому поводу. Он постоянно отпускал шутки на французском, понятные не всем, а также комплименты, понятные и без перевода. Он так восторгался знаниями Лайонела, что папа даже несколько раз расспрашивал его подробно, пытаясь выяснить, так ли все замечательно. Тогда мсье Тибо становился серьёзным и уверял его, что мальчик, действительно, готов не то что к Итону, а даже к Оксфорду.

Вообще, с точки зрения мсье Тибо, в мире существовали только две прекрасные страны: Франция и Англия. Но если Англия была прекрасной страной без подробностей, то насчёт

⁶ Одна из самых элитных школ (колледжей) Англии. Существует с 1440 года.

Франции мсье постоянно уточнял: прекрасная кухня, прекрасное образование, прекрасная погода.

– А ваш король? – однажды спросила Джейн.

Мсье начал объяснять, что Наполеон – это не совсем король. Наполеон III⁷ хотя и два года назад стал императором, но на самом деле он император-президент, избранный французским народом. Это делает Францию самой прекрасной страной мира, потому что в других странах королями становятся по наследству, а это приводит к тирании. Но все равно Англия – прекрасная страна.

О Наполеоне Джейн пришлось поговорить не только с мсье Тибо, но и с конюхом.

– Извините, мисс, – обратился он, – это правда, что во Франции опять Наполеон на трон залез?

– Да, но это его племянник, – ответила Джейн.

– Все равно, яблочко от яблони... – встревоженно ответил конюх. – Мой братишка старший в солдаты подался, да в первом же бою и погиб, при Ватерлоо. Я тогда был помладше вас, мисс, думал, будто Бонапарт – это чудовище такое заклятое, которое убить нельзя, только на остров далёкий увезти. Теперь, значит, племянш явился. Это что, опять воевать теперь придётся?

– Нет, наверное, – ответила Джейн. – Вы лучше спросите Лаойнела, он читает газеты.

Конюх спросил, и Лайонел объяснил ему, что новый Бонапарт с Британией воевать не собирается. «Все равно какая-нибудь война будет», – качал головой конюх.

* * *

Лайонел покинул поместье в начале января и направился в Итон, так и не научившись толком гарцевать и фехтовать. Джейн сразу стало грустно. В Портсмуте Лайонел каждый вечер возвращался домой из школы. На этот раз он должен был вернуться лишь на пасхальные каникулы.

Без Лайонела огромный Освалдби-Холл казался уже совсем-совсем огромным и пустым. Джейн скучала и даже начала листать свежие газеты – шорох страниц напоминал о брате.

Папа несколько раз ездил в Лондон. Джейн знала, что он, во-первых, ищет школу для неё, а во-вторых, хочет получить отставку в Адмиралтействе. Миссис Дэниэлс была уверена, что школа для Джейн найдётся не сразу, зато с отставкой проволочек не будет.

– Не волнуйся, куда не надо, сэр Фрэнсис тебя не загонит. Я не знаю, есть ли хорошие школы для девочек, но если есть, папа непременно найдёт. А может, махнёт рукой, поселится в поместье и станет следить, чтобы учёный лягушатник учил тебя, а не рассуждал про Наполеона. Тогда и без школы обойдётся. Они нужны только мальчикам.

– А папе дадут отставку?

– Конечно, дадут. К такому наследству отставка должна прилагаться.

Миссис Дэниэлс ошиблась.

Однажды, вернувшись из Лондона, папа сказал Джейн:

– Тебе предстоит стать хозяйкой Освалдби-Холла. Её Величество объявила войну России⁸. Мне не нужно говорить тебе, почему моя отставка исключается.

Джейн была так поражена этой новостью, что сама удивилась заданному вопросу:

⁷ Племянник Наполеона Бонапарта. В 1848 году избран президентом Франции, в 1851 году совершил военный переворот и стал императором.

⁸ Крымская война 1853–1855 годов. Россия предъявила Турции жёсткие требования, Англия и Франция встали на защиту Турции. Несмотря на то, что Россия отказалась от претензий к Турции, Франция и Англия продолжили войну и в 1854 году высадили войска на территорию России. Позже к ним присоединилось Сардинское королевство (государство на территории современной Италии).

– Так ты на этот раз поплывёшь на север, а не на юг?

– Не знаю, дочка. Может, нас пошлют на Балтийское море, а может, и на Чёрное. Нас могут послать на Северное море и на Тихий океан. У России много берегов.

Джейн задала второй, пожалуй, не менее глупый вопрос:

– А как же ты воевал при Наварино вместе с русскими против турок, а теперь будешь вместе с турками против русских?

– Говорят, лорд Пальмерстон сказал по этому поводу, что у Правительства Её Величества нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а только постоянные интересы... Выход России в Средиземное море в число этих интересов не входит... А у капитана морской пехоты не спрашивают его мнения – присяга есть присяга.

Это Джейн уже слышала не раз и потому без особой надежды спросила последнее, что вертелось у неё на языке:

– Как ты думаешь, может, русские сдадутся и война закончится быстро?

– На этот вопрос, дочка, мне ответить проще. Я не знаю, что на уме у русского царя, но я был на русском корабле. Такой противник не сдаётся.

Глава 6, в которой за Тревогой приходит Беда и приводит Неприятность, выясняются лечебные свойства шоколада, сэр Фрэнсис Летфорд отправляется служить Королеве и Стране, дядя Генри падает с лестницы, а Джейн попадает под арест

Настала весна. В Освалдби-Холле она, пожалуй, была чуть попозже, зато пышнее, чем в Портсмуте. Городские звуки не мешали гомону птиц. На клумбах и лугах за усадьбой всюду расцветали сначала белые подснежники и крокусы, потом нарциссы с тюльпанами. Трава аккуратно подстриженных газонов, и без того круглый год зелёная, наливалась ещё более изумрудным оттенком. Казалось, даже ночные звезды дарят земле весенний аромат.

От всего этого Джейн было особенно грустно. Весна наполнилась разлукой. И если бы только разлукой!

Папа собирался на войну. Было известно, что ему предстоит воевать в эскадре адмирала сэра Чарльза Нэпира, посланной в Балтийское море. Сам адмирал уже отплыл к русским берегам, но его эскадре требовались подкрепления. С одним из них и полагалось отправиться сэру Фрэнсису Летфорду.

Итак, папе полагалось плыть на север, и это было единственной новостью, которая радовала Джейн. Она не сомневалась, что после такой экспедиции папа полюбит солнце не меньше, чем она.

Впрочем, скоро мнение Джейн изменилось, и она пожалела, что Её Величество не послала папу в тропики. У их семьи появился не только новый дом, но и новые соседи. И эти соседи, приглашённые в Освалдби-Холл, обсуждали предстоящую войну, а главное, роль папы в ней.

– Сэр Фрэнсис, вас ждут великие дела, достойные офицеров самого лорда Нельсона, – говорил сквайр Н. – Я читал в газетах, что на банкете в «Реформ-клубе» адмирал обещал взять Петербург за три недели. Я уверен, сэр Фрэнсис, именно вам отведена особо важная роль в этой войне. Ведь именно морской пехоте придётся брать штурмом укрепления Кронштадта, без чего, как я читал в газете, невозможно захватить Петербург.

Джейн читала в другой газете, что укрепления Кронштадта взять почти невозможно. Поэтому она предпочла, чтобы отец совершил три кругосветных путешествия, а не штурмовал непреодолимые укрепления далёкого Кронштадта.

Но Королева послала папу именно в Балтийское море, и Джейн тревожилась.

* * *

Вслед за Тревогой пришла Беда, а беда привела Неприятность.

За три дня до отъезда папы в Освалдби-Холл вернулся Лайонел, на пасхальные каникулы. В дороге он утомился и чуть ли не сразу пошёл спать, отбиваясь от расспросов сестры про жизнь в Итоне: «Потом расскажу, а сейчас выплещу всласть, впервые за три месяца».

– «Потом, потом». Уедешь и ничего не расскажешь, – сказала Джейн. И ошиблась.

Следующим утром Джейн встала раньше брата и решила прокатиться верхом. Мистер Смит уже подготовил по её вечерней просьбе Герцога – вороного жеребца-двухлетку, но, поведив его, сам же и раскритиковал эту идею.

– Мисс Джейн, лучше не надо. Герцог с утра норовить изволит, разыгрался невесть с чего. Хоть вы уже и наместачились, всяко вам будет лучше на Диане прокатиться. Мне её выседлать и трёх минут не займёт.

Джейн хотела было не согласиться с конюхом, тем более что на норовистом Герцоге ей приходилось и ездить рысью, и даже скакать. Но мистер Смит так быстро принялся седлать Диану, что она, уважая его старания, решила проехать на покладистой кобылке.

Выезжая из конюшни, Джейн заметила, что конюх решил было расседлать Герцога, однако, обнаружив какое-то более нужное занятие, оставил коня.

Вернулась Джейн через четверть часа. Конюх куда-то отлучился, зато в конюшне был Лайонел.

– Братик проснулся по итонскому расписанию? – спросила она.

– Ага. Если ты не накаталась, давай прогуляемся ещё. Мне нужно работать над итонской посадкой.

– Давай. Только поменяемся лошадами. Говорят, что Герцог сегодня не в духе. Как бы итонская посадка не обернулась йоркширским падением.

Последняя фраза по праву относилась к категории лишних. Не успела Джейн покинуть своё седло, как Лайонел уже был на Герцоге. Ему пришлось воспользоваться тумбой для подсадки, но решимость превзошла неумелость. Джейн, не ожидавшая такой прыти от брата, глядела с испуганным восторгом, Герцог, тоже не ожидавший такого поступка от незнакомца, начал взбрыкивать.

– Ты бы лучше спрыгнул, – неуверенно сказала Джейн.

– Спрыгну, только доеду до ворот и обратно. Поскакали!

И пришпорил Герцога.

До ворот доскакать не удалось. Ярдах в сорока от конюшни Герцог взбрыкнул особенно резво, и Лайонел вылетел из седла. Упал он на дёрн, но, как поняла Джейн ещё до того, как сама спрыгнула на землю, не очень удачно.

– Ты как? – подскочила она к брату.

– Все в порядке, – прошептал Лайонел побелевшими от боли губами. А потом, противореча своему ответу, потерял сознание.

* * *

Врач, утешая отца и Джейн, заметил, что за тридцать лет его практики случаев из категории «бывает и хуже» было бессчётно. Кто, упав с лошади, ломал себе спину, кто сворачивал шею. На таком фоне сломанное бедро заслуженно казалось пустяком. «Если бы мастер Лайонел был в преклонных годах, проблемы были бы неизбежны, – добавлял доктор, – но в столь юном возрасте все обойдётся. Покой, уход и благоприятные условия – вот, что сейчас нужно ему».

Лайонел был столь же оптимистичен, как и врач, и, похоже, даже рад. Он немедленно занялся созданием «благоприятных условий». Уговорил положить его в кабинете, попросил миссис Дэниэлс вызвать столяра, чтобы тот сделал ему два пюпитра, один для чтения книг, другой – для перелистывания газетных подшивок.

Ещё одним «благоприятным условием» стала ваза с колотым шоколадом, тоже поставленная в пределах доступа руки. «Миссис Дэниэлс, я читал, что шоколад – самая полезная пища для быстрого срастания костей», – заявил он. Миссис Дэниэлс, про это не читавшая, спорить не стала. «Никому из ребят с моего курса не достались такие отличные каникулы», – говорил Лайонел.

Одним словом, настроение у Лайонела было отменное, хоть делись. Он и делился им с Джейн. Та, понятное дело, грустила: все же каникулы брата продлились по её вине. К тому же, если жизнь брата наполнилась болью, книгами и шоколадом, то её ничто не отвлекало от тревоги за уезжающего отца.

И все же в день отъезда, самый грустный день, случилось событие, которое отвлекло и Джейн. И немудрёно: в Освалдби-Холл пожаловала тётя Лиз.

Едва гостья узнала о беде, случившейся с племянником, она огорчилась, да так, что чуть не забыла о главной цели визита – прощании с сэром Фрэнсисом. Она ходила вокруг кровати Лайонела, вздыхала, убеждала его, что он поправится, главное, не двигаться и слушаться взрослых.

Зато, выйдя из комнаты больного, она не сдержала слез. В отличие от сельского врача-оптимиста, память тётя Лиз хранила множество других примеров, когда даже более простые переломы ног приводили к совсем-совсем печальным последствиям. «Меньше всего я хотела бы, чтобы мальчик остался прикованным к этому ложу навсегда», – говорила она столь страстно, что иной раз в её речи проскальзывало «мой мальчик».

Сэр Фрэнсис не сразу понял, чего хочет тётя Лиз. А когда понял, то принялся убеждать её, что миссис Дэниэлс – отличная сиделка. «Не спорю, – отвечала гостья, – но ведь неизвестно, как пойдёт болезнь. Может быть, придётся пригласить другого врача, а его рекомендации будут отличаться от уже полученных советов. Страшно сказать, но иногда кости приходится ломать заново, если они начали неправильно срастаться. Даже самый лучший и преданный слуга на свете не может принять такое решение. Для этого нужен родственник».

Папа продолжал убеждать тётю Лиз в квалификации миссис Дэниэлс, и тогда родственница окончательно пустилась в слезы. «Поймите, капитан... сэр Фрэнсис, вы сами, в первую очередь, не простите себе, если мальчик останется калекой. Но и я не прошу себя за свой мяг-

кий характер и то, что мне не хватило сил проявить настойчивость, борясь за его интересы. И вообще, вы будете в долгой отлучке, а за домом нужно присмотреть».

Джейн, присутствовавшая при разговоре, отметила: уж что-что, а настойчивость тётя Лиз проявила. И этой настойчивости хватило. «Я буду признателен вам, если вы на некоторое время останетесь здесь, чтобы проследить за тем, как поправляется Лайонел, – сказал папа. – Миссис Дэниэлс – отличная служанка, но она будет его баловать; смотрите, чтобы её заботы не пошли во вред его здоровью. Как только сочтёте нужным, пригласите специалиста: я оплачу счёт от любого врача».

Все это папа говорил второпях, ему надо было успеть на дневной поезд. Он только и успел, что объяснить слугам о новой временной хозяйке в доме, попрощаться с Лайонелом и сообщить ему о новой сиделке (тот хотел было что-то сказать, но прикусил губу, будто опять упал с лошади).

Джейн проводила папу до коляски. Улыбнулась, попросила привезти из России медвежонка: «У нас теперь такое большое поместье, что, даже когда он вырастет, будет где держать». Рассмеялась вместе с папой. И лишь когда коляска выехала за ворота, чуть ли не бегом бросилась в дом, прокралась на заброшенную лестницу и разревелась.

Джейн плакала и злилась на себя. Ведь она понимала: плачет не только из-за папиного отъезда. Она хотела выплакать вину из-за брата, сломавшего ногу по её вине (а по чьей же ещё?!). А ещё плакала от горя и обиды за себя – ну зачем черти всех стихий принесли в Освалдби-Холл тётю Лиз?

* * *

Так Беда, случившаяся с Лайонелом, привела Неприятность. Неприятность, как и положено, оказалась больше, чем следовало ожидать. А уж если быть совсем точным, то печальные предчувствия, посетившие Джейн и Лайонела, сбылись. И очень скоро.

Два дня спустя после того, как в усадьбе поселилась тётя Лиз, пожаловал дядя Генри. Супруга, как временная хозяйка, приняла его и поселила. «Спасибо, что не в отцовскую спальню», – подумала Джейн.

Сказать, что дядя Генри пожаловал в гости, было бы, по меньшей мере, неверно. Он сразу же повёл себя как хозяин, вернувшийся в родной дом после долгой отлучки. Хотя и был в Освалдби-Холле первый раз в жизни.

Садовник Джеки по большому секрету рассказал Джейн, что все неспроста. Тётя Лиз, получившая доступ в отцовский кабинет, показала хозяйственные бумаги своему мужу. Дядя Генри, хорошо понимавший в бухгалтерии, выяснил, что управляющий допустил небольшую ошибку, в свою пользу, «потеряв» сто фунтов. Дядя Генри сообщил об этом мистеру Ф., добавив, что пока не собирается делиться открытием с хозяином поместья. С тех пор управляющий делал вид, будто не замечает, что гость ведёт себя как хозяин. Остальные слуги не замечали тоже.

Об этом следовало бы написать отцу. Но в какое море послать письмо?

Оставалось наблюдать, как тётя и дядя гуляют по усадьбе и судят вкусы покойного владельца. Вердикт обычно был в пользу сэра Хью.

– Безусловно, последняя реконструкция пошла зданию на пользу, – говорил дядя Генри. – Разве что недостаточно света, но этот изъян устранить просто. Достаточно прорезать два дополнительных окна в центральном корпусе, не говоря уже о светильниках. Да ещё привести в порядок перила на центральной лестнице.

– Дорогой, ты, как всегда, прав, – щебетала в ответ тётя Лиз.

Правда, ничего перестраивать гости пока не стали. Зато принялись «наводить порядок» в доме.

Уже скоро Джейн привыкла к двум фразам. Тётя Лиз часто повторяла: «Разве тебе не говорили, что дети не должны...?» Удивление тётя проявляла часто. И когда Джейн в одиночку каталась на Диане или Герцоге (Джейн нарочно села на него, чтобы победить страх, да ещё показать глупому жеребцу, что не сердится на него). И когда Джейн гуляла пешком по парку. И даже когда Джейн гуляла по дому.

Джейн и подумать не могла, какое до этого у неё было счастливое детство! Оказывается, дети, даже в её возрасте, не должны одни выходить из дома. Не должны заходить в любую комнату, кроме своей спальни, не объяснив взрослому, зачем им нужно войти в эту комнату. Не должны заходить на кухню, чтобы поговорить с кухарками. И уж тем более не должны уносить с кухни морковку для кроликов в вольере и пригоршню овса для фазанов.

Если Джейн возражала тёте Лиз, что ей ничего такого не говорили, то тётя вздыхала, шепча разборчивым шёпотом про «бедных детей, не получивших нормального воспитания». Иногда этим и ограничивалось, иногда в разговор вступал дядя Генри, если был в доме, а не в Лондоне, куда часто ездил.

В отличие от супруги, он не спрашивал. Он утверждал: «Запомни раз и навсегда, что взрослые должны...» Джейн скоро убедилась, что взрослые должны знать, где находятся дети, знать, чем заняты дети, знать, что намерены делать дети. Самое же главное: взрослые должны добиться от детей «настоящего послушания». Пусть папа из-за своих морских плаваний не смог правильно воспитать своих детей, исправить эту ошибку никогда не поздно.

Взрослыми, конечно, считались дядя Генри и тётя Лиз. Лишь отчасти это право признавалось за миссис Дэниэлс.

Джейн уже скоро перестала возражать и пропускала нотации мимо ушей. Ответила она лишь однажды.

Разговор, как всегда, начала тётя Лиз. На этот раз он касался права Джейн самой отнести Лайонелу наколотый шоколад, если тот закончился. «Разве тебе не говорили, что дети не должны сами брать еду из буфета?» – спрашивала тётя. Дядя Генри стоял рядом, готовый поставить точку в разговоре: «Запомни раз и навсегда...»

Тётя Лиз, любящая рассуждать, объясняла Джейн, почему она должна следить за её поведением даже в мелочах.

– Пойми, мы самые близкие твои родственники. Мы очень надеемся и верим, что сэра Фрэнсиса вернётся с войны живой и невредимый. Но он отправился на очень опасную войну. И если он не вернётся домой, тогда мне придётся заменить тебе мать, а Лайонелу...

– Запомните раз и навсегда, – Джейн не узнала свой голос, настолько он был громкий и резкий. – Запомните раз и навсегда, что мой папа возвращался с любой войны, и непременно вернётся после войны с русскими. Поэтому вы никогда не будете моей матерью, а ваш муж не будет моим отцом!

С этими словами она повернулась и направилась к буфету.

– Я советую тебе отказаться от таких дерзких замашек, – заметил дядя Генри. – Они могут кончиться очень плохо!

Тётя Лиз лишь вздохнула, чуть не пустив слезу.

Что же касается Лайонела, его нога поправлялась без проблем и осложнений. Так считал прежний врач, раз в неделю посещавший Освалдби-Холл. Тётя Лиз явно доверяла доктору и не собиралась созывать обещанный консилиум. Она даже не навещала больного. Дядя Генри чаще заходил в кабинет, правда, чтобы взять свежие газеты, прочитанные Лайонелом.

– Почему ей не стыдно так врать? – говорила Джейн брату. – Ведь она втёрлась к нам, чтобы присматривать за тобой...

– И за домом, – продолжил Лайонел, посасывая очередной кусок шоколада. – Я рад, сестрица, что она выполняет только вторую часть обещанной программы.

– Ну да, ты лежишь, поэтому она присматривает за мной, – вздохнула Джейн.

* * *

Летом 1854 года тёплые недели чередовались с прохладными. Был очередной холодный и дождливый день. К тому же дядя Генри вчера вернулся в Освалдби-Холл из Лондона, что делало погоду особенно противной.

Джейн, накинув шаль, ожидала почтальона на крыльце вместе с Уной. За Лайонелом пока ещё признавалось право первым читать свежие газеты.

Почтальон проявил обычную пунктуальность. На этот раз он улыбнулся Джейн особенно задорной улыбкой.

– Здравствуйте, юная леди! Хорошо, что сегодня вы меня встречаете лично. Сегодня я принёс не только новости с военных театров, но и корреспонденцию, адресованную лично Вам.

И протянул Джейн письмо, которое та, естественно, немедленно схватила вместе с газетами, поблагодарив почтальона и дав ему от себя два пенса.

И помчалась в дом, засунув газеты под мышку и не слушая укоризненных слов Уны «так не положено, мисс Джейн, я должна принести вам почту на подносе» ...

«Лайонел переживёт минут пятнадцать без своих газет. Вообще-то, он тоже оставит газеты, ради письма. Ладно, прогляжу сама, ведь письмо адресовано мне. Потом отнесу ему».

Скажем честно, Джейн так не терпелось прочесть письмо, что было просто лень дойти до комнаты Лайонела. Она вбежала в тёплую гостиную, подошла к окну. Поцеловала конверт, аккуратно, без ножа, отодрала полоску грубой бумаги и потянула тонкий белый листок.

«Дорогая Джейн.

Я нарочно адресовал это письмо тебе, а не Лайонелу. Тётя Лиз говорила, что у него могут быть осложнения. Может быть, врачи запретили ему читать. Решай сама.

Жизнь богата внезапными поворотами, поэтому не удивляйся...»

Джейн не сразу расслышала шаги. А когда оторвалась от чтения, то увидела дядю Генри.

– Пришло письмо? – не здороваясь, спросил он.

– Да. Я получила письмо, – уточнила Джейн.

– Это письмо от отца?

– Да.

– Запомни раз и навсегда. Когда приходят письма от взрослых, дети не читают их, а отдают взрослым. Взрослые сами читают письма и решают, что можно сообщить детям, а что – нельзя.

У Джейн перехватило дыхание. Она глубоко вздохнула, пришла в себя и почувствовала лёгкий толчок. Дядя Генри выдернул письмо из её руки.

Толчок вывел Джейн из оцепенения.

– Мистер Стромли... Взгляните на конверт. Письмо адресовано мне!

– Какое это имеет значение? – рассеянно ответил дядя, глядя не на Джейн, а на письмо.

– Такое, – сказала Джейн так же громко, – что папа написал письмо мне. Мне! А вы... Он даже не знает, что вы сейчас живёте в нашем доме! В этом письме нет ни строчки, адресованной вам!

Дядя Генри все же отвлекся от чтения и поднял взгляд на Джейн.

– Дерзость перешла все границы. Я долго терпел, но дальше терпеть невозможно. Ты не прочтёшь это письмо, дерзкая девчонка. Кстати, ты наказала и своего братца, пусть скажет тебе спасибо. Если ты будешь вежливой, может быть, я отвечу на твои вопросы о содержании...

Все, что дядя Генри сказал после обещания никогда не показывать Джейн письмо отца, она не слышала. Но уже не потому, что не могла дышать и думать. Наоборот, мир стал для неё

таким же ясным и простым, как в ту самую секунду, когда дымящийся снежок летел под ноги задиристым соседям.

Они, считающие, что папа может не вернуться с войны, будут читать его письмо?

– Хорошо, – спокойно, чуть ли не смиренно, сказала Джейн, – но вы не прочтёте его тоже.

Она шагнула к дяде и вырвала у него из рук и письмо, и конверт. Дядя Генри настолько не был готов к атаке, что даже не пытался удержать письмо в руке.

– Отдай его! Отд... Что ты делаешь, маленькая мерзавка?!

Джейн успела сделать многое. Она добежала до камина, последний раз взглянула на письмо с родными, привычными строчками, поцеловала его и кинула в огонь. Потом схватила кочергу и вмяла и бумажку, и конверт в пламенеющие угли. Поэтому дяде Генри, попытавшемуся выхватить листок из пламени, досталось лишь облако искр, устремившееся ему в лицо.

Если дядя и был опалён, то разгневан ещё больше. Впрочем, как показалось Джейн, он и тут был верен себе: обернулся к ней не раньше, чем убедился, что спасти из огня уже нечего.

– Так... дерзкая дрянь, – медленно проговорил он, – вот сейчас ты отучишься от своих привычек раз и навсегда!

И кинулся на Джейн, опрокинув тяжёлый стул.

Джейн метнулась к двери. Оттуда в коридор, оттуда на второй этаж.

Какие только дурацкие мысли не лезли ей в голову на бегу! К примеру, она радовалась, что эта история приключилась не в их портсмутском домишке, а в Освалдби-Холле. Здесь было так просторно, будто она мчалась по городской улице.

Ещё Джейн поняла, как замечательно она изучила усадьбу покойного сэра Хью. Она не только находила правильный маршрут, исключавший тупики, но и подсказывала дяде Генри.

– Осторожно, мистер Стромли... Здесь за углом шкаф. Будьте осторожны, дальше стёртые ступеньки. Мистер Стромли... держитесь за перила!

Дядя Генри почему-то считал эту заботу издевательством и отвечал на каждое предостережение угрозой, с каждым разом все злее и злее. В конце концов он не удержался на ступеньках и чуть не догнал Джейн, правда, не сбегав вниз, а скатившись кубарем. Джейн проследила с безопасного расстояния, что он упал удачнее, чем Лайонел, и встал на ноги.

Пожелав дяде быть осторожнее, Джейн поднялась по боковой лестнице, направляясь в свою комнату. Где и заперлась.

* * *

Некоторое время спустя дядя Генри постучался в дверь. Он остыл, но был столь же решителен.

– Открой и выйди. Если мне придётся вызвать слесаря, тебе достанется гораздо больше.

– Если дверь взломают, я выпрыгну в окно, – сказала Джейн.

Надо заметить, перед этим она взглянула на место предполагаемого падения и пришла к выводу, что, скорее всего, останется жива. Или будет лежать в соседней комнате с Лайонелом. Что было бы не так и плохо.

– Можешь не беспокоиться, – спокойно сказал дядя Генри, – я лично к тебе не прикоснусь. Тебя накажет тётя Элизабет – она дама и твоя родная тётя. Поверь, для неё это очень неприятная, но необходимая обязанность.

– Да, я была вынуждена согласиться на это, – сказала тётя Лиз так грустно, будто наказание грозило ей самой.

«Внизу цветник, может, даже ногу не сломаю, – подумала Джейн. – Тогда сразу на конюшню за лошадью. Будем надеяться, Диана осёдлана. Вот только дальше-то что?»

– Простите, мистер Стромли, – раздался за дверью голос миссис Дэниэлс. – Но все неприятные и необходимые обязанности такого рода возложены сэром Фрэнсисом исключительно на меня.

– Вы неправильно понимаете ваше положение в этом доме, – сказала тётя Лиз.

– Напротив, понимаю очень хорошо. И своё, и не только своё, – громко ответила миссис Дэниэлс. – Но сейчас главное не это. Я повторяю и готова подтвердить под присягой хоть констеблю, хоть королевскому прокурору: из всех взрослых, находящихся в этом доме, только я имею право наказывать мисс Джейн, если это будет необходимо. И так будет до того дня, пока я не получу письменное подтверждение от сэра Фрэнсиса о том, что воспитательские права переданы кому-то другому.

– В этом доме, миссис Дэниэлс, письменные подтверждения попадают в камин непрочитанными, – слегка хохотнув, ответил дядя Генри. «Он что, умеет шутить?» – подумала Джейн.

Дальнейшее обсуждение продолжалось в стороне от двери, приглушёнными, рассерженными и злыми голосами. Слышны были только дядя и тётя. «Неслыханная дерзость, заслуживающая самого строгого внушения». «Рано или поздно ей придётся выйти». «Нет, это слишком мягкое наказание». «Дорогой, ты предлагаешь держать её в комнате до следующего письма от отца?»

Джейн могла бы дойти до двери, сесть на пол и, прижавшись ухом к замочной скважине, лучше расслышать голоса в коридоре. Она не сделала этого, так и оставшись сидеть на подоконнике. Недавняя секундная ненависть, когда она смогла бы затолкать в камин самого дядю, превратилась в холодную и застывшую злую решимость. «Будь что будет, – думала она. – Признают, что права миссис Дэниэлс – выйду. Взломают дверь – выпрыгну. А пока и с места не сойду!»

– Джейн, – раздался громкий и беспокойный голос тёти Лиз, – Джейн, пожалуйста, подойди к двери. Ты слышишь?

«Бойтся, что я уже выпрыгнула?» – подумала Джейн и направилась к двери неторопливым шагом. Все же очень уж не медлила: вдруг миссис Дэниэлс волнуется тоже?

– Я здесь, – сказала она.

– Вот и отлично, – голос тёти Лиз заметно повеселел, – а ещё отлично, что ты сама подсказала нам, как тебя следует наказать. Как дерзкая, непослушная, невоспитанная, не уважающая взрослых девчонка, ты будешь сидеть в этой комнате. А учитывая уникальные обстоятельства твоей дерзости, ты просидишь здесь месяц. Если же ты...

– Я согласна, но с одним условием, – перебила её Джейн, – я смогу видеться с Лайонелом.

Ещё пару минут за дверью продолжался педагогический совет, сопровождаемый словами «немыслимая дерзость» и «излишняя жестокость». Потом заговорила миссис Дэниэлс.

– Джейн, тебе разрешат видеть Лайонела два раза в день. Мы будем ходить к нему вместе, и я ручаюсь, что тебя никто не тронет пальцем.

– А я ручаюсь, – рявкнул дядя Генри, – что если в течение месяца увижу тебя, шастающую по Освалдби-Холлу в одиночку, то тебя не защитит никто.

– Спасибо, миссис Дэниэлс, – громко сказала Джейн. – А вы... А вы помните, мой папа непременно вернётся! Запомните это раз и навсегда!

И, не слыша голосов из-за по-прежнему запертой двери, подошла к окну. Села рядом и заплакала.

Глава 7, в которой Джейн и Лайонел делают неприятнейшее открытие и убеждаются в том, что независимо от них его сделал дядя Генри, выясняется, что сэр Фрэнсис нуждается в присмотре, как и его сын, а солдатику Томми даётся важное поручение

К счастью, тёте Лиз и дяде Генри не пришло в голову уточнить продолжительность посещений Лайонела. Джейн приходила к брату и утром, и вечером, а бывало, так задерживалась с утра, что было непросто сказать, в каком же помещении она была заключена под домашний арест: в собственной спальне или же в комнате брата.

Лайонел наслаждался жизнью. Не будь Джейн свидетельницей истории с Герцогом, она бы сказала, что он упал нарочно. Лайонел просто зарывался в своих любимых газетах. Свежие он читал и вырезал из них заметки, а старые тоже читал, но не касался ножницами, а делал выписки и наклеивал в различные блокноты.

– Знаешь, – не раз говорил он Джейн, – я думаю, когда-нибудь правительства всех стран перестанут тратить на обычных шпионов. Вместо этого достаточно выписывать все основные национальные газеты и тщательно их просматривать. Если не лениться, то там можно найти все нужные сведения. Главное, уметь увидеть то, что нужно.

– Звучит забавно. А как проверить? – говорила Джейн, выуживая из вазы очередной кусок шоколада.

Контроль над кухней окончательно перешёл к тётё Лиз. Джейн как-то не придавала этому значения, но после того, как попала под домашний арест, выяснилось, что дополнительным (хотя и не объявленным) наказанием стал полный запрет на сладкое. Она не жаловалась, но Лайонел об этом как-то пронюхал и требовал дополнительную порцию шоколада, повторяя, как он полезен при переломах. Тётя Лиз не спорила.

– Да очень просто, – отвечал Лайонел. – Ты этого не знаешь, а я отвадил дядю Генри именно газетами. Он уже третью неделю со мной не общается.

– А раньше общался? – с укором спросила Джейн. После истории с письмом такие отношения казались ей предательством.

– Ну да, – ответил Лайонел. – Когда он заходил ко мне за газетами, то говорил со мной о колониальной торговле. Узнав, что я интересуюсь динамикой цен на кофе и пробую делать прогнозы... Нет, не надо, я же больной!

Напоминание было своевременным. Лайонел привык, что, когда он употребляет слово, незнакомое сестре и не извиняется перед этим, она может запустить в него любым подходящим предметом. Вот и сейчас Джейн схватила сливовую косточку, прицелилась брату в лоб, но, вспомнив, что сейчас ему не увернуться, опустила руку.

– ...Динамикой цен на кофе, – продолжил Лайонел. – Это когда отслеживают, как изменились цены на кофейные урожаи в прошлом году, позапрошлом, предыдущем и так далее, а потом эти данные обобщают и предполагают, сколько кофе может стоить в будущем году.

– Скучотища, – заметила Джейн, положив косточку и вытерев пальцы салфеткой. – И как же ты его отвадил? Сделал прогноз на такую динамику, что он умчался в Лондон на биржу покупать акции?

– Нет. Я выяснил, что он, как бы это сказать, не очень надерзив, не всегда помнит свою собственную биографию. А именно её индийский период.

– Как это?

– Недели три назад он зашёл сюда. Я просматривал книгу «Выдающиеся британцы», кстати, рекомендую и тебе. Он увидел заголовок и сказал, что встречал немало выдающихся наших соотечественников вживую. Дядя тщеславен, это я замечал и прежде. Среди прочих он назвал и генерал-губернатора Индии лорда Генри Гардинга – героя войны с Корсиканцем⁹ и победителя сикхов¹⁰. Когда я спросил его, где же он видел лорда Гардинга, дядя ответил, что встречался с ним в Индии, на границе с Пенджабом. А неделю спустя у нас зашёл разговор о железнодорожном сообщении в колониях, дядя Генри заявил, что не застал строительство железной дороги в Индии, так как покинул полуостров в 1834 году и больше туда не возвращался. Я удивился и переспросил его – именно в 1834 году? Он подтвердил, и тогда я сказал: но ведь лорд Гардинг прибыл в Индию в 1844 году!

– И что сказал наш тщеславный дядюшка?

– Буркнул что-то и быстро вышел из комнаты. С того дня он ни разу не заводил со мной разговоры. Однако эта загадка заинтересовала меня. Её следовало бы разгадать!

– Особенно лёжа в постели, – заметила Джейн.

Лайонел, что было для него характерно, не обиделся.

⁹ Распространённое прозвище Наполеона Бонапарта – он родился на острове Корсика.

¹⁰ Сикхи – народ в Индии, имеющий собственную религию; в XVII веке создали своё государство, подчинённое англичанам в середине XIX века после серии военных столкновений.

* * *

Конечно же, у брата и сестры хватало других тем для разговоров, кроме динамики цен на кофе и загадок дяди Генри. Они вместе читали газеты, особенно статьи про войну, и гадали, где же сейчас находится папа и чем он занят вместе с эскадрой сэра Чарльза Нэпира.

Отдадим должное покойному дяде Хью: кроме огромной библиотеки и подшивок старых газет, в его кабинете было много самых разных карт. Лучшее всего был «Атлас европейских берегов». С этим атласом можно было спланировать военную операцию против любой прибрежной страны, от Португалии до Швеции. Взять Петербург с моря очень непросто, – авторитетно утверждал Лайонел во время очередного картографического путешествия из Северного моря в Финский залив. – Море там мелкое. Видишь эти маленькие цифры? («Вижу, это показана глубина», – отмахнулась Джейн от всезнайки.) Нашим кораблям придётся пройти мимо Кронштадта, а там сильные береговые батареи и к тому же стоят на якоре немало вражеских кораблей. Я читал, что русские не выходят в море, но и стоящий на якоре корабль, если на борту хорошие канониры, – опасный противник. А ещё между Кронштадтом и берегом несколько фортов, построенных русскими совсем недавно. Они поступили очень остроумно: зимой, когда море замёрзло, да, не удивляйся, в России замерзает даже море, разрубили лёд, забили сваи и бросили на дно огромные ящики с песком и гранитные плиты¹¹. Так появились новые острова-крепости, с пушками и гарнизоном.

– Значит, если море замёрзнет, то папа вернётся домой ещё до зимы? – с надеждой спросила Джейн.

– Да. Ведь наша королева умнее, чем Наполеон, причём не нынешний, а его дядя. Она не будет воевать с русскими среди сугробов. Разве что мы захватим в Балтийском море или Финском заливе остров, устроим там базу и вернёмся весной, когда будет тепло. – И Лайонел, хвастаясь своими знаниями, начал перечислять острова, которые можно захватить: Готланд, Эзель, Даге, Аландские острова, где у русских есть крепость Бомарзунд. И даже Толбухин маяк, хотя он совсем близко от Кронштадта.

– Помнишь, как ты мечтала о том, что Королева назначит папу генерал-губернатором тропического острова? – сказал он.

– Да, – ответила Джейн и подумала: может, лучше было мечтать, чтобы папа просто не уплывал на свои войны? Вдруг эта мечта сбылась бы! Тогда не нужен и Освалдби-Холл, хватило бы и старого портсмутского дома. Там, кстати, её помещали под чуланный арест лишь однажды, и то на один вечер.

– Вдруг Её Величество и правда назначит нашего папу комендантом одного из русских островов?

– Брр, там же холодно! А вдруг море замёрзнет и на остров по льду прискачут казаки?

Лайонел приумолк – о такой драматической возможности он не подумал. А Джейн догадалась, как извлечь из неё пользу.

– Когда дядя Генри и тётя Лиз узнают, что у папы появилась новая Недвижимость, – продолжила она, – то непременно сядут на корабль и приплывут на этот остров. А папа, узнав о приближении казаков, успеет получить приказ об эвакуации и уйдёт со своим гарнизоном. А дядю и тётю не предупредит. Нет, тётю лучше забрать с собой, – поправила она, – все же она почти ничего плохого не сделала и к тому же наша родственница.

– И тогда казаки заберут дядю Генри! – восторженным шёпотом продолжил Лайонел. – А ведь ещё могут прискакать калмыки, они даже в войну с Наполеоном сражались луками и

¹¹ Цепочка фортов существует в Финском заливе и поныне.

стрелами. А может, русский царь призовет на войну якутов. Они запрягают в свои сани собак и оленей. Правда, я читал, что каннибалы в России не живут.

– И они увезут дядю Генри в свои вигвамы! – столь же восторженно, но громче подхватила Джейн. – А так как тётя Лиз осталась в Англии, они заставят его жениться на самой мудрой и старой женщине своего племени. И она будет постоянно ему говорить: «Запомни раз и навсегда, что взрослые должны...»

– А он будет постоянно ворчать, как ворчит у нас в столовой: «Эти дикари не умеют поджарить ростбиф как следует», потому что...

И вдруг Лайонел замолчал, будто кто-то заткнул ему рот. Джейн даже испугалась и взглянула на дверь – не вошёл ли дядя. Дверь была открыта для свежего воздуха, к тому же в скрипучем коридоре шаги были бы слышны ещё от лестницы. Нет, они явно были одни.

– Джейн, какой же я осел! – сказал Лайонел. – Почему я об этом не подумал! Ведь дядя и тётя получают в наследство всю нашу недвижимость! Если...

– Об этом «если» я и не думаю, – отрезала Джейн.

– И я не хочу думать. А вот они, похоже, хотят. Не верю, что они появились в Освалдби-Холле, чтобы ухаживать за мной!

– Теперь я понимаю, почему папа собирался перед отъездом переписать завещание...

– Вот именно, что собирался, – чуть не застонал Лайонел, – и переписал бы, не приди в голову мне дурацкая идея покрасоваться на Герцоге! Ведь мы же говорили об этом предыдущим вечером. Но утром... Конечно, все вылетело у папы из головы. Я во всем виноват! Но все равно на месте папы, когда у нас на пороге появилась тётя Лиз, я поскакал бы к нотариусу даже с риском опоздать на корабль. Хотя ведь завещание можно изменить и на борту, а заверит его капитан.

– Папа как-то сказал мне, что, когда корабль отплыл в военную экспедицию, составлять завещание считается плохой приметой, – сказала Джейн. – Ладно, давай об этом не говорить.

– Давай. Просто я только сейчас понял, что мы ждём папу домой, а рядом с нами живут люди, которые его совсем не ждут. И, наверное, обрадуются, если он не вернётся.

Джейн махнула рукой, и они вернулись к спору о том, какой порт на русских берегах будет захвачен в первую очередь.

* * *

Неделю спустя миссис Дэниэлс отлучилась в Ливерпуль, навестить больную мать. Как нетрудно догадаться, дальнейшие события стали возможны исключительно из-за её отъезда.

Джейн хорошо помнила условия своего ареста – выход из комнаты лишь под руку с миссис Дэниэлс. Она догадывалась, что дядя Генри помнит их не хуже, поэтому не решалась выходить из комнаты одна. Действительно, когда они пару раз встречались в коридорах, дядя Генри бросал на неё такие взгляды, будто говорил: «Тебе повезло, что рядом миссис Дэниэлс».

Теперь она отбыла на три дня. Перед отъездом сопроводительная миссия была передана Уне. В первый день она выполнила свою миссию. На второй постучалась в комнату Джейн так рано, что даже разбудила её.

– Извините, мисс Тшейн, но миссис Стромли сказала мне, что у меня сегодня будет много дел, и если вы хотите с утра пообщаться с мастером Лайонелом, то я толшна сопроводить вас именно сейчас.

– Открыть глаза и умыться... – спросонья пробормотала Джейн, – зайдите через час...

Через час Уна не пришла. А также через два часа, и через три. Джейн выглянула в коридор и позвала, но никого из слуг на этаже не оказалось. Выйти и пройти в другой конец коридора она не решилась: вдруг дядя подстерегает её поблизости.

«Это напоминает мне суд над Орлеанской девицей, о котором недавно рассказывал Лайонел, – подумала Джейн, – ей тоже подстроили какую-то каверзу, чтобы она дала повод для смертной казни. Шекспир, конечно, прав: она зналась с нечистыми духами; жаль, мсье Тибо с этим не согласен. Все равно не стоило казнить бедняжку».

Джейн в очередной раз задумалась над парадоксом, не раз отмеченным Лайонелом: англичане всегда воевали с французами, а теперь объединились с ними против русских. Она ещё не знала, что сегодня ей придётся ещё раз вспомнить Орлеанскую деву и даже ощутить себя ею.

Такие размышления отвлекали её, но Уна не шла, и надо было решаться. К примеру, пройти по коридору без обуви. А если дядя Генри выскочит из своей предполагаемой засады, то добежать до комнаты Лайонела.

А если он войдёт туда и осуществит угрозу?

Джейн в очередной раз выглянула в окно, надеясь увидеть кого-нибудь из слуг. Но вместо них увидела незнакомца, идущего к усадьбе.

Делать пока что было нечего, и Джейн вспомнила совет Лайонела: если видишь человека, то попробуй представить, кто он такой, а потом узнай, права ты или нет. Поэтому Джейн стала наблюдать за незнакомцем.

Это был высокий широкоплечий бородач, в большой шляпе. Такому человеку естественно идти быстрым и размашистым шагом. Однако незнакомец брёл медленно, и было очевидно, что не от усталости, а от раздумий. Когда до крыльца оставалось шагов тридцать, незнакомец остановился и закурил трубку. На это он потратил добрые пару минут, после чего окончательно сбавил шаг.

«Он прошёл восемь миль от станции, но так и не решил, нужно войти ему в дом или нет, поэтому затягивает время, – подумала Джейн. – Понять бы, почему так. Одет как джентльмен или как человек, желающий походить на джентльмена. Но пришёл пешком. Кстати, к кому же он явился в гости? Не к слугам же. А если к дяде Генри, то тот встретит его и будет беседовать в левом крыле».

Это был шанс спокойно дойти до комнаты Лайонела. Конечно, шанс ненадёжный. Джейн поняла, какая большая разница, когда ты просто играешь в размышления и когда должна подумывать и действовать.

Подождав, пока незнакомец войдёт в дом, Джейн выглянула в коридор. Взяла туфли в руку и направилась к Лайонелу.

Она прошла уже больше половины, когда на лестнице заскрипели ступени. Судя по звукам, поднимался дядя Генри.

От испуга Джейн выронила туфельку. Нагнулась, подняла. И поняла: отступление уже отрезано. Пара секунд, и дядя окажется в коридоре, увидит её. Поможет ли ей, если она успеет умчаться и закроется у себя или у Лайонела? Ведь сейчас в Освалдби-Холле нет миссис Дэниэлс и никто не помешает дяде взломать дверь.

«Маленькая невоспитанная дрянь! Наконец-то я смогу научить тебя, как уважать взрослых! На этот раз ты получишь по заслугам!»

Все эти соображения, как и вполне возможные слова дяди Генри, промелькнули в голове Джейн за одну секунду. А заодно промелькнула мысль: чтобы успеть что-то сделать, у неё как раз одна секунда и осталась.

И тут Джейн вспомнила про лестницу Лунной Леди. Вообще-то, пока Лайонел был на ногах, они ещё дважды исследовали её, собирая впотьмах остатки паутины. Ни скелетов, ни золота не нашлось, поэтому они забросили это занятие.

А если дверь заколочена? Прыгать в окно?

«Хоть бы и в окно», – подумала Джейн, толкая дверь. Та скрипнула и поддалась на полдюйма.

Джейн слышала, что умирающий человек вспоминает всю свою жизнь. Наверное, она тоже умирала в эти секунды, так как вспомнила многое из прошлого. В том числе последний визит на Лунную лестницу, когда Лайонел на прощание закрыл дверь и прижал её сверху согнутым гвоздём. Значит, достаточно...

Джейн отыскала гвоздь и, не обращая внимания на боль в большом пальце, отогнула его вверх. Толкнула дверь ещё раз. Та открылась.

«Интересно, знает ли он про эту дверь? И если не знает, то не поймёт ли, что ею только что воспользовались? – подумала Джейн, осторожно закрывая дверь за собой. – Кстати, комнату я не закрыла, и если он обнаружит, что меня там нет...»

– Дорогой!

Голос тётки Лиз звучал приглушённо, но все же различимо.

– Дорогой, можно тебя на пару слов... мне доложили – у нас гость...

В голосе тётки была непривычная интонация. То есть непривычная по отношению к мужу, но вполне обычная в обращении со слугами и, конечно, с самой Джейн. Это была смесь сарказма и неудовольствия.

Опять раздался скрип ступеней. Он медленно затихал – дядя Генри спускался по лестнице.

«Теперь никто не помешает мне пройти к Лайонелу, – подумала Джейн, облизывая саднящий палец. – Однако что же это за странный визитёр? Может, мне пойти и узнать, кто он такой?»

И Джейн, удерживая туфли в одной руке, а другой держась за перила винтовой лестницы, поднялась в закрытый коридор. Из редких щелей бил свет, но его, конечно, не хватало.

Зато слышно было ничуть не хуже, чем в первый вечер, когда они с Лайонелом открыли для себя эту лестницу и коридор. Поэтому голос тётки Лиз Джейн услышала скоро и отчётливо.

– Дорогой, я никогда не вмешивалась в твои дела. Но сейчас я не могу скрыть удивление. Если служанка не перепутала фамилию, то мистер С. – это тот самый Счастливец Джон, о котором ты говорил. Позволь спросить, что понадобилось в нашем доме каторжанину?

«В нашем доме?» – со злостью подумала Джейн. И тут же ей показалось, будто дядя Генри угадал её мысли.

– Дорогая, ты плохо расслышала мои недавние слова. Я никогда не говорил, что это наш дом. Я лишь говорил тебе, что этот дом может стать нашим. Но это возможно лишь при соблюдении некоторых условий. Первое из них: ты не вмешиваешься в мои дела. Могу успокоить тебя: Счастливец Джон у нас ненадолго. И если ты хочешь, чтобы он покинул наш дом в самое ближайшее время, не отвлекай меня. Лучше посиди в холле, так, чтобы ты видела дверь гостиной. Любое постороннее ухо – неуместно.

– Я поняла, дорогой.

– И хорошо. А теперь пригласи Счастливика. Томить ожиданием даже такого гостя не совсем учтиво.

И Джейн поняла, что визит к Лайонелу отложен на неопределённое время.

* * *

Дядя Генри и Счастливец Джон говорили тихо. К счастью, они расположились у стены. Поэтому Джейн слышала каждое слово.

– Мистер Стормли, я слышал, что вы хотели встретиться со мной, – сказал гость. Его голос был сильный, хрипловатый и при этом немного беспокойный. – Вы хотели поговорить о чем-то важном, но не о моем долге, – последние слова были добавлены с очевидной поспешностью.

– Да, именно так, – после некоторой паузы (томительной паузы, как поняла Джейн) произнёс дядя Генри. – Конечно, мистер Счастливчик, было бы неверно думать, будто я забыл про долг – я никогда не забываю о долгах. Но важно не это: если мы договоримся, я готов не только забыть о долге, но и выдать вам безвозвратный кредит.

Казалось, дядя Генри продолжит. Но он замолчал, ожидая, что скажет собеседник.

– Я даже немножко удивился, когда мне сказали в Ливерпуле, что меня разыскивает некий джентльмен, а это оказались именно вы. Вы, мистер Стромли, действительно остались джентльменом – и, как я погляжу, теперь чуть ли не сквайр.

– Кем я стал, не ваше дело, – ответил дядя Генри, – но джентльменом я остался, в отличие от вас. Вы понимаете причину, мистер Счастливчик? Причина в маленьком отличии между нами. Нам обоим пришлось быть в одном шаге от причала, с которого отходит корабль в Ботани-Бей¹². Но я избежал последнего шага. Поэтому я являюсь джентльменом и могу ходить по земле родной страны с гордостью, в отличие от некоторых моих знакомых, вынужденных по возвращении оглядываться через плечо.

«Достойнейшим джентльменом! – подумала Джейн. – Ну почему никто, кроме меня, не слышит этот разговор?!»

– Но хватит обо мне, поговорим о вас, – продолжил дядя Генри. – Надеюсь, вы догадались, почему я не тратил слишком много времени на поиски вашей особы, а дождался, когда вы отзовётесь на моё приглашение?

– Потому, – ответил гость, – что джентльмену не следует таскаться по притонам в поисках прежних компаньонов, не сумевших остаться джентльменами.

– Это верно. Но была ещё одна причина. Я хотел понять, сохранили ли вы способность находить нужных людей. Результатами проверки я удовлетворён и беру вас к себе на службу. Да, именно на службу, а не в компаньоны, как бывало прежде. Мистер Счастливчик, как я убедился, вы, действуя самостоятельно, ошибаетесь. А вот исполнять поручения вы умеете. Я хочу дать вам поручение.

– Какое?

– Ваша задача – отправиться на театр боевых действий. Нет, не умирать за Королеву и Страну¹³. Дураков на это дело много, но ни я, ни вы к ним не относимся. Ваша задача – найти капитана морской пехоты сэра Фрэнсиса Летфорда. Этот достойный джентльмен в данный момент осаждает одну из русских крепостей на Балтике. Мне нужен надёжный человек, который отыщет его и присмотрит за ним.

– Вы хотите, чтобы он...

Из-за стены донёсся энергичный, но почти не слышный звук. Джейн показалось, что дядя Генри тихо прошипел: «Тсс!»

– Ох, Джон Счастливчик, вас постоянно губила – и, боюсь, погубит – поспешность и пристрастие к ненужным словам. Что такое «вы хотите»? Если ещё раз спросите меня о том, что я хочу, то в дальнейшем мы будем говорить о вашем долге. Нет, я буду говорить только о своих чувствах. Я ничего не хочу и не планирую. Я только предчувствую свои будущие чувства. Поняли?

– Да, – со вздохом ответил Счастливчик.

– А чувства мои такие. Конечно, как верноподданный Её Величества, я буду рад, если отважный офицер придёт с войны живым и невредимым. Но в силу определённых личных причин к этой радости будет примешана грусть. Очень сильная. А вот если этот офицер падёт в боях за Королеву и Страну, то чувство радости во много раз превысит чувство грусти. Надеюсь, вы меня поняли?

¹² Залив в Австралии. Во время действия романа – синоним австралийской каторги.

¹³ Официозное английское выражение, соответствующее русскому «за Веру, Царя и Отечество»

– Да, – ответил гость.

– А теперь, чтобы вы не только поняли, но и прониклись важностью вашей миссии. Если я получу известие, что оберегаемый вами офицер не вернулся с войны, мои чувства будут столь велики, что я смогу с вами поделиться радостью. Наши прежние денежные недоразумения будут забыты. Кроме того, я смогу устроить вашу судьбу и найти вам такое место, где вам не станут докучать ни сыщики, ни кредиторы.

– Я благо...

– Подождите. Но если капитан Летфорд вернётся, подозреваю, что эта новость ввергнет меня в грусть. Она будет столь велика, что я поделюсь ею с вами. И, подозреваю, вам достанется большая доля. Я достаточно высоко ценю свои чувства и не смогу пощадить человека, который не пощадил их. Вы пожалеете, что вообще сегодня явились сюда!

Последние слова дядя Генри просто выкрикнул и ударил кулаком по журнальному столу. Кстати, своевременно, так как Джейн не смогла сдержать стон и поторопилась прикусить руку.

– Я понял, – произнёс гость.

– Вот и отлично. Тем более вы как минимум дважды оказывались в подобных ситуациях и выходили из них с честью.

– Трижды.

– Тем более. Видите, я, как всегда, прав более чем наполовину. Мистер Счастливчик, тянуть время нежелательно. Я дам вам сумму, которая с лихвой покроет ваши дорожные расходы. Чтобы попасть на корабль и отплыть к действующей эскадре, вы можете стать врачом, неогоциантом, священником, журналистом, не мне вас учить. Советую отказаться от индийских воспоминаний: на борту могут быть офицеры из колоний. Чаще употребляйте ваш американский акцент: янки на корабле окажутся вряд ли.

– Да, вот ещё. При благоприятном, точнее печальном, исходе постарайтесь изучить бумаги покойного. Если вы доставите их мне, то размеры моей благодарности увеличатся. Если не сможете – не надо, но убедитесь, что от них остался пепел. Это тоже очень обрадует меня. А теперь – в путь...

Видимо, отношения, сложившиеся между дядей Генри и Счастливчиком Джоном, не допускали промедлений. Послышался скрип отодвинутого кресла, секундная пауза – Счастливчик взял деньги – и удаляющиеся шаги.

Джейн встала, щипнула себя, желая убедиться, что не спит, и двинулась по коридору. Хотя дядя и пошёл проводить гостя, терять время она не собиралась. Впереди уже маячила секретная дверь, и тут у Джейн язык прилип к нёбу, а волосы не то чтобы встали дыбом, но ошутимо зашевелились. Сквозь щели двери пробивался слабый свет, и в этом свете была явственно видна неподвижная женская фигура в белом, стоявшая у подножия лестницы. Фигура двинулась к Джейн – как показалось той, не шевелясь и не касаясь ногами пола. Крик застыл у Джейн в горле...

– Мисс Тшейн... – тихо произнесла фигура. Джейн чуть не упала в обморок от облегчения. Лунная Леди, если она существовала, была явно уроженка Йоркшира или уж по крайней мере англичанка, и говорить с гэльским акцентом ей было не с чего.

– Уна?

– Мистер Стромли попросил меня сопроводить вас в комнату мастера Лайонела. Я не нашла вас в вашей комнате и испугалась – вы же знаете, вам нельзя...

– Как вы... Как вы нашли...

– Слуги всегда знают больше, чем думают хозяева, мисс Тшейн... Идёмте, я толшна вас проводить, мистер Стромли велел...

– Мой дядя всегда трогательно заботится о своих родственниках, – рассеянно сказала Джейн. Они осторожно вышли в коридор, и тут Уна внимательно посмотрела на Джейн и тихо спросила:

– Простите, вам не плохо, мисс Тшейн? На вас лица нет...

* * *

– И больше ты ничего не запомнила? – в очередной раз спросил Лайонел.

– Ничего, – в очередной раз ответила Джейн.

У Лайонела была досадная привычка повторять одни и те же вопросы. К примеру, он успел спросить сестру самое меньшее пять-шесть раз, попыталась ли она разглядеть обратный адрес на отцовском конверте перед тем, как бросить его в огонь, или нет. «Может, ты не прищмотрелась, но просто взглянула, и эта картинка отпечаталась в твоей голове? – рассуждал он вслух. – Как бы сделать так, чтобы ты вспомнила?» Джейн даже предложила подвергнуть её какой-нибудь простой пытке, вроде щекотки, но Лайонел отверг идею.

Сейчас он был огорчён тем, что Джейн не запомнила мистера Счастливого.

– Если бы я был преступником, скрывающимся от закона, то носил бы самую пышную бороду, которую только бы смог отрастить, и самую большую шляпу, которую только можно купить в шляпной лавке, – заметил Лайонел. – Ладно, спасибо, что запомнила про американский акцент. Теперь переходим к самому трудному: решаем, что делать. Я вижу три варианта. Первый – самый простой и самый глупый: не делать ничего и ждать нового письма. Когда же оно придёт, немедленно предупредить папу. Так ты может быть все-таки...

– Я. Не. Запомнила. Адрес. На. Сожжённом. Конверте, – отчеканила Джейн.

– Да, извини. Теперь второй вариант, тот самый, который ты предложила, едва войдя в кабинет. Ты по-прежнему считаешь, что надо обратиться к властям?

– Не уверена, что поверят, – вздохнула Джейн.

– Зато я кое в чем уверен. Давай устроим маленький домашний спектакль. Ты играешь саму себя, я – всех остальных. Итак, Джейн Летфорд пришла в полицию...

Голос Лайонела изменился, стал нарочито взрослым и официальным:

– Мисс Летфорд, сообщите, что привело вас в полицию. Не волнуйтесь, будьте уверены, я, как и присутствующие здесь ваши родственники («Основной допрос пройдёт в присутствии тёти Лиз и дяди Генри», – заметил Лайонел своим обычным голосом), желаю вам только добра. Свидетелем какого происшествия вы стали в минувшую среду?

– Господин констебль, наш дом посетил скрывающийся от каторги преступник, – сказала Джейн.

– Уважаемая юная леди, это очень важное заявление. Будьте добры, уточните нам его имя. Счастливчик Джон. А приметы? Большая шляпа и пышная борода?

– Сэр, надеюсь, теперь вам понятно, что перед нами плод болезненной детской фантазии?

Джейн вздрогнула, настолько удачно Лайонел смог воспроизвести интонацию дяди Генри.

– Подождите, пожалуйста, мистер Стромли. Мисс Летфорд, продолжайте. В чем заключалась суть состоявшегося преступного разговора?

– Он сказал... Он сказал, – Джейн запнулась, пытаясь найти максимально чёткую формулировку. – Дядя Генри сказал, что если мой папа не вернётся с войны, то он будет этому рад, и просил гостя отправиться на Балтийское море и присмотреть за папой.

– Извините, ваша честь, – Лайонел заговорил участливым и взволнованным до лёгкой истеричности голосом тёти Лиз, – извините, но, может, не стоит утомлять допросом бедное дитя? Это очень впечатлительный и нежный, но, к сожалению, также избалованный и капризный ребёнок, выросший без отца и матери, в обстановке полной безответственности за свои

поступки. Недавно Джейн выхватила письмо из рук своего дяди и бросила в камин лишь за то, что родственник захотел прочитать это послание первым. Ваша честь, как бы вы наказали свою дочь за такой поступок?

– У меня нет дочерей, но сын, безусловно, пожалел бы о такой дерзкой выходке, – сказал «констебль».

– Вот, вот, – продолжила «тётя Лиз». – А мы ограничились тем, что посадили её в комнату, под домашний арест. Похоже, такой воспитательный метод оказался слишком жестоким для впечатлительного ребёнка, и наша племянница попыталась избавиться от наказания, опираясь на свои причудливые фантазии.

– Это существенно меняет дело, – сказал Лайонел голосом полицейского инспектора. – Я надеюсь, вы будете добры и снисходительны к ребёнку, чей отец сейчас сражается за Королеву и Страну. Впрочем, я также надеюсь, что вы избавите полицию от необходимости выслушивать детские фантазии.

– Непременно, ваша честь, – «дядя Генри» почти не пытался скрыть свою радость, но, обращаясь к Джейн, почти скрыл злость: – Пойдём, милая, нам есть о чем поговорить дома.

– Вот, – сказал Лайонел своим привычным голосом. – Все будет так или примерно так.

– Лайонел, ты говоришь как взрослый, – тихо сказала Джейн.

– Нет, сестричка. Просто я ещё не совсем взрослый и поэтому хорошо понимаю взрослых. Ты согласна, что остаётся только один выход?

– Да.

– Ты должна сама отправиться к Балтийской эскадре и найти отца раньше, чем до него доберётся наёмный убийца, – спокойно сказал Лайонел.

– Я сразу подумала об этом. И больше всего боялась, что ты будешь меня отговаривать.

– Не стал бы. Если ты отправишься в путь, у тебя в любом случае останется вторая возможность. Ты можешь дать показания о подслушанном разговоре в любом городе Англии и на борту любого британского корабля. Может, на корабле к тебе и прислушаются и, даже отправив домой, пообещают передать письмо отцу. Но если ты дашь показания в нашем графстве, шанса на второй вариант не будет. Твой арест затянется не на один месяц, и наш дорогой дядюшка станет запирает дверь комнаты на ключ, а может, и поставит решётку на окна. Он выпустит тебя на свободу только в одном случае...

Лайонел замолчал, и Джейн поняла почему. Брат подумал о том самом случае, при котором дядя Генри сочтёт, что племянница для него больше не опасна.

– Теперь, – сказал Лайонел, – приступаем к делу.

– Приступаем, руководи.

– А что мне ещё остаётся? – грустно сказал Лайонел. – Наверное, первыми штабными офицерами были воины со сломанными ногами – ни на что иное, кроме как составлять планы для других, они не годились. Тебе понадобятся деньги. Перед отъездом отец оставил мне тридцать фунтов. Возьми их себе, у меня останется мелочь на разные потребности. Кстати, насчёт мелочи. Видишь, на полке стоит мистер Пигги-Пенни? Будем считать, что уже настала осень и его пора заколоть. Черт, погоди, дай полюбоваться! Я откармливал его два года, мечтал приобрести «Британнику»¹⁴. Вот она, здесь, на полке, вообще у нашего замечательного покойного сэра Хью столько книг, что мечтать мне больше не о чем. Разбей о пресс-папье. Отлично. Возьми немного мелочи, она тебе понадобится. Остальную мелочь всыпь в эту карандашницу и поставь рядом.

– Спасибо.

– Вот уж, действительно, не за что. Хорошо, что тебе не понадобится что-нибудь продавать. Девочки, продающие на улице дорогие вещи, всегда вызывают особый интерес, впрочем,

¹⁴ Британская энциклопедия.

мальчики тоже. Кстати, надо будет решить с одеждой. Ты должна взять платье, в котором путешествуешь, и положить его на стул в своей комнате. Так, чтобы и служанки, и дядя, и тётя не сразу заподозрили, будто ты отправилась в дальнее путешествие. Ты сбежала из-под ареста в домашней одежде, решила погулять и заблудилась в парке. Чем позже дядя Генри поймёт, что тебя надо искать не в окрестностях Освалдби-Холла, а в дальних краях, тем лучше для всех.

– Лайонел, ты прекрасный лидер. Какие ещё идеи?

– Тебе надо как следует выспаться до вечера. Если ты уйдёшь в полночь, то сможешь сесть в утренний поезд и выспаться уже там.

– Хорошо. Но если моё отсутствие обнаружат утром... Уна ведь приносит мне завтрак...

Кстати, где она – мы уже сколько времени разговариваем.

Тут дверь спальни тихо открылась, и Уна появилась на пороге собственной персоной – без стука и не попросив разрешения войти, неслыханная вещь для служанки.

– Мисс Тшейн, мастер Лайонел... Простите, я никогда не стала бы подслушивать, но я видела ваше лицо... я поняла, что что-то случилось, а миссис Дэниэлс в отъезде... Мисс Тшейн, я слышала, о чём вы сейчас говорили... если хотите, я поеду с вами. Я...

– Стоп, Уна, – перебил Лайонел, – с какого места вы начали слушать и что именно вы слышали?

– Что сэру Фрэнсису угрошает опасность и мисс Тшейн должна найти его. Только я не поняла, какая опасность... он ведь и так на войне...

– Уна, а разговор мистера Стромли с его посетителем вы слышали?

– Нет, мастер Лайонел, не слышала, врать не буду. Но почему...

– Жаль. Но делать нечего. Уна, не обижайтесь, но вы и правда очень плохо умеете врать и притворяться, так что я не могу вам сказать всю правду. Просто поверьте, мы знаем, что делаем.

– Мошет быть, я фсё-таки...

– Спасибо, Уна, но это исключено. Тогда ваше отсутствие заметят сразу, а вы, как взрослая, чего доброго, попадёте под суд, – немедленно возразил Лайонел. – Но вот если бы вы могли скрыть исчезновение Джейн хотя бы на день... даже на полдня – чтобы утренний поезд наверняка ушёл. Просто не поднимайте тревогу утром – оставьте завтрак и всё.

– Ну, если это поможет... Мисс Тшейн, вы ведь собираетесь в Россию... Мошно я вас попрошу... У меня брат в девяносто третьем полку – полку Аргайлских и Сазерлендских горцев. Понимаете, фактор его Сфеглости обещал, что нам оставят наш надел, если Мэрдо запишется в полк... только он нас обманул, и не нас одних. Весь остров согнали с земли – в наших краях офцы нынче приносят больше дохода, чем арендаторы... Большинство уехали прямо в Канаду – говорят, в Нова Скотии¹⁵ скоро будут говорить по-гэльски больше народа, чем в старой Шотландии... А мы с мамой не мошем уехать, пока Мэрдо слушит. Я нарочно ничего ему не писала поначалу – боялась, что он дезертирует, если услышит, а это знаете, чем пахнет... А потом их полк послали под Севастополь. Если вы вдруг его найдёте, передайте письмо от меня... а он вам, глядишь, и поможет. Спросите Мэрдо Кэмпбелла, сына Иана Кэмпбелла из Охенкраггана на острове Сгиях. Только не перепутайте, Охенкрагган есть и на острове Мулл, и на острове...

– Но Уна, мне ведь надо вовсе не под Севастополь, а на Балтику.

– Ох, мисс Тшейн, и то, и другое Россия, мошет, и встретитесь. Так вы запомните: девяносто третий полк, Аргайлские и Сазерлендские горцы, Мэрдо Кэмпбелл, сын Иана Кэмпбелла

¹⁵ Нова Скотия (лат. «Новая Шотландия») – одна из провинций Канады, большой остров у восточного побережья. Большинство её жителей – действительно потомки шотландских горцев-арендаторов, согнанных с земли помещиками-землевладельцами в XVIII–XIX веках.

из Охенкраггана на острове Сгиях. Я напишу записку вечером... днём у меня ни минутки свободной нет...

* * *

– Джейн, это глупо.

– Лал, ты повторяешь это в третий раз. Я не могла уйти, не попрощавшись.

– Сестричка, я рад, что ты зашла. Но у нас нет времени. Если кому-нибудь придёт в голову заглянуть сейчас в мою комнату, наш план рухнет. Прощайся и уходи.

Пожалуй, Лайонел был прав. Джейн поймала себя на том, что со страхом прислушивается: не донесутся ли из коридора звуки приближающихся шагов. Кстати, она второй раз за день нарушила условия домашнего ареста.

Но если бы этого страха и не было... Ещё недавно, днём, когда в комнате гостили солнечные лучи, план казался таким простым и лёгким, как прогулка по вязовой тропинке до озера. «Нам повезло, что отца отправили на Балтику, а не на Чёрное море», – говорил Лайонел, показывая на карте будущий маршрут Джейн.

Днём все было просто. Сейчас, когда за окном утвердилась душная и тревожная вечерняя тьма, все, что осталось понятного и привычного в мире, – кровать Лайонела, освещённая лампой, его немного похудевшее лицо, его книги и тетрадь, полная мудрых каракулей, и пустая вазочка с крошками шоколада.

Кстати, когда она уедет, кто будет приносить ему шоколад?

На одну секунду – конечно же, только на одну – Джейн захотелось стать тем самым констеблем и решить, что все услышанное ею утром – это фантазии нервного и впечатлительного ребёнка. Сказать Лайонелу: «Я пошутила», пощекотать его, если он надуется, поцеловать, услышать слова прощения и ещё полчаса проговорить о якутах и маори, о паровозах, о подводном телеграфе, даже о динамике цен на кофе. Лишь бы не думать о темноте за окном. И дороге в этой темноте.

Джейн прикусила губу и отвернулась, чтобы не всплакнуть.

– Джейн, Томми с тобой?

Джейн не сразу сообразила, что брат говорит с нею о её верном солдате.

– Да, а что?

– Дай, пожалуйста. Я хочу дать ему поручение.

Джейн протянула ему солдатика. Лайонел бережно его взял, поднял к свету.

– Томми, я знаю, что ты вместе с Джейн отправляешься в дальнюю дорогу. Очень дальнюю и очень трудную, но ведь солдатам не привыкать, правда? Надеюсь, Джейн тебе все объяснила. Если нет, то она исправит упущение, время у вас будет. Томми, пожалуйста, следи за ней и не позволяй сестричке Джейн делать глупости. Хотя бы не посоветовавшись с тобой. Береги её и помоги найти папу. Замётано, Томми? Джейн, прощай и иди. Чем позже я получу весточку о тебе, тем больше шансов, что у тебя все будет в порядке. Не думай обо мне. Думай о том, как добраться до Балтийского моря. Пока.

– Пока, Лал. Ты даже не догадываешься, как мне повезло с братом.

– Зато знаю, как мне повезло с сестрой. Полный вперёд!

Ночь оказалась не такой уж и душной, и не такой тёмной, как чувствовалось в доме. Поблёскивали августовские звезды, скоро должна была взойти луна.

«Пройти в полночь Лунной лестницей, Закрытым коридором и не испугаться. Наверное, я берегу свой страх для чего-то более серьёзного», – подумала Джейн, выходя из потайной двери.

Прошла несколько шагов, оглянулась и только сейчас поняла, как сильно успела полюбить Освалдби-Холл, со всеми его комнатами, живыми и прошлыми обитателями. Поэтому

она поспешила отвернуться, чтобы подавить желание остаться. Только успела разглядеть огонёк в комнате Лайонела.

Где-то за горизонтом ворчала гроза.

«Наверное, там, куда я отправляюсь, тоже будет громко, – подумала Джейн. – Кстати, надо поторопиться. Начинать путешествие под дождём не в моих интересах».

И быстро зашагала по аллее.

Конец первой части

Часть 2

Глава 1, в которой выясняется, что реквизиция мирного судна Королевским флотом имеет далеко идущие последствия для всей команды, от юнги до капитана, кот оказывается проницательнее людей, а оловянный солдатик слышит необычную исповедь

Настроение Роберта Макноутона, капитана парохода с не очень подходящим для гордости трансатлантической Северо-Западной линии названием «Саут Пасифик»¹⁶, было скверным.

Нельзя сказать, что его огорчила какая-нибудь новость или перемена погоды. Капитана Макноутона раздражало, а если быть точным – не нравилось все происходящее с его кораблём последние два месяца.

¹⁶ «Южная часть Тихого Океана». «Неподобающий» характер названия и в том, что ходит пароход по Атлантическому океану, а не по Тихому, и в том, что в его военном использовании ничего особо тихого нет.

Её Величество королева Виктория, безусловно, была права, объявив войну России. Русский царь захотел завоевать Турцию, а эта страна такая большая, что даже мысль, что кто-то присвоит её себе, ни с кем не поделившись, вызывала возмущение. К тому же, как капитан прочёл в газетах, в России невинных людей ссылают в Сибирь, где жить нельзя. Это тоже было возмутительно, так как в Англии ссылали только преступников, и в Австралию, где жить можно.

К сожалению, победить Россию не удалось без капитана Макноутона, вернее, без его судна. Когда «Пасифик» в очередной раз пересёк Атлантический океан, выяснилось, что, согласно воле Её Величества в лице Адмиралтейства, «Пасифик» временно становится военным кораблём. Его борта вооружаются десятью пушками, в каютах селятся офицеры, в кубриках третьего класса – артиллеристы и сапёры, а трюм наполняется военным грузом. После чего «Пасифик» следует в Балтийское море, чтобы присоединиться к эскадре сэра Чарльза Нэпира.

«Пасифик» стал военным кораблём, и у него начались проблемы. Первой стала поломка гребного винта. Быстро починить не удалось, и корабль задержался на три недели в порту Портсмута.

Эти три недели принесли новые несчастья – часть экипажа, не планировавшая служить в Королевском флоте, сбежала на берег и завербовалась на суда, которые плыли к любым другим берегам, кроме русских. Пришлось обновить чуть ли не треть экипажа, причём брать черт знает кого: маршрут «Пасифика» был известен всему Портсмуту. Это обещало новые проблемы, заметные уже в порту и проявившиеся во всей красе в плавании.

Одну из проблем – на камбузе – капитан Макноутон собирался решить этим же вечером. Вообще-то это дело проще и естественнее всего было бы поручить боцману, но в данном случае капитан хотел разобраться сам – скверное-прескверное настроение, как раз для дисциплинарного разговора.

Капитану никогда не пришло бы в голову подходить к камбузу на цыпочках, но его шаги все равно не услышали. Крошка Джейми фальшиво и громко тянул старую матросскую песенку «Куда матросу путь лежит, скажите, братцы, мне», Микки пытался ему подпевать, Джонни расставлял в буфет вытертую им посуду, а кок Эндрю распекал всех троих.

При виде капитана камбузная команда замолчала, вытянувшись в не очень убедительное подобие стойки «смирно» и обернувшись к нему.

– Добрый вечер, сэр, – сказал кок и все трое юнг.

– Добрый вечер, – кивнул капитан. – Итак, хочу сказать вам то, что должно было дойти до всех вас, включая тупого Джейми. Нас призвали на службу Её Величеству и послали к черту на рога, а если точнее, в когти русского медведя. Однако эта маленькая неприятность не позволяет никому отлынивать от своих обязанностей. Камбуз должен готовить обед, даже если ужин состоится на адской кухне.

Кок Эндрю согласно кивнул. Крошка Джейми почесал голову. Микки поковырял в носу. Джонни осторожно поставил на полку буфета тарелку, которую держал в руках при появлении капитана, – стоять, вытянувшись, с тарелкой в руке было и правда неудобно.

– Между тем в нашей кают-компании, как и в мирное время, столуются джентльмены – офицеры Её Величества. Мне очень неприятно слышать нарекания с их стороны на качество блюд и сервис.

Капитан сделал обычную паузу, когда ожидают возражений, но, не дождавшись, продолжил односторонний диалог.

– Да, Эндрю, не могу не посочувствовать тебе. Но в том, что камбуз «Пасифика» превратился в приют для исправления малолетней шантрапы, есть и твоя вина. Ты ручался, что камбуз не разбежится в порту. Ты оказался неправ, и теперь будешь воспитывать это отребье, не забывая при этом и собственные обязанности.

Капитан подошёл к Крошке Джейми и дёрнул его за ухо. Для этого ему пришлось поднять руку: Джейми, несмотря на свои шестнадцать лет, был на голову выше капитана.

– Тебе придётся объяснить этому малышу, что для сна Господь Бог создал ночь, а остальное время суток предназначено для более полезных занятий. Нельзя дремать весь день, иначе, сынок, ты рискуешь однажды проснуться в море. Если команда узнает, что обед задержался из-за твоей сонливости, мне не придётся приказывать спустить тебя за борт и окунуть: я разрешу команде сделать это.

Крошка Джейми удивлённо икнул и уставился на капитана. Кажется, он впервые проснулся с момента появления капитана на камбузе.

– Тебе также придётся объяснить Микки, что стюард должен быть вежлив и опрятен. Когда от мальчика-стюарда пахнет помойкой, это прямое оскорбление для репутации корабля. Ты слышишь меня?!

Капитан молниеносно ухватил левой рукой Микки за ухо, рванул и дал короткую, звучную пощёчину правой ладонью.

Окончательно проснувшийся Джейми ухмыльнулся. Кок Эндрю одобрительно кивнул, Джонни вздрогнул и чуть не столкнулся с полки злополучную тарелку, но поймал на лету.

– Ты также не должен совать пальцы в блюда, приготовленные для кают-компаний! И уж точно ты не должен намекать джентльменам, что будешь расторопнее, если получишь фартинг. И если я ещё раз узнаю, что ты тайно шуруешь в кладовой... Я знаю, откуда ты, но из голодного края тебя мальцом увезли, пора бы и отъесться малость за столько-то лет¹⁷.

– Сэр, это был Джонни! Он любит уединяться! – взвизгнул Микки.

– Да, про Джонни я чуть не забыл, – сказал капитан. – Джонни, повернись, когда к тебе обращаются.

Джонни повернулся и поднял голову.

– Джонни. Эндрю говорит, что ты старательный парень, только не очень любишь грязную работу.

– Да, сэр, не люблю, – ответил Джонни, пристально глядя в глаза капитану.

– И не люби. Главное, делай. Запомни, сынок, тот, кто на моем корабле лучше других делает грязную работу, раньше других получит шанс делать чистую. А тот, кто плохо делает чистую...

Последние слова капитан рывкнул, обернувшись к Микки (Джонни с облегчением отвёл взгляд). Микки отшатнулся, прикрывая щеку, хотя на этот раз обошлось без оплеухи.

– Запомните, мальчики! Я не собираюсь воспитывать вас, а только хочу предупредить! «Пасифик» стал военным кораблём, что упрощает дисциплину. Тот, кто будет спать на ходу, покусочничать, подворовывать и портить репутацию корабля в глазах путешествующих джентльменов, очень быстро окажется привязанным к пушке и познакомится с «дочерью канонира»¹⁸. Поверьте, мальчики, это не домашняя трёпка. Вы поняли?

– Да, сэр! – ответили Джонни и Микки. Джейми что-то пробурчал.

– Эндрю, следи за мальчишками. Иначе ради поддержания дисциплины я вынужден буду отделать одного из них так, что тебе придётся дня три выполнять его обязанности.

– Есть, сэр!

¹⁷ Очевидно, намёк на «картофельный голод» 1840-х годов – один из самых тяжёлых эпизодов истории Ирландии. Голод был вызван серией неурожаев, поразивших практически единственную культуру острова – картофель, – и усугублён некомпетентностью британских чиновников, ответственных за помощь голодающим. Кроме примерно миллиона прямых жертв, голод вызвал массовую эмиграцию из страны. Даже к настоящему времени население Ирландии более чем вдвое меньше, чем до начала бедствия.

¹⁸ Пятихвостой верёвочной плёткой.

– Да, насчёт чистой и грязной работы. Эндрю, с завтрашнего дня натаскай Джонни на стюарда. Он заменит Вонючку Микки, если джентльмены ещё раз укажут мне на эту его особенность.

– Но сэр...

– Понимаю, парень пятый день на корабле. Но идея поставить стюардом разносчика из паба оказалась не самой удачной. Джейми служит год, однако если он станет стюардом, то джентльмены получают обеденный десерт на следующее утро. Натаскай Джонни! И проследи, чтобы Джейми выспался, а Микки умылся.

– Есть, сэр, – сказал кок вслед уходящему капитану. Потом повернулся к подопечным.

– Ну, мальчики, добавить мне нечего. Скажу одно: если кто-то допляшется до неприятностей, я покрывать не буду. Это относится и к тебе, Засоня, и к тебе, Вонючка, и к тебе...

Кок несколько секунд думал, как бы лучше обозвать Джонни.

– И к тебе, Скромняга.

На камбузе установилась тишина, обычная, когда все темы плохого разговора исчерпаны.

– Капитан сказал, что я должен выспаться, – прервал молчание Крошка Джейми голосом, неожиданно тонким для его комплекции.

– А я должен умыться, – усмехнулся Микки. – Значит, отчистить сковороды должен Джонни. Это грязная работа, делай её старательно (окающий ирландский акцент превратил это слово скорее в «сторотельно»), глядишь, и сбудутся слова капитана насчёт чистой работы.

– Мистер Эндрю... – Джонни взглянул на кока, не зная, что сказать. Поручение отчистить посуду, на которой готовился обед для кают-компаний, было дано Микки.

– Об обязанностях стюарда поговорим завтра, – произнёс кок, зевнул и удалился вслед за Джейми.

– Так что, Скромняга, почётная обязанность вернуть сковородам чистоту – на тебе! Или на Мистере Моргане. Можете кинуть жребий.

Сказав это, Микки направился к трапу. Но повернул с полдороги, подошёл к Джонни и дал ему подзатыльник. Джонни от неожиданности чуть не упал лицом в лохань со сковородками, но устоял на ногах и повернулся, готовый дать отпор.

– Привыкай к судовым обычаям, парень. Если ты получил то, чего не досталось другу, надо делиться. Джейми получил от капитана, я тоже, а ты – нет. Пришлось восстановить справедливость.

– Хорошо, Микки, я с тобой как-нибудь тоже поделюсь, – ответил Джонни. – Кстати, ты не хочешь разделить грязные сковородки?

– Не хочу, – хохотнул Микки и быстрым шагом покинул камбуз.

Джонни вздохнул, повернулся к лохани. Перед этим взглянул в угол.

– Мистер Морган, может, и правда поможешь?

Мистер Морган лениво открыл пасть и мяукнул.

– Что «мяу»? Мяукать и я умею. Вот слушай! Мяу-мяу-мяу! Точно не поможешь? Ну как хочешь.

* * *

Половина чёрной посуды была вымыта и доведена до медного блеска, когда на камбузе появился визитёр.

– Привет, Джонни.

– Здравствуйте, мистер Г. Ваше пиво в углу, возле Мистера Моргана.

О том, что боцман, известный за глаза всей команде как Три Пинты, имеет право заходить на камбуз за добавочной вечерней порцией эля, Джонни узнал в первый же день на борту

«Пасифика». Кок перечислил членов экипажа, имеющих те или иные привилегии. И уточнил, что прочим на камбузе делать нечего.

– Если меня рядом нет, гони их сам, – сказал кок. – На тебя будут злиться, но поверь, если я увижу при тебе на камбузе того, кому там быть не положено, разозлюсь ещё больше.

Выполнить приказ оказалось труднее, чем запомнить. Кое-кто из команды, например щербатый парень по кличке Весельчак Билли, пытался вторгнуться на камбуз со словами: «Мне плевать на сторожевых щенков!» Поэтому, узнав старого боцмана, Джонни облегчённо вздохнул.

– Да, малыш, ты сам как относишься к пивку? – дружелюбно, но с лёгкой, едва заметной хитринкой произнёс боцман.

– Я занят, сэр.

– Очень правильно, – заметил боцман, вытирая губы после первого глотка. – Пиво и работа не дружат.

Некоторое время боцман Три Пинты молча обдумывал свою мудрость. Джонни так же сосредоточенно отчищал чугунную сковороду, к которой припёкся картофель.

– Джонни, я сегодня почувствовал перец в обеденном вареве.

– Его было слишком много, сэр? – испуганно спросил Джонни.

– Наоборот, – произнёс боцман после недолгой и мучительной паузы, – перца было сколько нужно. Старина Эндрю не жадина, но у него прибавилось хлопот с новыми пассажирами – офицерами и солдатами Её Величества. Поэтому он просто забывал о пригоршне перца в котёл для братвы.

– Но сэр...

– Понимаю, Джонни, сейчас он даже не варит суп для команды, отдав эту работу долговязому соне. Мне чертовски нравится, что ты, когда встал у котла, сварил наше хлебово как надо.

Боцман отхлебнул пиво и продолжил:

– Джонни, ты паренёк с мозгами и, что особенно важно, с сердцем. Поэтому, хотя ты на борту лишь пятый день, я не говорю тебе – эй, новый юнга! Я называю тебя по имени. Не потому, что ты из джентльменов, не думай. Раз записался в команду, так забудь, из какого ты семейства и из какой школы сбежал. И потому вот совет. Вчера ты пустил слезу. Не мотай головой, я заметил. Так вот, ты должен держать себя так, чтобы никому не пришлось в голову обозвать тебя девчонкой. Если команда начнёт обзывать тебя девкой в штанах, тебе придётся сойти на берег или порезать кого-нибудь и доказать, что ты мужик. Зря лыбишься, юнга. Мой приятель, Рябой Никки, попал на борт в твоём возрасте и рыдал по ночам, вспоминая недавно умершую мамочку. Кончилось тем, что ему пришлось смывать кличку Плакса Никки, покорябав ножом одного из весельчаков. Шутник выжил, поэтому история обошлась для Никки в три дюжины «кошек для юнг», но с той поры на борту его держали за мужика. Джонни, тебе это надо?

– Нет, сэр. Не надо.

– То-то же. Кстати, ты знаешь, что один из команды уже признал в тебе девчонку? Догадался? Чего ты краснеешь, будто и впрямь девка? Соображалки не хватает? В тебе увидел девчонку Мистер Морган! Или девчонку, или, наоборот, взрослого мужика. Только не мальчика.

Юнга засмеялся (перед этим облегчённо вздохнув), а боцман, посмеявшись тоже, продолжил:

– Вот это, Джонни, загадка. Старина Морган ни разу не позволил ни одному мальчишке прикоснуться к себе. Его ещё котёнком бросила в канал какая-то полоумная детвора. Наши ребята его выловили, принесли на борт, он обвыкся к морской болезни, подрос и установил свои порядки от бака до юта и от трюма до клотика. На борту «Пасифика» не водятся крысы. Вообще. Собаки могут находиться только в каютах и на привязи: однажды он загнал под диван кают-компания датского дога одного из джентльменов. Уже потом пса из-под дивана с трудом

вытащили двое парней. И ни один юнга ни разу не смог приблизиться к Мистеру Моргану ближе чем на три фута. Взрослым морякам он позволяет погладить себя или шипит, если не в духе. Любого мальчика, тянущего к нему грабли со словом «пущ-пущ»¹⁹, рвёт без предупреждения. Ты видел шрам на щеке камбузного дылды? Так вот, парень попался на дешёвую подначку: ему сказали, что новичок на камбузе должен погладить котика. Тебе ведь тоже это предлагали?

– Да, – усмехнулся Джонни. – Микки сказал, что каждый новый юнга обязан познакомиться с Мистером Морганом. Я погладил, и ничего не случилось. Хотите, докажу?

– Хочу, – согласился боцман. – Болтовня болтовнёй, а увидеть всяко лучше.

Джонни вытер руки, приблизился к Мистеру Моргану, осторожно положил ладонь на голову, погладил и почесал подбородок. Кот фыркнул, помотал головой, но других признаков несогласия не проявил.

– Да, не ввали, так оно и есть. Если кто-то назовёт тебя Джонни Плакса или Джонни Задохлик, я скажу: на самом деле ты Джонни Друг Котов. Плакса – дурная кличка. Мамки-то нет?

– Да, – ответил Джонни. – Отец – плавает. Дома – мачеха, хоть не возвращайся на каникулы. А в школе...

– Не продолжай, парень. Про школы для джентльменов мы слышаны, хоть и не учились. Оно, конечно, и верно – ежели, к примеру, ты потом в офицеры подашься да матросов будешь гнобить, так хлебни сперва лиха сам. Но от этого, надо думать, не легче...

Джонни кивнул, продолжая отчищать кофейник.

Боцман допил пиво, вытер бороду.

– Пошёл я. Давай, Джонни, не хнычь. Дом у тебя теперь здесь, привыкай. Притерпится, не заметишь, как забудешь о слезах. Да ещё плывём на войну, вот веселуха пойдёт. Тут уж некогда будет хныкать. Пока.

Джонни продолжал чистить кофейник, напевая про себя песенку, которой научился от Микки и Джейми:

– Куда лежит дорога мне, скажите, братцы, мне,
Я новичок на корабле, куда дорога мне?
– Мыс Горн нам скоро огибать, вот путь тебе куда,
И будешь парус поднимать среди штормов и льда...²⁰

Ей-богу, я бы лучше стоял на вахте в шторм, чем чистил эти проклятые кастрюли...

* * *

Джонни отчистил кофейник. Осторожно открыл дверь кладовки, вошёл. Вынул из кармана брюк маленького оловянного солдатика. Погладил его и зашептал:

– Привет, Томми. Мы уже пятый день на корабле и четвёртый день в плавании. За это время меня раскрыл только Мистер Морган, но он, как настоящий джентльмен, промолчал. Пять дней, Томми, а ведь мой мудрый братишка Лал говорил, что меня разоблачат уже на вторые сутки.

Юнга говорил так тихо, что было непонятно, шепчет он или просто шевелит губами.

– Мне сказали, что «Саут Пасифик» – самый комфортабельный корабль из тех, что бороздят океаны. На его борту уютно даже команде. Мне охота посмотреть на некомфортные корабли. Ладно, это глупость. Спишем её на усталость. Завтра, а на самом деле уже сегодня,

¹⁹ Английский эквивалент русского «кис-кис».

²⁰ Подлинная английская матросская песня; перевод одного из авторов.

новый день и новое веселье. Похоже, мне придётся прислуживать джентльменам. Забавно, ведь совсем недавно я стала юной леди и успела к этому немного привыкнуть. У Бога хорошее чувство юмора, правда, Томми?

Томми дремал на маленькой ладошке. Его голова уютно устроилась на большом волдыре, как на подушке, а ноги – на подсыхающей мозоли. Подобно Мистеру Моргану, он все понимал, но отвечать не спешил.

– Честное слово, Томми, слёзок больше не будет. Даже если мне придётся опять поработать за уснувшего Джейми. Даже если Вонючка придумает ещё одну каверзу. Мне придётся вставать раньше всех, чтобы спокойно умыться, а лечь позже всех, чтобы перед сном... Ну, понимаешь, Томми, есть вещи, без которых никому не обойтись, только морякам на корабле с этим проще. Зато, когда рано встаёшь и поздно ложишься, засыпаешь легко-легко и не видишь глупых снов. И, что особенно приятно, нет времени и сил на разные глупости вроде морской болезни. Видишь, Томми, как все здорово!

Томми не возражал.

– Мы скоро доплывём, путь не такой и дальний. И тогда мы найдём человека, который увидит во мне девочку. А точнее, свою дочь. Моего папу.

Глава 2, в которой дочери капитана удаётся то, что не удалось дочери рыбака, выясняются детали официальной и неофициальной судовой иерархии, Джонни Задохлик получает повышение по службе, а джентльмены в кают-компании обсуждают вопросы войны и мира

Виновницей появления на борту «Саут Пасифика» юнги Джонни стала миссис Дэниэлс, хотя она об этом и не догадывалась. Точнее, одна из многочисленных историй, когда-то рассказанных ею дождливым вечером в прежнем, портсмутском доме.

История случилась во времена, когда Британия воевала с Наполеоном на суше и на море, поэтому матросов не хватало. Вербовщики истощили все хитрости, придуманные человеком (не без подсказки Сатаны), позволяющие получить согласие другого человека на то, что он не хочет. Они угощали матросов пивом в портовых кабаках, предлагали выпить за здоровье Его Величества и подбрасывали в кружку «королевский шиллинг» – задаток за будущую службу. Но матросы начали требовать кружки со стеклянным дном, и эта хитрость не проходила.

Тогда вербовщики стали просто охотиться на людей. Снимут матроса с палубы торгового судна, а иной раз даже схватят в переулке и потащат на корабль. Хоть бедняга идёт на похороны, хоть на свадьбу – не важно. Правда, шиллинг в карман или зубы все же засунут.

Так и случилось с бравым китобоем-гарпунёром, вернувшимся из кругосветной охоты в свой городок Уитби на йоркширском побережье, милях в пятидесяти от Освалдби-Холла, – столицу английского китобойного промысла. Утром сошёл на берег, днём обвенчался с невестой – помолвка была до отплытия, – а вечером попал в цепкие лапы вербовщиков. Отбиться не смог и стал из вольного гарпунёра канониром Его Величества. Невеста же, дочь рыбака, ходившая в море, понимала, чем отличается форштевень от ахтерштевня, и без особых раздумий успела переодеться мальчишкой и наняться на тот же корабль юнгой.

Пару недель спустя командование все же выяснило, что на борту находится супружеская пара. Но новобрачным повезло. За час до военного суда фрегат-крейсер столкнулся с близким по классу французским кораблём. Бой завершился удачей, француз сдался, канонир-китобой отличился в бою, и что гораздо важнее – был ранен. Капитан проявил редкостное и чудесное милосердие: с трудом доведя повреждённый корабль до порта вместе с только что взятым призом, он списал и канонира, и юнгу на берег «по ранению», с наградой и пенсией.

– Мой муж от этого счастливца всю историю и слышал, они теперь кабачок держат у себя в Уитби – «Кот и скрипка» или что-то в этом роде, – так закончила эту историю миссис Дэниэлс. И добавила вывод для юных слушателей: играть в переодевание и лезть без нужды на борт корабля – не стоит.

Замечание, конечно же, предназначалось Джейн. Лайонела на море не тянуло. Он не раз ссорился с сестрой, подсмеивался над парусниками и постоянно утверждал, что паруса скоро останутся лишь на картинах, как латы и рыцарские кони после изобретения пороха.

Однако идею Джейн – переодеться мальчишкой и устроиться на корабль, идущий в Балтийское море, – он одобрил. Конечно, по-своему.

– Это глупость, и тебя раскроют, – несколько раз повторил Лайонел. – Как жаль, что все остальные идеи ещё хуже.

Это не помешало ему поработать по мере сил над новым обликом сестры. Одеть её он решил в костюм для верховой езды, снятый с него в день падения. Костюм не стали стирать, но все равно Лайонел посоветовал Джейн немножко повалиться на полу, пусть хоть чуть-чуть напоминает уличного мальчишку. Волосы Джейн были признаны умеренно длинными и соответствующими роли, зато серёжки пришлось снять. Пока брат и сестра не расстались, Лайонел заставлял Джейн ходить по комнате, устраивал ей допросы, ловил на ошибках её будущего рассказа. Постоянно ругался, впрочем, и утешал Джейн: «У тебя есть важное преимущество: только я знаю, что передо мною переодетая девчонка».

Пока что Лайонел ошибался. Джейн удачно сошла за мальчишку и в поезде, и в порту Портсмута. Выяснилось: корабль, уходящий в Балтийское море, стоит в порту и готов развести пары уже сегодня. Расспросы сопровождались добрыми шутками вроде: «Паренёк, ты, часом, не русский шпион?»

Вахтенный у трапа «Саут Пасифика» тоже был весел и словоохотлив. Он обнадёжил Джейн: на борт с радостью возьмут любого мужика, если у него две ноги, две руки и хотя бы один глаз. Так что для того, кто ограбил банк или просто сбежал из школы, на этом корабле самое подходящее место.

– Только имей в виду, малец, – тихо сказал моряк, – по доброму сердцу предупреждаю. Если ты сейчас поднимаешься на борт, то сойдёшь на берег не раньше, чем будет угодно Господу и нашему капитану. Может, это случится только в России. Пока мы здесь чинились, много народу разбежалось, от кочегаров до стюардов из салона. Люди ведь не на войну нанимались. Так что кумекай, пока на твёрдой земле. Может, тебе лучше в школу вернуться?

– Спасибо, сэр, – ответила Джейн и вступила на трап.

* * *

Весёлый матрос был прав. Капитан, конечно, поворчал, что корабль превращается в работный дом: старики, детишки и бездельники всех возрастов. Однако нового юнгу зачислил в экипаж без особых раздумий и даже не очень огорчился, услышав честный ответ Джонни, что на борту он впервые.

Джонни сразу же направили на камбуз. Кок, мистер Эндрю, сумел скрыть от нового помощника радость, похоже, он уже свyksя с мыслью, что в плавание придётся выйти в некомплекте. Кок показал юнге кухонное хозяйство, познакомил с двумя напарниками: флегматичным и полусонным Джейми и юрким пронырой Микки. Тот сразу же проявил участие к новичку:

– Запомни, Джонни, все, что ты видишь вокруг, отныне твой дом. А если мы пойдём на дно – твоя могила.

Глядя на рожу Микки, Джейн поняла, что сейчас полагается засмеяться. И чуть-чуть посмеялась, уточнив: могила будет общей.

Вообще-то у Микки было чувство юмора, вот только прежде блеснуть им не удавалось. Шутить над Джейми было скучно, над коком и тем более над Мистером Морганом – опасно. И тут появился Джонни...

Уже в первый день он обратился к новичку. Голос Микки был сочувственным, чуть ли не жалостливым.

– Скучаешь по дому, Джонни?

– Немножко, – ответила Джейн.

– Вижу, что скучаешь, чуть не плачешь, – так же сочувственно добавил Микки. – А ты знаешь, как ты можешь заплакаться всласть, но никто над тобой не посмеётся?

– Нет, – ответила Джейн.

– Все просто. – И Микки протянул новичку корзину с луком. – Очисти-ка да нарежь. – Давай, трудись, парень, хныкать тоже надо с пользой, – уже сурово прикрикнул он.

Вообще-то старшим на камбузе после мистера Эндрю считался Джейми, но ему было лень приказывать. Поэтому он не протестовал, когда Микки сам стал руководить новичком, а уж Микки не ленился.

Джейн вздохнула и принялась чистить лук. Она знала мелкие хитрости, защищающие глаза: постоянно мыть нож, окунать в воду разрезанные луковки. Увы, эти методы явно были рассчитаны на две-три луковки. А не на три десятка. К тому же Джейн часто видела, как режут лук, но сама резала впервые.

К счастью, ей хватило то ли ума, то ли везения не чистить весь лук сразу, а очищать и резать поочерёдно. Корзина уменьшилась на треть, когда подошёл кок (Джейн почти не видела его из-за слез), он долго орал, что столько резаного лука никому не нужно. Закладывать Микки Джейн не стала: то, что ябедничать на корабле последнее дело, ей объяснил ещё отец.

Впрочем, перед отплытием не было времени шутить даже у Микки. Заканчивалась погрузка. На борт «Саут Пасифика» вводили лошадей, вкатывали орудия, вносили ящики с бомбами. Как узнала Джейн, пассажирами корабля были артиллеристы – батарея мортир – и сапёры. Кок Эндрю тихо чертыхался: забот у камбуза прибавилось по сравнению с обычным рейсом в Америку. Нижних чинов, перевозимых на корабле, было едва ли больше, чем бывало пассажиров третьего класса. Не пустовал и первый класс: в нем разместились офицеры.

Поэтому кладовая наполнялась продовольствием для команды, солдат и командиров. Джейн более или менее повезло: Микки сразу же взвалил ей на плечи огромный мешок с бобами, она упала, не сделав и шага. Кок рыкнул и на неё, и на Микки, после чего следил, чтобы «Джонни Задохлику» поручали лёгкие грузы.

А грузов было много! Мешки с мукой, бобами и рисом. Мешки с картофелем и луком (картофель было приказано не задвигать в кладовую: он быстро портился, и его полагалось съесть в первую очередь). Ящики с фруктами для офицеров. Джейн знала, что из всех фруктов лишь один полагается всей команде: желтовато-зелёный лайм, самое надёжное средство от цинги. Клетки с живыми курами: куры отчаянно кудахтали, будто догадывались, что живым им из рейса не вернуться. Не очень большие, но очень тяжёлые ящики с французской новинкой: варёным мясом в жестяных банках (Микки пару раз пытался подсунуть эти ящики Джейн). Ещё Микки заметил, что если будет приказ разместить на корабле дойную корову, что на «Пасифике» уже бывало, то доить её будет Плакса-Задохлик – у него руки, как у девчонки, значит, должен уметь. Джейн в эту минуту брела в кладовку, навьюченная мешком с окороками, и постаралась прибавить шаг – пусть никто не увидит её покрасневшее лицо.

* * *

Корова на борту так и не появилась. Зато были куры. Их полагалось кормить, что Джейн нравилось, убирать за ними клетку, что Джейн не нравилось, а ещё резать на обед офицерам корабля и пассажирам первого класса. Это Джейн не нравилось совсем. Тем более что Джейми, считавший возню с курами делом хлопотным и поспешным, попытался поручить это Джейн.

Та сумела вытащить хохлатку из клетки и зашагала к столу возле печи, не зная, что делать дальше. Когда же окончательно поняла, то выпустила курицу, и та заметалась по камбузу.

– Чёртов мальчишка! – рявкнул кок. – Чтобы через пять минут она была без головы, выпотрошена и ошипана.

– Пожалуйста, не надо, сэр, – Джейн чуть не встала на колени, – пожалуйста... Я готов драить все котлы и сковородки, чистить всю картошку и лук, мыть пол.

А сама со страхом и облегчением подумала: как здорово, что корабль уже отплыл. Если бы это случилось в порту и ей сказали: отруби голову курице или сойди на берег, она даже не знала бы, что выбрать.

К счастью, Микки услышал обещания Джейн и расценил их как подарок.

– Так ты готов всегда драить котлы и сковородки? Ещё и пол? Я слышал, замётано. О, самый добрый и трудолюбивый юнга на свете! Мистер Эндрю, вы слышали слова Чистюли Джонни?

Кок проворчал: ему решать, кому разделявать куриц, а кому – драить посуду. Но Микки, с проворством хорька, уже ухватил хохлатку за шею, другой рукой схватил топор и понёсся к чурбану с криком: «Королева курятника докудахталась!»

Кок Эндрю, к счастью, не был подлецом и мелочным доставалой. Он принял к сведению, что Джонни резать кур и кроликов не будет, а чистку сковород обещал и дальше делить между юнгами поровну. Только сказал:

– Джонни, ты вообще-то понимаешь, что завербовался на военный корабль? Если на нас в море нападёт русский фрегат и дойдёт до абордажа, тесак дадут даже тебе.

– Я буду сражаться, сэр, честное слово, – ответила Джейн.

Про себя она подумала: ещё несколько дней такой работы – и оружие в правой руке она не удержит. Умный Лайонел предупредил её, что мозолей не миновать. Так и случилось. Правая ладонь за три дня стёрлась от ножа, швабры, черпака, скрёбка и других рукоятей. Джейн пользовалась перчатками, но понимала: скоро придётся стать левшой. Впрочем, ожоги от брызг из котла и раскалённой плиты доставались обоим рукам.

– Интересно, если бы моей подруге по несчастью Орлеанской деве, которая тоже щеголяла в мужской одежде, предложили быстренько сгореть или долго жить такой жизнью, что бы она выбрала? – как-то вечером спросила Джейн у Томми.

«А почему ты не спрашиваешь, наоборот, про себя, – ответил солдатик, – или прыгнуть в костерок, или и дальше мучиться между плитой и лоханью?»

– Дудки! – возмутилась Джейн. – Вот найду папу, расскажу ему про козни мистера Стромли. Вот тогда и займёмся разными дурацкими предложениями.

После чего сама решила, что Жанна д'Арк всё-таки предпочла бы мучиться на камбузе.

* * *

На четвёртый день плавания у Джейн появился шанс заняться чистой работой. Кок, выполняя поручение капитана, стал натаскивать Джонни на стюарда:

– Расстояние от края стола до ближнего края нижней тарелки должно быть меньше дюйма. Покажи дюйм на пальце. Хорошо, дальше. На верхней тарелке должна стоять свёрнутая салфетка. Смотри, как она сворачивается, повтори сам. Ещё раз. Ладно, сойдёт. Салфетки в этом ящике, слева те, что для завтрака и ланча, справа – для ужина.

«Почему в Освалдби-Холле я не обращала на это внимания?» – подумала Джейн.

– Накрываем стол. Нож лежит справа от тарелки, вилка лежит слева. Лезвие ножа должно быть обращено к тарелке, вилки надо положить зубцами вверх. Десертные приборы надо класть над тарелкой: первым нож, затем вилка и ложки. Тарелка для хлеба должна быть в четырёх дюймах слева от основных тарелок. Джонни, ты слышишь меня?

– Да, мистер Эндрю.

– Джонни, слушай меня, а не делай вид, будто все это тебе известно. Микки вёл себя точно так же. Потом выяснилось: в пабе не учат, как прислуживать джентльменам. Ты же, как я понял, даже в пабе не шустрил. Если намудришь с приборами, я вспомню, как ты слушал мои уроки.

Джейн прикусила губу и сжала левый кулак, чтобы ногти впились в ладонь. Другого средства борьбы со сном она не знала. Оказывается, если что-то делать руками, особенно невозможно трудное, к примеру, мешать похлёбку в котле, в который она могла нырнуть с головой, сон не подступает. А вот если ты должен что-то запоминать...

– Нож лезвием к тарелке, вилка зубцами вверх, десертный прибор над тарелками, – пробормотала она.

– Хорошо. Стол сервирован, ты выносишь блюда. Поднос в твоей левой руке, ты всегда подходишь к джентльмену слева. Держи поднос на ладони, на пальцах ты его не удержишь. Поднос – не ящик, его нельзя поднимать выше плеча. Бутылки, графины, кофейник и высокие вазы должны быть в центре, тяжёлые блюда – ближе к тебе. Поднос непременно застелен салфеткой. Не для того, чтобы не пролилось, у тебя не должно пролиться ни капли. Блюда не должны скользить по подносу!

Кок взял пустой поднос, протянул Джейн.

– Поставь на него пустой кофейник, пару горшков и походи по коридору. Не так уж и плохо, что ты не был стюардом на суше: тебе проще привыкнуть работать в качку. Не ленись, Джонни, побегай с подносом по коридору, поучись подхватывать блюда и тарелки, если они поплыли к краю. Джонни, освоить эту науку в твоих интересах. В городах за битую посуду у стюардов удерживают жалованье. Здесь взыщут по-другому.

Угрозу Джейн пропустила: слишком много угроз, запоминать все – головы не хватит. Зато идея освоить сноровку стюарда пришлась ей по душе. Поэтому Джейн подхватила пустой поднос, положила небьющуюся утварь и вышла из камбуза в коридор. Расстояние до трапа было шагов десять, на этой дистанции она и тренировалась, то спокойно проходя, то пробегая, то танцуя. Иногда даже поднимала поднос на пальцах, потом, правда, опускала как надо. И никто ей не мешал. Не день, а подарок! Как там в песенке, которую Микки с Джейми поют:

– Куда лежит дорога мне, куда дорога мне,
Я лишь зелёный новичок, куда дорога мне?
– Учись вязать надёжно трос и кормовой отдать,
И старший станешь ты матрос, вот путь тебе куда.

Она быстро привыкла к качке и добилась, чтобы кофейник не ездил по подносу, когда «Пасифик» кренился. Правда, волнение было сегодня не сильным. Да ещё хорошо бы поучиться, как вести себя при неожиданностях и сюрпризах.

Одна неожиданность скоро произошла.

Послышался вой и ругань, с трапа кубарем скатился Микки. Встал и тут же был настигнут боцманом, опять схватившим его за покрасневшее ухо. Удивлённо взглянул на юнгу и его странные манипуляции с подносом, но, не останавливаясь в движении, протащил Микки мимо Джейн. Доволок до камбуза, загнал туда пинком и крикнул вдогонку:

– Эндрю, капитан приказал проследить, чтобы этот троглодит на три шага не приближался к джентльменам. Пусть шустрит другой стюард.

«Ну вот, а я только обрадовалась, – вздохнула Джейн. – Ладно, пошустрим».

* * *

Миссис Дэниэлс любила повторять: все не так просто, как тебе хотелось, и все не так страшно, как ты боялась. Джейн лишний раз убедилась в этом, когда наступил её дебют в роли стюарда: вечерний чай. То, чего она боялась больше всего – уронить чашку, разлить чай, – не случилось. Зато были другие... шероховатости.

Перед выходом на «сцену» кок дал последние указания:

– Запомни, Джонни, если бы в шляпных лавках продавались шапки-невидимки, господа покупали бы их для слуг и заставляли никогда не снимать. Ты никогда не сможешь стать невидимкой, но ты обязан стараться им быть. Ходи быстро и тихо, не открывай рот, пока к тебе не обратились.

Джейн, в сотый раз, ответила, что все поняла. Жаль только мистер Эндрю не приказал ей заодно ничего не слушать. Впрочем, руки заняты подносом, уши не заткнёшь, а стюард с плотной повязкой на ушах выглядит немного странно, вы не находите?

Кают-компанию Джейн увидела впервые. Она даже удивилась: неужели в этом мире существуют накрахмаленные скатерти и салфетки, лакированная мебель, занавески, элегантные канделябры, зеркала... Прошедшие четыре дня убедили её, что в мире ничего нет, кроме мешков с углём и картошкой, раскалённой плиты, луковой шелухи, рыбьей чешуи, сковородок с жирным припёком. Каждый такой денёк стоил недели в Освалдби-Холле. Даже в комнате под домашним арестом.

Теперь Джейн убедилась: в мире остались гостиные, а в гостиных сидят джентльмены. Они чем-то напоминали папиных гостей: тоже были в мундирах и беседовали о военных делах.

– Господа, эти разговоры лишний раз убеждают меня, что в мире существуют несколько вечных вопросов: первичность курицы и яйца, первичность бытия и сознания, возможность прокладки подводного телеграфа между Европой и Америкой²¹, ландшафт обратной стороны Луны. Теперь к этим вопросам прибавился ещё один: когда закончится война с Россией?

Джентльмен – в чине майора, как определила Джейн, – явно желал возобновить спор. Спор и возобновился.

²¹ Подводный телеграф между Европой и Америкой был проложен в 1866 г., через десять лет после окончания Крымской войны.

– Сэр, вы употребили весьма удачные сравнения, – ответил капитан (как решила Джейн, глядя на нашивки, капитан-артиллерист). – Думаю, если русские сами не запросят мира, война закончится несколько раньше, чем мы узнаем тайны обратной стороны Луны, но явно позже открытия телеграфного сообщения Лондон – Нью-Йорк. Удачное название войны с Наполеоном – битва акулы и льва – как нельзя лучше подходит и к нынешней войне. Правда, вместо льва – медведь. Население России – шестьдесят девять миллионов, это больше, чем в Англии и Франции, вместе взятых. К тому же в Британии скоро найти добровольцев для армии будет труднее, чем приличного стюарда для этого салона.

Джейн уже приноворилась, поэтому смогла не пролить чай.

– Что же касается русских, – продолжил офицер, – то им так же просто комплектовать свою армию, как зимой топить дома: везде лес и всегда можно нарубить дров, если они закончились. Царь даже если и проиграет одно или два сражения, он просто прикажет своим феодалам прислать ещё крестьян и создаст новую армию.

– К счастью, все не так грустно, Тремэйн, – заметил майор. – Русские солдаты храбры, но вооружены плохо и вынуждены охранять все царские владения, а не только те пункты, где мы можем высадиться. Это и Финляндия, и Кавказ, и Польша. Но главное не это. У царя нет волшебного мешка, откуда он вынимает полки. Его солдаты – это рабы, которых отдали ему феодалы²². А эти феодалы, хотя и не дорожат своей личной свободой, дорожат своей живой собственностью. Если царь будет снова и снова забирать у них крестьян, они его убьют, как убили императора Павла. Ни рабовладельцы, ни рабы не способны быть патриотами...

Джейн подала чай. Стюарду полагалось уже уйти. Но она тянула время. И не только потому, что ожидала, вдруг кто-нибудь упомянет имя отца.

Только сейчас Джейн поняла, как ей хочется остаться здесь, среди джентльменов, так напоминавших папиных друзей, а может, и встречавшихся когда-то с ним. Пусть детям не место среди взрослых, когда те говорят о серьёзных вещах.

«Все равно, пожалуйста, пошлите меня в детскую, а не на душный камбуз, где кок орёт на меня, а Микки строит гадости. Я хочу остаться с вами!»

Джейн, конечно, ни о чем просить не стала, а просто переменяла пепельницу.

– Сэр, патриотизм относится к наиболее естественным человеческим чувствам, и я не удивлюсь, если в России найдётся немало людей, которые поспешат встать под ружьё, увидев нас у своих берегов.

– Вряд ли стоит ожидать от жителей деспотии тех же порывов, что и от граждан свободных стран, – возразил майор. – Держу пари, Тремэйн, что мы не встретим ни одного русского, который добровольно отправится на войну.

– Я согласен на пари, – ответил капитан.

Кто-то из офицеров впервые с интересом взглянул на Джейн: что она здесь делает? Джейн вздохнула (незаметно) и вышла.

«Вот вырасту, – думала она, – буду сидеть за столом и вести умные разговоры. И если увижу, что у слуги, подающего чай, такие же грустные глаза, как у меня, непременно предложу ему выпить чашку чая. Мне, кстати, уже почти неделю не предлагали!»

* * *

Ужин Джейн подала без происшествий и приключений. Джентльмены обсуждали различные пари, заключённые на борту «Саут Пасифика». Пари, заключённое во время файф-оклока, упомянули тоже и признали непроверяемым.

²² В России ещё существовало крепостное право, что активно использовала часть британской прессы, подогревая провокационные настроения в обществе.

Пока джентльмены ужинали, Джейн сделала замечательное открытие: обнаружила умывальню для пассажиров первого класса. В ней было все необходимое для заведения, в которое нельзя не заходить, но самое главное – крючок на дверях. Джейн, не желая рисковать, провела в умывальне пять минут, но впервые за эти дни смогла помыть руки душистым мылом.

Могла бы и не мыть. На камбузе Джейн выяснила, что кухонные обязанности по-прежнему на ней. Джейми быстренько уснул, Микки тоже, причём старался перехрапеть Джейми. Следовательно, сковороды, оставленные в лоханке, ждали её заботливых рук.

Джейн все же попробовала разбудить Микки – случай с Джейми был безнадежным. Тот прервал храп, повернулся к ней:

– О, Джонни, забыл кое-что важное. Я на этой работёнке срубал за день не меньше шести пенсовика, а то и двух. Ты сам-то будешь жировать от щедрот уважаемых джентльменов?

– Я не об этом, я про сковородки.

– Ну как знаешь, – Микки будто вообще не заметил вопроса Джейн, – срубать или не срубать – дело твоё. Но я потерял доход, и ты его возместишь. Три пенса в день, Джонни, и я на тебя не обижаюсь. Замётано?

И, не дожидаясь ответа на собственный вопрос, захрапел ещё громче, чем минуту назад.

Джейн обратилась к коку, тот посоветовал разбудить кого-нибудь или вымыть самому, а его не отвлекать от разговоров. Действительно, на камбузе собрался небольшой клуб корабельных старожиллов, допущенных к вечернему пиву. Среди них был и солдатский повар, стряпавший для солдат. Они потягивали пивко, курили, трепались, а Джейн отчищала сковородки.

На камбузе, как и в кают-компании, говорили о России. Как поняла Джейн, боцман и его помощники, в отличие от джентльменов, газет не читали, но некоторые сведения все же имели.

– Правда, что мы уже послезавтра в Балтику входим? – спросил кок. Услышав, что так и есть, он забеспокоился.

– Значит, придётся держать ухо востро. Можно столкнуться с русским крейсером. Джонни, ты научился держать тесак, если дойдёт до абордажа?

Джейн вытерла руки полотенцем, взяла длинный разделочный нож, встала в фехтовальную позицию и покрутила его, как рапиру.

– Сойдёт, – усмехнулся боцман. – Если рядом встанет старина Эндрю с черпаком, а слева от тебя будет твой друг Мистер Морган, русские не прорвутся на камбуз.

– Мы потому так спокойно идём одни-одинёшеньки, – успокоил собравшихся помощник боцмана, – что с начала войны ни один русский в море не вышел. Это с янки воевать опасно, они начинают нас ловить на всех морях, как только войну объявили. У русских так не принято.

– Русские с нами пока не воевали всерьёз, – возразил другой помощник.

– Не важно, принято, не принято. Важно, на чем крейсировать, – сказал боцман. – Будь ты хоть трижды Дрейк или Морган²³, что ты сделаешь под парусом против винта? Штиль – и ты уже не корабль, а баржа. Старина Билли рассказывал мне, что его «Клеопатра» ходила в Петербург. В гавани – ни одного русского парохода, только парусники. Было это лет пять назад, может, с той поры русские пароходами и обзавелись, только мне не верится. Парус, оно, конечно, красиво. Но мне по душе, что, когда до войны дошло, у нас пар, а у врага – паруса.

– Интересно, а паровозы в России есть? – спросил кто-то.

Разгорелся спор. Клуб-на-камбузе разделился на две равные партии. Кто-то вспомнил слова одного из джентльменов, что железных дорог в России нет, кто-то утверждал, что его шурин года три назад отправился в Россию инженером на железную дорогу.

Спорщики разделились поровну, перевеса не было, и поэтому боцман обратился к Джейн:

²³ Знаменитые британские мореплаватели XVI–XVII веков; оба начинали свою карьеру как флибустьеры, а закончили на высоких постах на королевской службе.

– Эй, Джонни Друг Котов, а ты как думаешь, есть в России железные дороги?

– Сейчас не знаю, а в прошлом году их было три, – ответила Джейн. – Санкт-Петербург – Москва, Варшава – Вена и самая первая железная дорога из Санкт-Петербурга до загородного царского дворца, как называется – не помню.

А сама продолжала тереть сковородку, мысленно поблагодарив Лайонела. У того была привычка в присутствии сестры читать вслух газеты, причём, как иногда казалось Джейн, он нарочно подбирал разные занудства. Вот и пригодилось.

– Ну ты, Джонни, знаток, – покачал головой боцман. – Сразу видно, из джентльменов, в школе учился...

– До Москвы доплыть можно? – спросил его помощник.

Джейн ответила, что нет. После чего, краснея от боязни ошибиться, начала вспоминать карту и называть все крупные русские города, памятные по урокам географии. Слушатели качали головами, кто-то сам чего-то вспоминал, в основном по рассказам друзей, ходивших в Ревель²⁴ или в Одессу, но сухопутные города были для них в новинку.

Сыпались вопросы. Что-то Джейн не знала, а иногда отвечала легко. Она рассказала и про сани, и про русскую зиму (про неё все слышали, но как одеваются русские, никто не знал). Что-то рассказала про русского императора Николая. Уже приготовилась рассказать про многочисленные народы, живущие в России, включая якутов, но боцман решил, что настала пора закрывать клуб.

– Расходимся ребята. Джонни, завтра расскажешь. Откуда ты столько знаешь-то? Может, бывал в России?

– Что-то читал, что-то слышал, сам пока не бывал, – ответила Джейн.

– Значит, запомнил хорошо. Повезло тебе с башкой. Будешь теперь Джонни Всезнайка.

«Джонни Задохлик, Джонни Плакса, Джонни Друг Котов. Теперь Джонни Всезнайка. Вот сколько имён, – прошептала Джейн, когда клуб разошёлся спать. – А у тебя, Томми, только одно имя. Как ты думаешь, кому повезло больше?»

Оловянный Томми, как всегда, имел своё мнение, но, как всегда, промолчал.

²⁴ Ныне Таллин.

Глава 3, в которой обсуждение вопросов войны и мира продолжается не только в кают-компании, но и на камбузе, морская пехота и буфет несут потери, выясняются отличия морских и сухопутных взысканий, боцман Три Пинты трактует Шекспира, а офицер Её Величества дискутирует с юнгой о туалете и гильотине

«Кроме того, ты увидишь море с борта корабля, а не с берега», – сказал на прощание Лайонел. На этот раз брат ошибся. Сказать, что Джейн не видела море совсем, было бы ложью. Но последний раз более или менее спокойно взглянуть на волны ей удалось лишь в Портсмуте, перед тем, как подняться на борт «Пасифика». После этого она видела только камбуз, а море – лишь на бегу.

«Ничего себе морское путешествие, – не раз думала Джейн. – Вот интересно, если мы пойдём ко дну, меня предупредят или нет? Зато тогда море увижу точно».

После того, как Джейн была назначена стюардом, море стало доступнее. Удавалось ненадолго задержаться на палубе и осмотреться. Правда, картина не радовала. Балтийское море оказалось таким же мрачным, как и Северное. Холодное, по-осеннему неприветливое, с вол-

нами цвета грязного свинца, оно не было похоже на тропические моря, о которых так часто рассказывал папа. А может, это Джейн было зябко на палубе после жаркого камбуза.

Сам корабль тоже не радовал. Он дымил двумя трубами, вываливая в блеклое небо тяжёлые дымные облака. От этого дыма были закопчены мачты и паруса. Паруса выглядели невзрачно, как забытые сироты, когда в дом пришла мачеха.

«Может быть, Лайонел был и прав, – подумала Джейн, – парусам только и остаётся, что истлеть да мелькать на картинках. Жаль. Вот было бы здорово как-нибудь поплавать на настоящем корабле, под белоснежными парусами, без паровой машины. Наверное, уже не получится».

Из-за утренних трудов на камбузе Джейн даже пропустила стоянку в Копенгагене. Впрочем, её и стоянкой-то было не назвать: «Пасифик» вошёл в гавань (говорили, чтобы принять почту и какого-то пассажира), после чего сразу продолжил движение прежним маршрутом.

Грустить из-за того, что не удалось взглянуть с палубы на город, Джейн не стала. В жизни появилось столько тревог и забот, что даже и не погрустишь толком. Ближайшей заботой было поскорее добраться до кают-компания и обслужить джентльменов.

* * *

Джентльмены опять говорили о войне.

– У каждой войны должно быть имя, – говорил капитан Тремэйн. – Конечно, дарить эти имена войнам – занятие для историков, но никто не мешает нам дать этой войне хотя бы временное прозвище. Думаю, что самое лучшее из них – это «Странная война». Уже прошло почти восемь месяцев после разрыва отношений, а война, собственно, не началась. Мы обстреляли Одессу, заплатив за это удовольствие пароходофрегатом «Тигр»²⁵. На юге наша армия вместе с французами сидит в Варне и ждёт, пока русские нападут на неё, а русские сами ждут нашей атаки. В Белом море мы обстреляли *Solovetski* монастырь, видимо, желая проверить, не разразит ли нас небесный гром. Гром не грянул, но и монахи не стали сдаваться, так что ядра и бомбы потрачены впустую²⁶. В Балтийском море, в которое мы, собственно, уже прибыли, дело ограничилось прогулкой адмирала Нэпира под Кронштадт. Правда, как мне известно, готовится взятие крепости Бомарзунд²⁷, но я не уверен, успеем ли мы принять участие в этом развлечении. Для двух союзных эскадр маленький островной форт с тысячей солдат гарнизона и двумя десятками малокалиберных пушек – не самый достойный трофей. Если, конечно, этому гарнизону не придёт в голову сражаться.

– Я не постесняюсь повториться, – отозвался майор, – ещё раз напомним собственную метафору о битве медведя и акулы. Медведь ревет с берега, а мы клацаем зубами в волнах. Если медведь зазевается на берегу, то потеряет лапу, если мы полезем на сушу, то узнаем его когти.

– Не стоит забывать о третьем участнике, который не позволит этой войне остаться Странной, – заметил ещё один офицер, определённый Джейн как капитан сапёров. – Это французский орёл. Он помнит, как русские ошипали его при Наполеоне, кстати, с нашим участием, поэтому машет крыльями и хочет взять реванш. Французы лезут в драку и на Чёрном море, и на Балтике. Я слышал, что штурм Бомарзунда затягивался лишь из-за ожидания французского корпуса.

²⁵ 30 апреля 1854 года английский паровой фрегат «Тигр» сел в тумане на мель вблизи Одессы и был уничтожен русской полевой артиллерией, а экипаж сдался.

²⁶ 7 июля 1854 года два паровых британских фрегата подошли к Соловецкому монастырю (Онежская губа Белого моря), предложили сдаться, но после безрезультатной бомбардировки уплыли прочь. Монастырь был повреждён, обошлось без жертв.

²⁷ Бомарзунд находится на Аландских островах, ныне принадлежит Финляндии.

– Что же, – усмехнулся майор, – судьба послала нам идеального союзника. Нам не приходится толкать его, надо лишь глядеть, как он рвётся в драку, и идти следом. Вообще-то, урон на войне – неизбежность, к которой не следует стремиться. Пока что мы потеряли лишь фрегат «Тигр». Не знаю, как будет под Бомарзундом, но на Балтике потери несёт лишь наша морская пехота, время от времени совершающая шлюпочные прогулки на русское побережье...

Речь майора прервал звук, который, как считают вежливые люди, приносит счастье. Услышав слова офицера о потерях в морской пехоте, Джейн уронила пустую чашку с подноса.

От неожиданности она присела, не выпуская поднос, чтобы подобрать осколки. В эту секунду корабль качнуло, и ещё одна чашка разделила судьбу подружки.

– ...а также наш буфет, – продолжил майор прерванную фразу. – Может быть, юный стюард решил, что потери в личном составе вынудят командование перевести его в морскую пехоту? Боюсь, если опустошение сервиза продолжится, ничего другого не останется.

Весь стол сдержанно и вежливо засмеялся.

«Вы пьёте чай, а мой отец сейчас сражается!» – Джейн с удивлением поняла, что гневные слова так и остались на языке. Губу себе она прикусила надёжно. Её пальцы торопливо, несмотря на порезы, собирали осколки и сбрасывали на край подноса. Вроде бы не осталось.

– Этот мальчик все равно лучше своего предшественника, – заметил капитан Тремэйн по-французски. – Он чистоплотен и не попрошайка, а потери на войне, как верно заметил Колверн, всегда неизбежны...

– Но долг командующего, даже если он командует над буфетом, сводить потери к минимуму, – продолжил майор. Джейн поклонилась, так как не знала, обязан ли воспитанный стюард извиняться вслух за разбитую посуду, и покинула кают-компанию.

* * *

О потерях, понесённых буфетом, пришлось доложить коку. Разговор вышел неприятный.

– Джонни Всезнайка, – сказал Эндрю, – тебе знакома кошка для юнг?

– Наслышан, – ответила Джейн. А что ей ещё оставалось сказать?

– Так вот, Всезнайка, ещё одна разбитая посуда, чашка, тарелка или стакан, не важно, и ты познакомишься с этой полезной штукой не на словах. Надеюсь, тебе уже объяснили, такая кошка, хоть в ней и не девять хвостов, а пять, ненамного легче кошки для взрослых?

– Мистер Эндрю, прошу вас, вычтите стоимость чашек из моего жалованья, – сказала Джейн. – Кроме того...

Она хотела сказать: «Я могу заплатить за них», но осеклась. В первый же день на борту, узнав о репутации Микки Вонючки, она постаралась несколькими репликами объяснить всем обитателям камбуза, что денег в плавание бедный Джонни не захватил.

Непонятно, расслышал ли кок её слова, но он уловил мысль и протянул Джейн три шиллинга.

– Возьми, сходи в посудную лавку и купи чашки, взамен разбитых. Не забудь принести сдачу.

– Но мистер Эндрю...

– Вот именно! Из жалованья вычитают в городских кофейнях. В море лавок нет, поэтому выскивают по-другому. Тебе шкура явно дороже кармана. Хочешь сберечь её – не бей посуду. Ещё одна разбитая чашка – порка! Повтори!

– Разбитая чашка – порка, – сквозь зубы выдавила Джейн.

– Разбитая чашка – порка! – весело воскликнул Микки, подслушавший разговор. – Джонни, не тяни, разгрохай ещё чего-нибудь, тогда бояться уже будет нечего!

* * *

Джейн и прежде аккуратно носила посуду, теперь же она, пожалуй, сберегла бы свой бьющийся груз и в десятибалльный шторм. Она помнила каждый поворот, каждую ступеньку, каждый фут пути между буфетной, камбузом и кают-компанией. Поднос стоял прямо, несмотря на качку, а посуда, прежде чуть-чуть колыхавшаяся, не двигалась, будто её приклеили к музейной полке. Услышав шаги на своём пути, Джейн замирала, а если шаги были слишком быстрыми, предупреждала: «Идёт офицерский сервиз!»

Репутация всезнайки, заработанная ею вчерашним вечером, оказалась устойчивой, как посуда на подносе. Во время фэйф-о-клока Джейн остановил боцман.

– Мы сегодня утром Копенгаген прошли. Видел?

– Нет, – честно ответила Джейн. – Я иногда так спешу, солнца не вижу.

– И правильно, – заметил боцман. – Побегашь юнгой – дорастёшь до боцмана, других будешь гонять. Если море не надоест. Слушай, Всезнайка, расскажи про Копенгаген. Я слышал, его лорд Нельсон обстреливал, а потом мы его захватили.

Джейн постаралась вспомнить и рассказы отца, и книгу о Нельсоне, найденную в библиотеке дяди Хью.

– Это были две разные войны, но обе из-за Наполеона.

– Не время сейчас. Вечером на камбузе расскажешь.

Вечером на камбузе Джейн опять ожидала немытая посуда и компания друзей боцмана Три Пинты. Впрочем, с посудой на этот раз возиться не пришлось. Кок приказал Джейн сесть, а сам шагнул в соседнее помещение. Джейн видела через открытую дверь, как он подошёл к гамаку со спящим Микки и вытряхнул его на пол.

– Любовница морского дьяво... – заорал тот, но проснулся и прервал реплику, увидав, кто его выкинул.

– Топай к лохани, – сказал кок, – заодно руки помоешь.

Микки добрёл до указанного места и принялся драить сковороды и котелки. На грязную посуду он глядел с тоской, а на Джейн со злобой.

Та, не обращая внимания на Вонючку, принялась за рассказ. обстоятельно обшарив свою память, Джейн вытащила все, что могла, о двух сравнительно мелких эпизодах Наполеоновских войн, когда Англия дважды принуждала Данию покориться своей воле. Первый раз просто выйти из союза с Россией и Швецией (против Англии, конечно), а второй раз отдать Англии свой флот (чтобы Наполеону не достался). Учитывая, причем, что во время второй войны Копенгаген почти весь сгорел – сорок тысяч ракет Конгрива²⁸ по городу выпустили, не шутка, – для датчан такое событие вряд ли было мелким. Джейн даже пожалела, что утром не разглядела город: интересно, отстроили его датчане после пожара или нет?

– Да, умели воевать тогда, – заметил боцман, – приплыли, все сделали и обратно. Джонни, может, ты ещё и «Гамлета» в театре смотрел? Я-то только его пьесу видел о том, как два итальянских лорда враждовали, их дети полюбили друг друга, да в итоге и пошли на тот свет самым грешным путём.

Джейн не видела «Гамлета» в театре, зато читала и пересказала камбузному клубу сюжет трагедии. Философские размышления Гамлета она безобразно сократила, зато досочинила подробности боевых сцен, а также утопления Офелии. А уж когда дошло до призрака, Джейн

²⁸ Пороховые ракеты Уильяма Конгрива впервые применены в 1805 году и в тех или иных модификациях приняты на вооружение в армиях многих стран, включая русскую. Более или менее удачно использовались до второй половины XIX века, пока не были вытеснены нарезной артиллерией. После этого боевые ракеты были забыты до появления «Катюш» и другой реактивной артиллерии.

вспомнила все вечерние издевательства Лайонела, с его рассказами о привидениях и оборотнях, и растянула скромную шекспировскую сцену на пятнадцать минут. «Может, призрак при-снится Микки?» – мстительно подумала она.

– Все ясно, – заметил боцман, когда Джейн, устами Фортинбраса, отправила Гамлета в королевскую усыпальницу, – сошлись подлец да рохля, а все умному осталось. Это тебе урок, Джонни, если надо, так первым бей, не тяни. Если бы Гамлет дядю сразу шпагой наколол, когда узнал, что тот его отца угробил, тогда сидел бы на троне, и Офелию не пришлось бы из омота вытаскивать.

Моряки согласно кивнули: да, так оно и есть. У кока оказалось своё объяснение шекспировскому сюжету.

– А мне теперь все понятно стало с Копенгагеном. Ведь зачем Гамлета в Англию послали? Дань с нас собирать. Ну, когда нужда припрёт, кому угодно заплатишь, лишь бы выжить. Главное, должок не забыть. Вот мы и вспомнили. Послали лорда Нельсона, он полгорода сжёл. Датчане обещали заплатить, но узнали, что адмирал погиб, и деньги зажали. Пришлось весь город сжигать и флот уводить, в счёт долга. Так ведь было, Джонни, на самом-то деле?

Джейн ответила, что не знает, а про себя подумала: жаль, я не Лайонел, он лучше разбирается в политике и, наверное, смог бы правильно ответить.

Разговор перекинулся на нынешнюю войну. Моряки судачили: можно ли так же просто поджечь из пушек Петербург, как Копенгаген, и увести русский флот. Джейн пришлось отвлечься от обсуждения, она вспомнила, что должна подать джентльменам вечернюю выпивку. «Хорошо, что моряки подают её себе сами», – подумала она.

* * *

Выполнив обязанности стюарда и убедившись, что все джентльмены корабля, включая капитана, беседуют в кают-компании, Джейн опять заперлась в облюбованной умывальне первого класса. На этот раз она смогла вымыть водой и лицо, и руки по плечи, и шею. Осмелев, Джейн даже несколько намочила носовой платок и обтёрла тело, стараясь хоть чуть-чуть победить въевшиеся камбузные запахи.

Разница, пожалуй, была только одна: умываясь дома, Джейн никогда не прислушивалась в страхе к шагам за дверью умывальни. Ей даже почудилось сквозь плеск воды, когда споласкивала голову, что кто-то подошёл и дёрнул за ручку. Нет, почудилось, наверное. Дёрнули и отошли.

Вода так освежила Джейн, что она чуть не стала насвистывать. «А ведь бывают дети, которые не любят умываться, – подумала она. – Всех грязнуль – на три дня на камбуз. Нет, это жестоко, на один день!»

Джейн взглянула в зеркало. На неё глядел юнга Джонни, явно не Всезнайка, а Задохлик. Лицо юнги осунулось, под глазами была синева. «Странно, по глазам вроде ещё не колотили», – с грустным любопытством подумала Джейн. Подтёрла брызги на полу и открыла дверь.

На пороге умывальни стоял капитан Тремэйн.

И Джейн, и капитан были удивлены примерно одинаково. Но если Джейн, кроме изумления, ещё и испугалась, то капитан был возмущён. А молчал потому, что не мог найти подходящих слов для этого чувства.

Наконец он вымолвил с непередаваемым сарказмом:

– L'egalité a la latrine, l'egalité a la guillotine. (Равенство в уборной – равенство на гильотине, фр.)

И приготовился раскатать наглеца следующей фразой, на языке, понятном британскому юнге. Но Джейн, секунду назад готовая пролепетать «простите, сэръ», неожиданно сказала:

– Pardon, monsieur, mais la latrine ce n'est pas la Convention Nationale. (Пардон, мсье, но уборная – это не Конвент.)

Капитан застыл, а потом расхохотался. Гнев испарился, и Джейн тоже улыбнулась. Правда, смеяться не рискнула.

– Ты что, джерсеец? – спросил капитан²⁹.

– Нет, – ответила Джейн, – я из Портсмута. Я очень хотел вымыть лицо тёплой водой.

Страх уступил место тоске и обиде. Неделю назад она со страхом ходила по коридорам своего дома. Теперь она стала преступницей из-за того, что захотела умыться и сходить в уборную с запирающейся дверью.

– Вот что, юнга-шутник, – сказал капитан Тремэйн, – советую не рассчитывать на чужое чувство юмора. Я ценю шутки, но их ценят не все. Ты понял?

– Да, сэр. Мне можно идти?

– Можно. Погоди-ка. Ты сегодня утром уронил чашку, когда мы говорили о потерях в морской пехоте. Это было совпадение?

– Вы очень наблюдательны, сэр... – Джейн замялась, но неожиданно для себя сказала: – Мой отец служит в морской пехоте, под командованием капитана Летфорда. Может, его послали на Балтику.

– Летфорд? Знакомое имя, – сказал капитан. – Тогда мне понятно, почему буфет понёс потери. Будь мужчиной, жди вестей, а не слухов. А шутка про уборную и Конвент мне понравилась.

И капитан Тремэйн заперся в умывальне, саркастично насвистывая «Марсельезу».

* * *

Когда Джейн, выполнив все обязанности стюарда, вернулась на камбуз, клуб уже разошёлся. «Ну вот, умылась перед сном, и за это мне, представьте, не влетело», – подумала Джейн, пытаясь понять, как отнеслась бы к такой фразе миссис Дэниэлс.

Кстати, как она? Как, наверное, сейчас тревожится за меня...

Она легла в свой гамак, закрыла глаза. И тут в темноте раздался шорох, и что-то мягкое и тяжёлое обрушилось ей на живот.

Джейн еле удержалась, чтобы не взвизгнуть. «Видимо, сюрприз от Микки», – подумала она, открыла глаза и увидела перед собой два зелёных огонька. И услышала протяжное «муууррр».

– Мистер Морган, добрый вечер, – прошептала она. – Скажи, я первая, к кому ты прыгнул на живот на этом корабле?

В ответ послышалось короткое «мууурр», и Джейн перевела его как «да».

– О, мне все понятно. Ты единственный в экипаже, кто увидел во мне девочку. Ведь ты же родился не на корабле, правда?

И опять «мууур».

– Хочешь, я расскажу сказку про тебя? Может, это и неправда, как все сказки, но мне хочется, чтобы все было так. Давай, я буду тебя гладить и рассказывать, а ты – слушать и мурлыкать.

«Мууур».

– Жила-была маленькая девочка на берегу моря. Брата у неё не было, и папа подарил ей котёнка, чтобы ей было не скучно, пока папа плавает на корабле. Но котёнок был глупым и непослушным. Девочка просила котёнка никогда не уходить из дома, но он не послушался

²⁹ Житель острова Джерси в проливе Ла-Манш. Остров имеет собственный парламент, но подчиняется британской короне. Большинство жителей говорят на архаичном французском диалекте, но французами себя не считают.

и ушёл. Его поймали мальчишки, совсем глупые и непослушные, и бросили в канал. Котёнок бы утонул, но его спасли моряки. Они отнесли его на корабль, и котёнок стал взрослым котом, Мистером Морганом.

Слева храпел Джейми, справа – Микки, кок храпел в стороне. Говорить можно было только таким шёпотом, чтобы даже самой себя не слышать. Поэтому Джейн слышала только мурлыканье Мистера Моргана.

– Девочка долго плакала. Она не знала, что её котёнок остался жив. А ещё она не знала, какая она счастливая: ведь ей не приходится изображать мальчишку. Если бы она знала, как плохо, когда тебе нельзя даже плакать!

Потом из плавания вернулся папа. Он тоже огорчился и, чтобы дочка не плакала, подарил ей щенка. Щенок был умным и послушным, он не отходил от девочки. И девочка радовалась, хотя иногда думала: «Что же случилось с котёнком?»

Но однажды девочка гуляла в порту со своим другом – взрослым псом Терри – и увидела корабль. На палубе стоял большой чёрный кот... Ведь ты иногда выходишь на палубу, если глупая крыса пытается спастись от тебя там, правда?

Мистер Морган муркнул в ответ, что это правда.

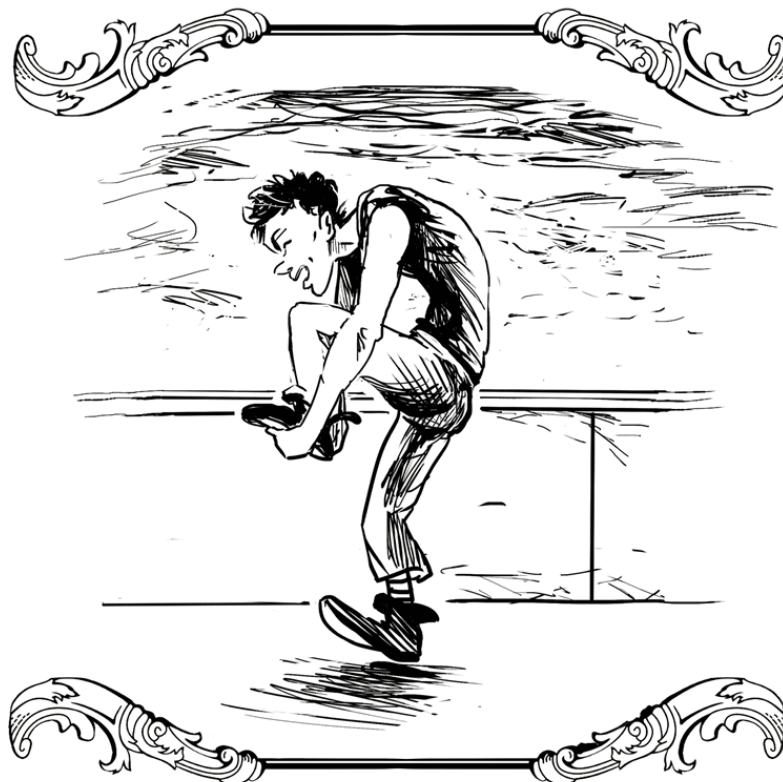
– И девочка сразу узнала его. Ведь ты всегда узнаешь того, о ком долго грустил. Но девочка не смогла подняться на палубу – на ней не было костюма юнги, как у меня. Поэтому она просто помахала своему котёнку рукой. А пёс пролаял: «Если бы ты знал, какая у меня отличная хозяйка!»

– С тех пор кот обижался на всех собак. А может, он стал взрослым и ревнивым. Поэтому ты бросаешься на всех собак подряд. И не позволяешь себя трогать мальчишкам-обидчикам, вспоминая, как барахтался в канале. И ловишь крыс, ведь это твоя профессия.

– А девочка стала счастливой-счастливой. И не только потому, что убедилась: с её котёнком все в порядке. Её папа вернулся домой и решил больше не плавать. И девочка отныне не тревожилась за него. Мистер Морган, правда, всё было именно так... И так будет?

Мистер Морган протяжно мурлыкнул. Это можно было понять и как подтверждение, и знак того, что пора спать.

Глава 4, в которой «Саут Пасифик» прибывает на театр военных действий и берёт нового пассажира, Джейн узнаёт старого знакомого, шутник Билли не отказывается от грязной работы, а Микки выбивает долги

Утром Джейн поняла, чем отличается обычное плавание от Прибытия на Театр Боевых Действий. Артиллеристы чистили пушки, на мачтах появились два дополнительных наблюдателя, а все, кто проходил по палубам, с интересом и тревогой всматривались в даль – не мелькнёт ли противник. Джейн сама пару раз оглядывала Балтийское море до свинцового горизонта – вдруг увидит подозрительный парус. Офицеры и моряки не раз говорили при ней, что за всю войну русские корабли так из своих портов и не вышли. Все равно военный азарт пьянил и оглушал, как предчувствие таинственного, незнакомого и страшного праздника.

В кают-компани было радостное настроение. Конечно, здесь тоже говорили о войне. Офицеры занимались тем же, что и Джейн с Лайонелом – рассматривали карты. Только у них они были подробнее, более крупного масштаба, а значит, интереснее.

На этот раз накрывать стол было сложнее, чем обычно. Во-первых, мешали карты, во-вторых, Джейн приходилось постоянно напоминать себе, что она здесь стюард и её интерес к картам излишен. Оставалось лишь слушать разговоры.

– Благодаря любезности картографа Адмиралтейства некоторые русские названия переведены и написаны возле наших, карандашом, – говорил майор Колверн. – Мне понравилось имя симпатичного посёлка восточнее Кронштадта – Лисий Нос. Видимо, там неплохая охота.

– Подозреваю, – заметил капитан Тремэйн, – что рядом с ним должны быть столь же милые посёлки Медвежья Лапа и Волчья Пасть, деликатно не указанные на карте. Подозреваю также, что главной достопримечательностью этих посёлков являются артиллерийские батареи, способные растерзать всякого, кто приблизится к этому зверинцу. Континентальные укрепления русских – не заброшенный островной Бомарзунд, который мы блокировали ещё с июня. Никто не мешал им разместить под Петербургом столько пушек, сколько они сочтут нужным. Поэтому, боюсь, наше желание прогуляться по Невскому проспекту может закончиться казематами Петропавловской крепости или другой русской гостиницы для пленных.

– Насколько я понял из инструкций, переданных посыльным корветом, знакомство с лисами и медведями Петербурга нам пока что не угрожает, – заметил любитель охоты. – Нам приказано идти к городу Або³⁰, взять который, конечно, будет проще, чем Кронштадт и Петербург, но сложнее, чем Бомарзунд. Что мы будем делать по прибытии: улучшать архитектуру этого города бортовыми орудиями или высадим на берег десант – решать адмиралу.

Опять потёк спор – удастся ли захватить Або или такая операция бесцельно увеличит потери. Приостановив спорщиков, артиллерийский полковник, обычно молчавший во время разговора подчинённых, сказал:

– Джентльмены, я должен услышать ваше мнение по важному вопросу. Со вчерашнего дня на борту «Саут Пасифика» появился новый пассажир, корреспондент газеты «Чикаго Трибюн» Томас Вандерби. Предвидя ваши вопросы, сообщаю: мистер Вандерби предъявил рекомендательное письмо от сэра Джеймса Грэма. Такой документ не обязывает именно нас оказать содействие этому господину, но я решил, что нам желательно разнообразить нашу компанию. Мистер Вандерби, насколько я понял, предпочёл добраться до Копенгагена сухопутным путём, устал в дороге, поэтому вчера не представился обществу. Скоро он пожалует в наш салон. Последуют ли возражения против пребывания в нашем обществе этого господина?

– Лично с моей стороны было бы странно проявить большую щепетильность, чем уважаемый сэр Джеймс, – заметил майор. – Тем более, по моему скромному опыту, каждый американец, пересекающий Атлантику, что само по себе редкий случай, априори является джентльменом.

– Пожалуй, единственная загвоздка в том, что янки всегда были симпатизантами России, поэтому следует ожидать, что публикации априорного джентльмена будут в пользу нашего врага, – ответил капитан Тремэйн.

– Что же, – возразил майор, – тем более важно, чтобы американский журналист оказался именно на борту нашего корабля. Если он решил использовать «Пасифик» для того, чтобы оказаться на территории России, то мы предложим ему вместо шлюпки транспортное средство барона Мюнхгаузена – пушечное ядро. Но я думаю, янки предпочтёт наше общество компании казаков. Что же касается военных секретов, то наш корабль едва ли не наименее подходящее место, где ими можно разжиться. Мы знаем немного: «Саут Пасифик» идёт к берегам России, чтобы выполнить приказ командования.

– И это не говоря о том, – жёлчно добавил капитан, – что, если мистер Вандерби хоть немного потёрся в Лондоне, он осведомлён о планах Адмиралтейства едва ли не лучше самого сэра Чарльза Нэпира. Подозреваю, это мы будем расспрашивать его о том, какую русскую крепость решено взять вслед за Бомарзундом и сколько нам суждено болтаться в этих водах.

³⁰ Крупный город на западном берегу Финского залива, сейчас называется Турку. В Крымскую войну был обстрелян с моря англичанами, но не взят.

– На последний вопрос можно ответить и без янки, – сказал майор Колверн. – Морская война на этом театре боевых действий прекратится, когда Финский и Ботнический заливы покроются льдом. Даже если в Адмиралтействе и захотят испытать холодом и льдом нашу верность долгу, я сомневаюсь, что кому-то в Лондоне придёт в голову подвергнуть такому испытанию корпуса кораблей.

– Не буду спорить, – заметил капитан, – холодная война с Россией никому в Англии не нужна. Что же, русские сами виноваты в том, что присоединили к своей морозной державе Крым и Кавказ – места, где, по моим сведениям, можно воевать и в январе, не опасаясь, что рука примёрзнет к стволу ружья.

Продолжение разговора Джейн не слышала. Журналист из Америки её не заинтересовал. Другое дело – новость о том, что кампания не затянется до зимы. Лайонел это предполагал тоже, но одно дело услышать от него, а другое – от офицеров. «Значит, я вернусь домой с папой до Рождества», – подумала она и чуть не прикусила свой язык от такой радостной мысли, будто язык был в чем-то виноват.

Работу стюарда в салоне Джейн уже выполнила, стоять, и тем более сидеть и слушать, ей не полагалось, поэтому она вышла. В коридоре чуть не пустилась в пляс, но вспомнила угрозу кока и решила потанцевать, когда избавится от подноса с грязной посудой.

* * *

К новости о том, что до зимы эскадра уплывёт домой, на камбузе отнеслись со сдержанным энтузиазмом. Джейми, дремавший даже помешивая матросскую похлёбку, что-то буркнул, вроде «отоспимся», а кок заметил:

– Я не удивился. Шкура наша дешёвая, но чего во льдах корабли портить? Не знаю, оставим ли мы какой-нибудь гарнизон на русских островах и берегах, а я вот лично ни за какие собольи шубы в России зимовать не собираюсь.

Микки комментировать будущее возвращение не стал, зато напомнил Джейн о недавнем требовании:

– Джонни, так ты как, ладишь с джентльменами? Срубаешь с них за красивый сервис?

За секунду до этого Джейми пролил немного супа с черпака на раскалённую плиту. Яростное шипение пара помогло Джейн сделать вид, будто она ничего не услышала.

– Молчишь? Ну, твоё дело. Ты, главное, не забывай про три пенни в день. Скоро два шиллинга наберётся. Я могу и подождать, но терпение моё как табачный кисет: вроде полно, а уже кончилось.

«Моё тоже», – хотела ответить Джейн. Но не ответила, так как ей в голову пришла новая идея. А что, если самой подкатиться к журналисту-американцу и поговорить с ним? Она слышала, что французские газетчики любят расспрашивать прислугу о нравах господ. Значит, корреспондент захочет поговорить со стюардом об офицерах. Вот тогда Джейн и скажет ему, что среди британских моряков, даже среди стюардов-юнг, ходят легенды о капитане морской пехоты Фрэнсисе Летфорде. Может, повезёт и ей удастся застать тот момент, когда корреспондент будет за столом расспрашивать офицеров, а те скажут, на каком корабле сейчас находится папа. Или потом она наберётся смелости и сама спросит янки. Говорят, американцы, даже джентльмены, очень простые.

Когда появился шанс хоть что-то узнать про папу, разве будешь замечать какого-то Микки? И Джейн принялась ошипывать очередную курицу для офицерского стола, слегка приплясывая. То, что свистеть на корабле не принято, ей уже объяснили.

* * *

За ленчем (правильнее сказать, когда настало время подавать ленч) Джейн впервые встретила американца. Он ничем не отличался от обычного джентльмена: только лицо загорелое и обветренное, что на корабле совсем не удивительно. Ни огромной бороды, ни постоянной трубки в зубах, ни привычки сидеть за столом в шляпе, взгромоздив на стол ноги.

«Забавно, поплыла в Россию, чтобы впервые увидеть американца, – подумала Джейн. – Оказалось, насчёт ног и шляп – врут. Жаль, я не узнаю, правда ли то, что русские ходят в шубах даже внутри своих изб».

– Существует множество причин, вынуждающих жителей Старого Света переплывать Атлантику, и лишь две, по которым американцы путешествуют в Европу, – говорил майор Колверн. – Для жителя Нового Света есть два явления, которых он лишён на своей родине: это европейская культура и европейская война. Конечно, Североамериканские Соединённые Штаты тоже воюют, но эти войны, не сочтите за обиду, мистер Вандерби, столь же младенческие, как и американская культура. Если американцы хотят узнать, что такое настоящая война, со штыковыми атаками, штурмом укреплённых позиций, осадными батареями, – для этого надо или ехать в Европу, или разделить американские штаты, устроив между ними гражданскую войну.

Последние слова майор произнёс со смехом, пытаясь уверить собеседника в фантастичности такого предположения³¹. Впрочем, тот и не обиделся.

– Маленькие гражданские войны бывают и в США. Недавно штат Канзас начали одновременно осваивать рабовладельцы и фермеры, и немедленно принялись стрелять друг в дружку. Но вы, безусловно, правы, такие игры в войну не имеют ничего общего с европейской войной.

Услышав голос мистера Вандерби, Джейн замерла от удивления (убедившись, что с подноса ничего не полетит). Голос был явно знаком – согласитесь, удивительно. Ведь она не знала ни одного американца.

– Любопытно, – заметил майор, – ведь вы прибыли из страны, в части которой рабство все ещё узаконено. А мы сейчас приближаемся к России, тоже стране рабов и господ. Впрочем, у меня есть сомнения, что вы увидите русских рабов, да и русских как таковых. У вас, как и у меня, будет шанс разглядеть их разве что в подзорную трубу. Если, конечно, вы не привезли лондонские новости о планах Адмиралтейства захватить русский порт.

После этих слов майор опять усмехнулся, но на его лице, как и на лицах остальных офицеров, был очевиден выжидательный интерес.

Джейн тоже слушала с интересом. В отличие от джентльменов, теперь она прислушивалась не только к содержанию речи мистера Вандерби, но и к его голосу. Ей выпала нелёгкая работа: вспомнить, где же она его слышала, и при этом не упустить все правила столового этикета.

– Ещё раз убеждаюсь, что кампания на Балтике – это Странная война: офицеры выпытывают военные новости у журналиста, – заметил капитан Тремэйн.

– Господа, – ответил мистер Вандерби, – к сожалению, я не могу выдать вам планы Адмиралтейства, так как сам их не знаю. Единственные планы, которыми я могу с вами поделиться, – мои собственные планы. А они – простые. Я желал бы увидеть в деле флот Её Величества. Учитывая, что со стародавней битвы при Наварино Королевскому флоту не приходилось иметь дело с достойным противником, в отличие от британской армии и морской пехоты (при этом слове Джейн вздрогнула), уже само пребывание на борту под королевским флагом – тема для нескольких статей. Кстати, джентльмены (голос мистера Вандерби чуть-чуть изменился; навер-

³¹ Гражданская война между северными и южными штатами началась семь лет спустя, в 1861 году.

ное, лишь Джейн ощутила азартный интерес), насколько верны сведения, что эскадра сэра Чарльза Нэпира повернёт назад, так и не захватив какого-нибудь русского форта на побережье?

Джентльмены переглянулись. По некоторому смущению на их лицах Джейн поняла, что вопрос, действительно, коснулся засекреченной информации, которой присутствующие не располагали.

– Мистер Вандерби, – наконец ответил майор Колверн, – к сожалению, никто из присутствующих здесь не сможет исчерпывающе ответить на ваш вопрос. Если бы вы предпочли присоединиться к нашей южной эскадре, действующей в Чёрном море и, по последним сведениям, высадившей десант в Крыму, знакомство с театром военных действий было бы вам гарантировано.

– Думаю, сэр, это упущение исправить нетрудно, учитывая прогресс нашей цивилизации. Железная дорога за несколько дней доставит меня из Копенгагена в Марсель или Тулон, а пароход оттуда – в Крым или иную точку южного театра боевых действий. Но сейчас я рад, что оказался на Балтике, в компании столь уважаемых джентльменов. Учитывая же весьма верное замечание, что больших войн в Америке нет, пусть увиденное мною с борта корабля станет для меня школой европейской войны.

– Ещё бы знать, когда в этой школе начнутся уроки, – заметил кто-то из офицеров. А мистер Вандерби продолжил:

– Я был бы благодарен, если бы вы оказали мне минимальное содействие в моей работе. Надеюсь, мне удастся взять интервью у некоторых из присутствующих здесь джентльменов, а также рядовых солдат и моряков корабля.

И снова Джейн ощутила маленький толчок интереса в последних словах. Мистеру Вандерби явно было нужно поговорить с командой.

– Не сомневаюсь, любой из присутствующих здесь джентльменов, – сказал полковник, – с удовольствием ответит на ваши вопросы. Что же касается рядовых, то они в ближайшие часы получают необходимые инструкции и уже вечером смогут пообщаться с вами. Надеюсь, ваша работа не займёт столько времени, чтобы лишить нас вашей компании?

Ответ на этот вопрос Джейн не услышала, так как все, что положено сделать стюарду, в салоне уже было сделано.

* * *

«Когда-нибудь, – думала Джейн, – люди изобретут устройство, позволяющее запоминать сказанные слова. После этого жизнь станет чуть-чуть легче».

Пока что такого устройства ещё не существовало. Приходилось самой вспоминать не смысл, но звучание слов, сказанных американским журналистом.

В коридоре всегда было спокойнее, чем в салоне, когда каждую секунду боишься нарушить хотя бы одно из сотни правил работы Образцового Стюарда. Джейн ещё раз позволила словам мистера Вандерби прозвучать в своей голове:

«Единственные планы, которыми я могу с вами поделиться...»

Джейн вздрогнула и поняла, как хорошо владеет собой, раз не уронила тарелки ни в салоне, ни сейчас, в коридоре. Догадка, зародившаяся с первой фразы мистера Вандерби, стала очевидной.

Джейн вспомнила, где она слышала этот голос.

Это был голос Счастливчика Джона.

Да, ведь он же собирался попасть на корабль, идущий к Балтийской эскадре. Только посланец дяди Генри предпочёл сделать это не в Портсмуте, как она, а в Копенгагене. Зато явился прикрытый таким статусом, который даёт ему возможность задавать любые вопросы, не боясь встречного удивления от такого любопытства.

Джейн даже сбавила шаг и покрепче ухватила поднос. Как хорошо, что она отправилась в путь! И как страшно оттого, что рядом плывёт человек, который не просто хочет, чтобы папа не вернулся с войны, но и может для этого постараться.

Но Джейн понимала, что страх придётся преодолеть – поговорить с мистером Вандерби, задать ему вопрос про капитана Летфорда и проверить, что будет с его лицом, не опасаясь за свои гримасы.

У неё было пока лишь одно преимущество. Она видела Счастливого Джона, а он её – нет. Скорее всего, он даже не думал, есть ли дети у человека, которого ему следовало...

Джейн в очередной раз отогнала мысль, от которой у неё холодели руки (вот уж не ко времени, когда они и так еле удерживают тяжёлый поднос!), как вдруг самые серьёзные мысли на время отлетели прочь.

Она даже не поняла, откуда появился (вылетел, выскочил, образовался в воздухе) Микки. Главное, что он схватил Джейн за рукав.

– Осторожнее, у меня посуда, – сказала Джейн машинально, тут же сообразив, что говорить это Микки бессмысленно. Так и оказалось.

– Правда, посуда? – искренне изумился тот. – А мне показалось – ночной горшок из капитанской каюты.

Шуточку про горшок он, правда, произнёс тихо, и была она, кстати, совершенно необоснованной – в каюте капитана имелось не одно удобство с забортным сливом, а даже два – с каждого борта, чтобы ничего и никогда не делать против ветра. Горшка там быть не могло, но Микки в капитанской каюте не бывал.

– Тебя не тяжело, Джонни? Честное слово, если ты сейчас уронишь пару тарелок, нести станет легче.

Полагалось сказать «не смешно», но Джейн, понимая, что побить посуду нетрудно и без участия Микки, сделала вид, что смеётся. Ей стало жарко от унижения. Она помнила, что произойдёт, если хотя бы один стакан или блюдце превратятся в осколки.

Микки слегка толкнул пальцем верхнюю тарелку в стопке, так что та закачалась.

– Если ты разобьёшь, я скажу коку, – сказала она, как показалось самой, спокойно, не считая горевших щёк.

– Наша маленькая Джонни будет ябедкой? – презрительно протянул Микки. – Ладно, девчонка в брюках, ты права, мне нельзя бить твою посуду. Это твоё неотъемлемое право, грех на него покушаться.

И он, продолжая левой рукой удерживать Джейн, пощекотал правой её под мышкой.

– Прекрати, – укусив губу, чтобы унять зуд, сказала Джейн.

– Ты насчёт пенни меня не слушаешь, чего мне тебя слушать? – буднично произнёс Микки. – Да, Джонни, даже у такого Всезнайки-Задохлика должны быть мозги. Вспомни, мистер Эндрю обещал всыпать тебе за каждую разбитую чашку. Я бы на твоём месте сейчас одну и разбил. Мне страшно представить, что он сделает с тобой за весь поднос.

Вонючка закатил глаза, будто увидел невыносимое зрелище, и ещё раз пощекотал Джейн. «Если он добьётся своего, может, мне признаться, что я девчонка? Спасёт ли?»

Будем добры к Джейн: в эту секунду у неё из головы вылетел и Счастливчик Джон, и даже её миссия.

Она согнулась, попыталась увернуться от рук Микки, продолжая держать поднос прямо. Оглянулась по сторонам, надеясь, что кто-нибудь появится в коридоре. Коридор был пуст.

– Микки, – спокойно сказала Джейн, – тебе дать шестипенсовик?

– Это половина долга, – сказал он, но прервал щекотку. – Давай.

– У меня заняты руки. Я отдам на камбузе.

– Дудки. На камбузе ты отдашь мне все, что должен. А сейчас я хочу, чтобы Всезнайка наконец-то узнал... – Руки Микки опять потянулись к Джейн.

– Они в кармане брюк, возьми, – сказала Джейн, надеясь, что Вонючка поверит и она получит лишние три секунды.

– С паршивой овцы хоть шерсти клок, – усмехнулся Микки. Его рука устремилась к карману Джейн, причём так умело, как будто и прежде опустошала чужие карманы. Проблема заключалась в том, что карман Джейн был пустым.

Три секунды, как уже поняла Джейн, – это очень большое время. Можно очень много передумать и много сделать. Занятые руки и понимание, что крик не спасёт, оставили лишь одну возможность. Продуманную за две секунды.

Рука Микки влезла в карман брюк, коснулась бедра. С непривычки Джейн чуть не выронила поднос, но не забыла, что решила делать. Она дождалась, когда на лице Вонючки появится возмущённое разочарование, сама опустила взгляд, чтобы не промахнуться, и, едва Микки открыл рот, тяжело и прицельно припечатала своей пяткой носок его ботинка.

– Обмаааааа! – укоризненная реплика Микки перешла в резкий вой. Его левая рука, державшая Джейн, разжалась, и она кинулась по коридору с дурацкой мыслью: пусть уж уроню сама, чем от его щекотки. Микки ковылял сзади в озлобленную припрыжку и чем-то грозился.

«Миленькие, держитесь, буду вас мыть, протирать, поцелую каждую», – шептала Джейн, обращаясь к тарелкам. То ли они её послушались (какой тарелке хочется разбиться?), то ли она бежала очень уж аккуратно, но путь до камбуза был преодолён без потерь.

Минуты через две доковылял Вонючка. Он уже пользовался обеими ногами, но правой – аккуратно.

– Микки, ты что, зашибся в коридоре? – все ещё краснея, но уже справившись с дыханием, спросила Джейн.

– Чуть-чуть. А вот кое-кто... – прошипел Микки, но, так как между ним и Джейн стоял кок, опустил угрозу.

* * *

Определённым утешением для Микки, получившего вместо двенадцати пенсов отшибленные пальцы, стало наблюдение за поведением Джонни. Всезнайка-Задохлик явно думал о нем. Иначе с чего бы он постоянно краснел и мотал головой, буквально не находил себе места.

Микки был бы очень раздосадован, узнав, что он здесь ни при чем. Джейн думала только о мистере Вандерби.

Прежде, особенно после угрозы кока, она ожидала каждого выхода в салон со страхом и иной раз думала, что скорее зарезала бы курицу. Теперь же с нетерпением ждала, когда же настанет время опять стать стюардом. Только так можно будет увидеть «американского журналиста» и попытаться окончательно понять, права она или нет.

Слуга, ходящий с подносом, удивления не вызывает, больше того, напоминает бродячую мебель. Именно поэтому Джейн смогла проследить за тем, как мистер Вандерби брал интервью у моряков и солдат. Джейн старалась занять такую позицию, чтобы замереть с подносом как можно естественнее и при этом услышать как можно больше.

– Ну и шуточки у вас, мистер журналист, – услышала она ответ одного из спрошенных.

– Какая работа, такие и шуточки, – ответил мистер Вандерби. – Если нет, так и говори «нет», я пойму.

Джейн вздохнула. Она не поняла, о чем шла речь. Зато сомнений теперь не оставалось. Если в салоне Счастливчик Джон напрягался, то в разговоре с моряком его тон был таким же, как и в Освалдби-Холле.

Вечер уже перешёл в ночь, пора было возвращаться на камбуз, но Джейн попыталась услышать ещё одно интервью. Для этого пришлось идти за Счастливчиком Джоном, сняв баш-

маки (какое счастье, что поднос был пуст; как она весь вечер боялась встретить Микки, идя с полным грузом посуды!).

На этот раз Счастличик Джон предпочёл отойти для разговора на корму и взять интервью в таком подходящем месте, как вёсельный катер. Место оказалось подходящим именно для Джейн, так как притаилась она за шлюпкой и услышала если не весь разговор, то его продолжение и завершение.

– Помнишь, Билли, за шиллинг ты отвечаешь на все вопросы.

– Помню, сэр, – в голосе собеседника мистера Вандерби была искренняя обида. – Я, если подрядился и денежку взял, сделаю, что надо. Спрашивайте хоть про мамкиных хахалей.

– Ну, они-то мне неинтересны. Билли, я вижу, ты парень лёгкий на ногу и вообще, по Англии пошталался. Скажи-ка, а ведь это правда, что в войсках Её Величества много такого народа, что при виде констебля на другую сторону улицы переходят.

– Конечно, хватает, – поддакнул Билли ещё более благодушным тоном. – У нас любой мошенник, если на родной земле его припечёт, или к вам в Америку плывёт, или идёт служить Королеве.

– Второй вариант, конечно, достойнее, – равнодушно проговорил Счастличик Джон и добавил, чуть быстрее и резче: – А ты, парень, не из этих ли непосед?

– А вот это, сэр, вопрос не на шиллинг. И не на гинею, – тон Билли перестал быть благодушным, теперь он не сыпал словами, а отмерял их скупой и точно. – Я слова назад не беру, подрядился отвечать, значит, отвечу. Только, сэр, стоит ли спрашивать? Другой расчёт у нас с вами может выйти.

– Я не из Скотленд-ярда, парень, – наивный и весёлый тон Счастличика Джона тоже изменился, став серьёзным и чуть-чуть презрительным. – Если ты не шкет, то должен знать: Скотленд-ярд так не подкатывает. До твоих прошлых грехов мне дела нет, но о будущих поговорить стоит. Свой интерес у меня есть.

Установилась тишина, достаточная, чтобы Джейн вдоволь наслушалась плеска волн за бортом, да ещё осознала, насколько ей холодно.

– Хорошо, сэр, – ответил Билли, медленно съезжая к прежней весёлой скороговорке. – Если о прошлых грехах речи не будет, то спрашивайте, а я отвечу.

– Хорошо. Билли, ты ведь теперь солдат. Прикажут тебе убить – убьёшь.

– Конечно, сэр. Так ведь это и в вашей армии так же. Пришёл вольным, стал солдатом. Приказали стрелять – стреляешь.

– Значит, ты стал убийцей?

– Точно, сэр, убийцей. Бах-бах, бах. Ещё вопросы?

– А если тебе предложат грохнуть кого-нибудь не на поле боя? Понятно, не за солдатское жалованье.

– Ну и шуточки у вас, мистер американец. Слушайте мою шуточку: такое убийство – дело не простое. И очень дорогое. Тут не год солдатского жалованья, не два, а побольше. И то смотря кого. Ведь есть люди, что как русская крепость Кронштадт, о которой все судачат: вроде взять нужно, а попробуй возьми.

– А если деньги большие?

– Если большие, то тогда дело другое. Тогда и котелок быстрее варит, тогда к делу пути видны. Так что, сэр, если вы хотите своими шуточками на серьёзное дело выйти, то вот слушайте. На пенни вам никто виски не продаст, чтоб до повалки насидеться, а если деньги хорошие, то вам и в Мекке виски найдут. Есть деньги – товар всегда найдётся. И услуга.

– Хорошо, – усмехнулся Счастличик Джон. – А вдруг мне захочется взять интервью у того, кто может найти виски в Мекке?

– За шиллинг я только шутить могу, – опять серьёзно сказал Билли. – Вот когда деньги названы, да ещё и человек известен, тогда и стоит говорить. А так, сэр, мне больше сказать нечего.

– Если понадобится разговор больше чем на шиллинг, тогда опять встретимся.

– Замётано мистер. Я, конечно, парень на службе Королевы, от грехов чистый, только если вам понадобится человек для большого греха, вы на этом корабле мимо меня не пройдёте. Это я серьёзно, будьте уверены.

Счастливчик Джон и его собеседник попрощались. Джейн сжалась, когда они проходили мимо. И лишь когда шаги затихли, позволила себе поклацать зубами от холода.

* * *

«Как мне повезло, что попала на камбуз, – думала Джейн, возвращаясь в немилую комнату немилого плавучего дома, – была бы простым юнгой, намёрзлась бы и не согреться».

Джейн трясло, и не только от ночного холода. Она понимала, почему Счастливчик Джон сразу же по прибытии на борт «Саут Пасифика» начал искать исполнителя для удовлетворения чувств дяди Генри. Если уже в ближайший месяц эскадра развернётся и направится в Англию, исполнить задуманное не удастся. Теперь главным было не только добраться до папы, но сделать это раньше Счастливчика Джона.

С такими размышлениями она дошла до камбуза, где встретила Микки.

– Задохлик, мы посчитаемся, не сомневайся, – сказал он, сладко зевнув. – Тебе не жить, не надейся.

Джейн, совсем выкинувшая Микки из головы и думавшая лишь про разговор Счастливчика Джона с наёмным убийцей (а как иначе назвать Билли?), несколько секунд глядела на Вонючку. Потом, неожиданно для себя самой, расхохоталась. Она представила, как вытаскивает свёрнутые фунты и передаёт банкноты Билли с просьбой выкинуть за борт Микки. Услуга-то простая.

Она воображала изумление Микки, его недоуменные вопли и деловые шуточки Билли. Поэтому продолжала смеяться, пока не прикрикнул уже дремлющий кок.

Даже в полутьме было видно, как побагровел Микки. Он проще перенёс бы любую трёпку, чем насмешку задохлика и слабака.

– Ты даже не представляешь, как ты заплатишься, – без всякой лени и наигранности сказал он и отправился спать. Джейн сделала то же самое.

* * *

«Томми, мы давно не беседовали. Итак, истёк восьмой день на борту, что же он принёс? Давным-давно обещанная порка не состоялась, зато лёгкое непонимание с Микки перешло в вендетту.

Томми, ты прав, это глупости. Главное событие сегодня... Знаешь, Томми, я даже рада встрече со Счастливчиком Джоном. Его послали сюда присмотреть за папой, ну, теперь он тоже под присмотром. И я окончательно поняла, что не зря отправилась в путь. Папе и правда угрожает опасность. Лал, твой констебль не прав, это не капризы наказанного ребёнка.

Томми, хочешь, я тебя посмешу? На днях кто-то из офицеров просил судового врача дать ему снадобье для сна и получил лауданум³². Знаешь, а я немножко завидую людям, не

³² Спиртовая настойка опиума. Как ни дико это звучит для нашего времени, в середине девятнадцатого века лауданум применялся очень широко не только как снотворное, но и от расстройства желудка, и давался даже детям.

способным уснуть без капель. Но я и сегодня нормально усну: когда ты знаешь, что сейчас уже за полночь, а встать придётся в четыре утра, сон сильнее любого Счастливого Джона.

Томми, извини и не ревнуй, пожалуйста. Добрый вечер, Мистер Морган. Хочешь, чтобы я промурлыкала тебе ещё одну сказку? Постараюсь, если не засну. Если не за...»

Глава 5, в которой звучит первый выстрел, «Саут Пасифик» берёт первого пленного, Джейн отдаёт шиллинг, а ночью происходит событие, страшнее абордажа

Для команды и пассажиров «Саут Пасифика» следующий день был наполнен ожиданиями – хотелось поскорее прибыть к эскадре и узнать, когда же закончится Балтийская кампания. Джейн это тоже интересовало, но, кроме того, у неё было несколько собственных ожиданий.

Она ждала от Счастливики Джона продолжения поисков людей, способных делать полезные вещи за большие деньги. Она ждала – и готовилась отразить – мечь Микки. Наконец, каждая прогулка с подносом, полным посуды, приводила к ожиданию того, что дело кончится звоном и неизбежной расправой, с возможным разоблачением. Микки, к счастью, больше не подстерегал её в коридорах. Видимо, боялся. Все равно Джейн на всякий случай носила в кармане шиллинг. Если совсем припрёт, тогда отдать. Позорно. Но позор, грозивший за разбитую чашку, был ещё большим.

Все это так издёргало Джейн, что она, ложась спать, задумалась: не стоит ли открыться? Подумала – и отвергла идею. Надо узнать, на каком корабле сейчас папа, и требовать доставки к нему. Иначе её порыв могут не понять и отправить в Англию на первом же возвращающемся

пароходе. Значит, папа, не предупреждённый об опасности, останется по соседству со Счастливым Джоном и шутником Билли.

Она вскрикнула в полусне и чуть не вцепилась в шерсть Мистера Моргана.

– Не спишь? Правильно, – почти сочувственно заметил Микки. – Ты засни крепче, вот тогда узнаешь, что будет.

* * *

Джейн проснулась, так и не узнав, на какие ночные каверзы способен Микки. Настроение было мрачным, и она решила, что каверза непременно последует днём. Однако следовало вставать и выполнять свои треклятые обязанности.

Мистер Вандерби, как заметила Джейн, в салоне, среди джентльменов, оставлял свои грубоватые привычки и вежливо поддерживал разговор на любую тему, стараясь не углубляться. На этот раз говорили об Индии. Хотя Счастливец Джон сказал, что в Индии не бывал, и поэтому забрасывал собеседников вопросами, Джейн заметила, что при этом он чуть-чуть напрягался, как любой лгун.

Была середина ленча, когда в салон вошёл матрос.

– Сэр, – обратился он к капитану Макноутону, – в море обнаружена шлюпка. Курс зюйд-вест.

– Уходит от нас? – спросил капитан.

– Сразу не скажешь, сэр. Как помотришь, так непонятно, то ли дрейфует, то ли там грести пытаются.

– Сменить курс, сблизиться и осмотреть, – распорядился капитан.

Ленч продолжался, но тема разговора немедленно сменилась.

– Джентльмены, задумывались ли вы о том, – спросил майор Колверн, – что на войне относительно редко происходят кораблекрушения и любые катастрофы как следствие буйства стихий? Война – катастрофа сама по себе, и, когда бушует бог войны Марс, Нептуну лень размахивать своим трезубцем. Готов держать пари: шлюпка, дрейфующая в открытом море, связана с войной.

– Тот случай, когда пари является излишним, – заметил капитан Макноутон, – мирного судоходства в этой части Балтики не осталось. Остаётся выяснить, кто, зачем и куда плывёт в шлюпке.

– Спасшиеся моряки русского корабля.

– Нашего или французского.

– Только французского, наши не потеряли бы корабль в такую погоду.

– Джентльмены, не забудьте о курсе, – заметил капитан Трэмэйн. – Велики шансы, что это наш шпион, решивший перебраться из Финляндии в Швецию и передать сведения местному агенту нашей разведки.

– Было бы ещё любопытнее, если бы он оказался русским шпионом, – заметил майор. – Впрочем, мы сменили курс и через пять минут узнаем, кто был прав.

Джентльмены вышли из салона: загадка, допускавшая столько ответов, заинтересовала всех.

Джейн не знала, входит ли в обязанности стюарда оставаться в салоне после того, как офицеры прервали ленч. Поэтому она сделала то, что хотела: пошла за всеми остальными.

Новость о загадочной шлюпке в открытом море облетела корабль, так что на правом борту собралась небольшая толпа. Перед капитаном и офицерами все расступились; это позволило и Джейн найти место у фальшборта и на несколько минут ощутить себя пассажиркой, вышедшей на прогулочную палубу. Сделать это было особенно легко, так как все смотрели не на Джейн, а на таинственную шлюпку.

Почти сразу стало понятно, почему вестовой затруднился определить, гребёт шлюпка или дрейфует. Поначалу всем показалось, что лодка просто качается на волнах. Но едва корабль сменил курс, как отчётливо стало видно: человек в шлюпке (похоже, бывший там один) взялся за весла. Несколькими гребками, не очень сильными и умелыми, он все же развернул её и поплыл, а правильнее сказать – попытался поплыть, в сторону от корабля.

Впрочем, будь он даже лучшим гребцом планеты, встреча была неизбежной. «Саут Пасифик» чуть подправил курс и приближался к шлюпке. Теперь уже никто не сомневался, что пассажир в ней один.

– А я, господа, знаю, как его зовут, – заметил боцман Три Пинты, присоединившийся к зрителям.

– Как? – раздалось несколько вопросов.

– Парень, Рождённый в Рубашке, вот как. Ветер свежеет, волна поднимается. Если бы он с нами разминулся, то через час-другой перевернуло бы шлюпку, вот и песенке конец!

Ещё пара минут, и Джейн поняла, что в лодке сидит паренёк, её возраста или чуть постарше.

Понимая, что встреча с кораблём неизбежна, мальчик бросил весла, выхватил пистолет и взвёл курок. Оружие чуть-чуть дрожало в его правой руке.

Толпа у фальшборта вздрогнула. Джейн, на которую ещё никогда в жизни не наводили пистолет, захотелось присесть. Однако она взглянула на капитана корабля, сухопутных офицеров и, видя, что те не шелохнулись, осталась на месте.

Тем более мальчик в шлюпке ни в кого не целился, а просто показывал «Саут Пасифику», что вооружён. Чтобы его мысль стала понятной, он встал в шлюпке, поднял пистолет, несколько раз махнул левой рукой, как отгоняют мух, предлагая кораблю идти и дальше своим курсом.

В эту секунду крутая волна, предсказанная боцманом, подбросила лодку. Мальчик замал руками, еле удержался на ногах, но не удержал указательный палец. Хлопнул выстрел, и пуля улетела в пасмурное балтийское небо.

От толчка мальчик упал на дно шлюпки. Пистолет вылетел из его руки и оказался в волнах.

– Сэр, – обратился майор Колверн к капитану корабля, – прошу запомнить: он выстрелил в нас из пистолета.

– Нам следует ответить ему орудиями правого борта?

– Думаю, пока преждевременно. Но это был первый бой в истории вашего корабля.

– Что же, если это так, то нам следует объявить себя победителями и позаботиться о пленном. Наглец заслуживает быть оставленным в своей скорлупке, но, как верно заметил боцман, пару часов спустя его плавание закончится, и мы не узнаем, какие черты заставили его барахтаться посередине Балтийского моря.

– А значит, нам следует совместить гуманизм с любопытством и поднять его на борт, – усмехнулся капитан Тремэйн. – Я готов возглавить призовую команду.

– Не бойтесь удара ножа?

– Если парень владеет ножом так же, как вёслами и пистолетом, бояться нечего, – заметил капитан Тремэйн. – Впрочем, здравый смысл уже взял своё.

Здравый смысл заключался в том, что парень сидел на банке, обхватив голову руками (как почему-то показалось Джейн, делая это осторожно).

Он лишь чуть вздрогнул, когда к его шлюпке причалила шлюпка с борта «Саут Пасифика». Двое матросов взяли его за локти и перетащили в свою лодку. Был спущен трап, и Парень в Рубашке поднялся на борт корабля.

Когда пленник оказался на палубе, Джейн поняла, почему он так бережно относится к своим ладоням. Они были стёрты до кровавых волдырей, некоторые из которых уже лопнули.

– Парень-то, небось, первый раз за весла взялся, – тихо заметил боцман. Джейн, стёршая руки в первые дни на камбузе, так пожалела беднягу, что сама ощутила боль в ладонях. Последний раз она помнила за собой такое ощущение давным-давно, когда Лайонел разбил коленку о камень. «Радуйся, больше тебе грести не придётся», – захотелось ей сказать незнакомцу. И добавить: «Ты-то меня поймёшь, ты тоже знаешь, что такое впервые в жизни делать руками непривычную работу».

– Вы кто? – спросил капитан.

– Я подданный Российской империи Александр Белецкий, – ответил паренёк на вполне сносном английском, даже не делая паузы для подбора слов: скорее всего, эта фраза была отрепетирована заранее.

– Куда вы направлялись и с какой целью?

– В форт Бомарзунд, чтобы присоединиться к гарнизону.

– Но Бомарзунд давно капитулировал³³, – удивлённо заметил капитан. – Вы знали об этом?

Александр ответил не сразу. Он вздохнул и подавил стон. «Я бы тоже огорчилась, узнав, что неприятель взял английскую крепость», – подумала Джейн.

– Я отплыл из Або, когда там об этом ещё не было известно, – наконец сказал мальчик.

– Вы офицер или солдат? – спросил капитан.

– Я учащийся пансиона, – краснея, ответил Александр, – и намеревался присоединиться к защитникам крепости как волонтер.

– Быть может, это единственный патриот в России, добровольно отправившийся на войну, но моё пари все равно проиграно, – с добродушной усмешкой произнёс майор. Офицеры засмеялись, а пленник с удивлением посмотрел на них.

– Сколько же времени вы провели в лодке?

Мальчик задержался с ответом. Теперь явственнее чувствовалось, что он подбирает нужные английские слова.

– Два дня я плыл на *chuhonskou* шхуне, – наконец сказал он. – Финны не захотели приблизиться к форту, они боялись ваших кораблей. Я купил у них лодку и поплыл дальше. Я плыл три дня.

– Они оставили вам провизию и воду?

– Провизии на шхуне было мало, а воду я допил вчера.

Капитан Макноутон только сейчас заметил Джейн.

– Джонни, кто позволил тебе корчить ротозея-пассажира? Воды!

Джейн помчалась на камбуз. На бегу она слегка ругала себя, признав правоту капитана. В конце концов, кто, как не она, должен был позаботиться об Александре?

На камбузе она налила воду в большую пивную кружку, отрезала ломоть хлеба и устремилась на палубу. «Может, стоило бы посолить? – думала она. – Тогда бы вышло, что его, как на картине из кабинета, встретили хлебом с солью по обычаю его страны. Впрочем, человек, три дня проболтавшийся в лодке среди моря, вряд ли мечтает о соли в первую очередь».

Когда она вернулась, разговор продолжался.

– Вы примерно представляете, в каком направлении плыли? – спросил капитан.

– Я плыл в сторону Аландских островов, – ответил Александр.

– Вы ошиблись. Вы уверенно держали курс на остров Готланд, вблизи берегов Дании, без малейших шансов туда догрести.

– Спасибо за то, что вы меня спасли, – сказал несостоявшийся волонтер русской армии, ещё раз покраснев.

³³ Решительная фаза осады Бомарзунда длилась с 4 по 16 августа 1854 года и закончилась взятием форта. Видимо, Саша настолько осторожно пробирался к театру военных действий, что не знал об этом событии.

Джейн протянула ему кружку. На одну секунду их глаза встретились, и Джейн окончательно поняла то, что ощущает Александр: горечь от того, что оказался не в русской крепости, а на борту вражеского корабля, радость от того, что враги спасли ему жизнь, и смущение, потому что позволяет себе радоваться. Джейн вспомнила, как Лайонел в три года упал в канаву и целый час пытался выбраться сам, не зовя на помощь, а расплакался, лишь когда его вытащили. Поэтому Джейн, неожиданно для себя, тихо сказала ему одно из немногих русских слов, которое запомнила от папы: «*slava Bogu*».

Мальчик удивлённо взглянул на неё, и Джейн улыбнулась. Он улыбнулся в ответ, поблагодарил, взял кружку. Сделал большой глоток, но потом начал пить медленно, будто не хотел. Под конец поднял кружку и вылил в рот последние капли. «Мало принесла», – подумала Джейн.

– Кружка воды и кусок хлеба – типичный тюремный обед из романтической пьесы, – с усмешкой тихо заметил капитан Тремэйн (Джейн смутилась, пожалев, что не принесла из камбуза что-то посущественнее). – Кстати, каков статус спасённого волонтёра Александра?

– В вашем вопросе уже заключён ответ, – сказал майор, – мастер Александр Белетски сам назвал себя волонтёром, направляющимся в действующую армию. Это, а также попытка применить против нас оружие, по моему мнению, делает его комбатантом³⁴. Поэтому нам следует поздравить капитана не только с первым успешно выигранным морским сражением, но и с первым пленным, а финскую лодку объявить первым морским призом.

Все взглянули на капитана, которому полагалось принять решение.

– Не вижу оснований сомневаться в правоте майора Колверна, – ответил капитан. – Однако я считаю, что нам следует вернуться к прерванному ленчу и пригласить к столу мастера Белетски³⁵. Полагаю, мы все заинтересованы в беседе с ним, а мастер Белетски – непосредственно в ленче.

Пленник (Джейн окончательно поняла, что именно пленник) подтверждал это, отщипывая хлеб маленькими кусочками и кладя эти кусочки в рот.

– Простите, сэр, – обратился боцман Три Пинты к капитану, – можно я русскому пленному вопрос задам?

– Валяйте, – ответил капитан.

– Скажите, мастер... как вас... вы до этого-то сами часто гребли?

– Первый раз в жизни, – ответил Александр.

– Оно и видно, – кивнул боцман, глядя на пленника с необычной смесью презрения и уважения. – Далек выгребли, однако.

– Юнга! – капитан опять заметил Джейн.

«Сейчас спросит, что я делаю на палубе», – подумала она, и не ошиблась.

– Хватит здесь торчать! На камбуз, за обедом для волонтёра Сэнди! – И добавил чуть тише, чтобы тот не услышал: – Положи две порции. Других пленных пока не предвидится.

Джейн умчалась.

* * *

«Быть стюардом не так и плохо, – в очередной раз подумала Джейн, – услышишь и узнаешь все, о чем в салоне говорят». Правда, чужие разговоры напоминали чужую книжку: только начал читать, а её закрыли и отобрали.

³⁴ То есть участником боевых действий.

³⁵ Мастер – обычное обращение к ребёнку или подростку из благородной семьи в Англии XIX века. Тем самым капитан подчеркнул, что считает Александра юным джентльменом.

Разговаривали, конечно, с пленным Александром, или, как начала называть его Джейн, Сэнди. Сэнди ел медленно, аккуратно (а ведь ладони были перевязаны), но непрерывно, умудряясь отвечать на вопросы.

– Вы не будете против, если мы отдадим вас на растерзание профессиональному любопытству мистера Вандерби? – спросил пленника майор Колверн («Знали бы, что это за профессионал!» – зло подумала Джейн).

Сэнди не возражал, и мистер Вандерби, или Счастливец Джон, засыпал его вопросами, которых следовало ждать от журналиста, особенно от американского. Джейн пришлось признать: любопытство мошенника было искренним и настырным, как будто он и вправду корреспондент.

Александр пришлось отвечать на все возможные вопросы, которые никогда бы не пришло в голову задать всему Камбузному Клубу. Американец спрашивал про царя и наследника престола, про русские женские нравы, про крестьян и дворянство, про русскую церковь и русские свадебные обычаи. При этом большинство вопросов задавались по принципу «а это правда?». Правда ли, что русские дворяне могут жениться только с согласия царя? Правда ли, что в Петербурге до сих пор стоит ледяной дворец, построенный одной из цариц? Правда ли, что в русских домах мебель появилась лишь после того, как русские войска победили Наполеона и привезли мебель из Парижа? На такие вопросы хочешь не хочешь, но ответишь.

Даже офицеры, не особенно осведомлённые о российской жизни, иногда посмеивались, а майор однажды заметил:

– Мастер Белетски, не удивляйтесь. Эти американцы уверены, что в Испании по-прежнему проходят аутодафе, а греки верят в Зевса и Афродиту. Однажды мне попался любопытный тип, удивляющийся, почему Вашингтон не имеет посольства в Шотландском королевстве, он не знал, что эта институция³⁶ не существует уже полтора века.

Словно опровергая мнение о глубинном американском незнании, мистер Вандерби задал Сэнди несколько серьёзных вопросов, касающихся торговли, в частности хлебного вывоза («динамика цен», как смогла определить Джейн). Иногда Александр даже не мог ответить.

Сами офицеры задавали вопросы редко. На один из них, содержащий мягкий и деликатный интерес к укреплениям Або, Сэнди ответил:

– Моя встреча с вами является ответом на ваш вопрос. Первоначально я прибыл в Або, но увидев, как укреплен город, я усомнился, что союзная эскадра решится атаковать этот форт, и направился туда, где атака была возможна.

Молчание было прервано аплодисментами майора Колверна. Остальные офицеры тоже несколько раз ударили в ладони.

– Не думаю, мастер Белетски, – сказал майор, – что в вашем положении кто-нибудь дал бы лучший ответ.

Сэнди первый раз улыбнулся. Но на все остальные вопросы, тоже касавшиеся кораблей и укреплений, ответил примерно так же.

Когда изрядно затянувшийся ленч завершился, все опять замолчали. Наконец, капитан Макноутон обратился к Александру.

– Мастер... нет, мистер Александр Белетски, я вынужден задать вам два вопроса, напрямую относящиеся к вашему дальнейшему статусу. Готовы ли вы дать обещание, подкреплённое письменно, не поднимать оружие против Вооружённых Сил Её Величества («Против союзников», – подсказал майор) на протяжении этой войны и готовы ли вы пообещать не предпринимать попыток к бегству?

Сэнди несколько секунд подбирал слова, потом ответил:

³⁶ Дословно «учреждение». Англия и Шотландия объединились в единое Соединённое Королевство по Союзному договору 1708 года.

– Простите, ни первого, ни второго обещания я дать вам не могу.

– Хорошо. Последний вопрос. Чтобы избавить вас от процедуры личного обыска, готовы ли вы дать слово, что у вас лично и в вашем багаже нет оружия или инструментов, способных послужить для подготовки побега?

– Да, – ответил Александр, – даю слово: у меня нет оружия и названных вами инструментов.

– Хорошо. Вы будете находиться в отдельном помещении. В случае, если у вас возникнет потребность в чем-нибудь, вы можете попросить часового, чтобы при смене караула он извещил меня или помощника.

– Я благодарен вам за вашу заботу, – ответил Сэнди.

«Вот так из свободных людей становятся пленными», – подумала Джейн, уже собравшая со стола все грязные тарелки.

* * *

Джейн немного злилась на себя. Ей надлежало следить за Счастливымчиком Джоном, ждать козней от Микки и беречь посуду, даже если Микки рядом не было. А у неё из головы не выходил Александр. Может, потому, что он чем-то напоминал Лайонела? Только был чуть старше.

Себя Джейн утешала тем, что лжежурналист вроде бы новых убийц не нанимал, а посуду она научилась носить без всякой опаски. Что же касается Микки, то за день он ничего не сделал, только назвал курицу «Джонни», перед тем как отрубить ей голову.

Русский пленник стал главной темой вечернего заседания Камбузного Клуба. Кто-то видел его на палубе, кто-то не видел вообще, но подробностей, доступных Джейн, не знал никто.

– Парень чего-то темнит, – сказал кто-то из моряков, когда Джейн закончила короткий рассказ. – Верно, недаром учится в пансионе, где англичанин директор и все по-английски говорят. Специально по нашему языку натаскался, чтобы шпионить!

– Почему тогда сам сказал, никто за язык не тянул, – возразил кок. – Ничего странного, просто сбег из школы, вот и все. Даже у нас из школ сбегают, вот возьмём Джонни нашего, – и хитро подмигнул юнге. – Ты не бойся парень, у нас не то что из школы, у нас такие ребята найдутся, что в Ботани-бей собрались, да причал перепутали.

«Это точно», – подумала Джейн, вспомнив шутника Билли.

– Ну а из русской школы умотать – дело самое понятное, – продолжил кок. – Слышал я, у них в России секут всех, кроме царя.

– Тогда, значит, ему привычно, – возразил боцман, – с чего бежать? Джонни, он тебе не рассказывал?

Джейн на вопросы про Сэнди и ответить-то было особенно нечего. Лишь когда спросили, кто такой мистер Белетски: свободный человек или раб, она утвердительно ответила: свободный. Сама сообразила, что рабу вряд ли дадут оружие.

Разговор опять перекинулся на Россию. Джейн пересказывала собравшимся ответы на вопросы, заданные пленнику мистером Вандерби.

– Да, – подытожил кок, – забавная страна. Такое место, куда меньше всего охота, хотя и надо туда плыть.

Джейн пришлось оторваться от разговоров и ещё раз обслужить салон. Заодно её попросили отнести Александру ужин. Как она поняла, с того момента, как Сэнди взяли под стражу, в общество джентльменов его уже не приглашали.

Тюремные условия Джейн одобрила: рундук, на котором можно спать, стул и лампа, а главное, нет соседей. Она сама бы обрадовалась, если бы жила заключённой на борту «Пасифика» в таких же условиях.

Сэнди читал при свете лампы какую-то книгу из своего саквояжа. В полутьме он выглядел обычным мальчишкой. Трудно было поверить, будто этот мальчишка смог добраться из Санкт-Петербурга на западный берег Финляндии, арендовать шхуну, купить лодку, потеряться на ней в море, да ещё угрожать пистолетом своим спасителям.

«На себя посмотри, – подумала Джейн. – Сама добралась из Йоркшира до западного берега Финляндии, и никто, кроме кота, не признал в тебе девчонку».

Ей захотелось узнать у Сэнди: может, их судьбы совсем похожи?

– Извините за вопрос, скажите, вы отправились в крепость Бомарзунд, потому что в гарнизоне находится ваш отец? – спросила Джейн.

Александр удивлённо взглянул на стюарда.

– Нет, – ответил он. – Мой отец погиб в войне на Кавказе.

Отвечал он по-английски, медленно и устало. Ведь сейчас ему не нужно было изображать взрослого волонтёра русской армии. Пусть и несостоявшегося волонтёра.

«Может, у него хотя бы есть мать?» – подумала Джейн, но не спросила, ожидая опять услышать грустный ответ. Вместо этого она тихо сказала:

– Война закончится, и вы непременно вернётесь в Россию.

Александр опять удивлённо взглянул на Джейн и улыбнулся ей. Потом, к её удивлению, пошарил в своём кармане.

– Извини меня, добрый английский мальчик, но у меня нет для тебя британских денег, а дать тебе русскую монету означало бы тебя обмануть. Наши прибрежные города хорошо укреплены, ваша эскадра не захватит ни один из них. Поэтому на нашем берегу тебе не бывать, а в Англии русский гривенник не нужен.

Сэнди опять говорил долго, подбирая английские слова, а иногда даже вставляя французские. Джейн поняла его не сразу, а когда поняла, то покраснела чуть ли не до слез.

На борту «Саут Пасифика» на неё кричали, угощали оплеухами, грозились поркой. Но деньги за улыбку и доброе слово ещё не предлагали.

– Добрый русский мальчик, – неожиданно для себя сказала она, стараясь говорить медленнее, чтобы Сэнди было проще понять чужой язык, – мне не нужны русские деньги, а тебе скоро понадобятся английские. Возьми, пожалуйста, в честь нашего знакомства.

С этими словами Джейн выхватила из кармана шиллинг, припасённый в кармане, положила рядом с лампой и быстро вышла.

«Пусть хоть ненадолго отвлечётся от своих грустных мыслей, – думала она, – ничто так не отвлекает, как непонятное происшествие. А ещё, наверное, у него дома слуги – рабы, и он не привык, что они могут улыбнуться или обидеться».

* * *

«Пока что на борту «Пасифика» я смогла подружиться лишь с тобой, Мистер Морган, – думала Джейн, засыпая и глядя кота. – Слушай, приятель, как думаешь, стоит мне вести дневник или нет? Я с собой нарочно захватила тетрадь и карандаш, но пока что не написала ни одной строчки. Нет, я не ленюсь, честное слово. Хочу писать честно, как было на самом деле. А вдруг какой-нибудь Микки стибрит и будет всем показывать? Нет уж. Ладно, на сегодня приключения вроде закончены. Пора спать. Мур-мур».

* * *

– АААААААААААААААААА!!!!!!!

«Мне приснилось, что я попала в ад», – подумала Джейн. Секунду спустя она поняла, что ничего ей не приснилось и какие-то невидимые, но слышимые адские события происходят на самом деле.

Именно с ней не происходило ничего, она по-прежнему лежала в своём гамаке. Зато во всем остальном камбузе творилось что-то несусветное. Что-то падало, гремело, шипело, и все перекрывал нечленораздельный вопль ужаса.

«Пожар? Не виден огонь, не пахнет дымом. Пробоина? Не плещет вода. Русский ночной абордаж? Начали бы с верхней палубы».

Джейн перебрала в голове все возможные причины переполоха и не пришла к окончательному выводу. Встать она не спешила: пусть разбираются коллеги по камбузу.

– АААААААА!!! На помощь! Уберите его!

– Тысяча русалок и один морской дьявол! – гаркнул кок, зажёгший лампу. – Что здесь происходит?

Хоть свет лампы был тусклый, Джейн сразу ответила на этот вопрос, да ещё и поняла причину инцидента. Проснувшись, она ощутила, что Мистер Морган не мурлычет на её груди. Зато он шипел и фыркал, сидя на поверженном Микки, и ожесточённо рвал его когтями. Вонючка закрывал лицо окровавленными руками и орал недорезанным поросёнком.

Со сноровкой, неожиданной для его лет и комплекции, кок схватил черпак, наполнил водой и выплеснул на кота и его жертву. Мистер Морган обиженно чихнул, зато Микки смог встать и законопатить себя в угол.

Кот спокойно умывался посреди камбуза. Микки дрожал в углу, готовый в любую минуту опять закрыть глаза руками. Джейн покачивалась в гамаке и тоже прикрывала руками лицо – нехорошо смеяться над чужой бедой, но сдержаться она не могла.

– Что здесь произошло? – кок видоизменил прежний вопрос.

– Мистер Эндрю, вы видите эту кружку, возле моего гамака? – спросила Джейн. – Пахнет укусом. Как я понял, Микки зачем-то решил подойти ко мне с кружкой уксуса («На лицо вылить хотел, подлец, зачем ещё!»). Он не знал, что ночью я под защитой Мистера Моргана.

Пользуясь секундным замешательством кока, Джейн соскочила с гамака, шагнула к Микки, по дороге погладив все ещё шипевшего кота.

– Изви... Извините, я не знал, – пробормотал Вонючка.

– Зато теперь ты будешь знать, – почти ласково сказала Джейн. – Знай: если ты хоть раз косо на меня посмотришь и вспомнишь о каких-то пенни, даже вспомнишь, не скажешь вслух, я прикажу ему оторвать тебе нос. Веришь?!

– Не надо, сэр!

Микки не просто перепугался. Он был готов поверить, что по первому сигналу Джонни Задохлика из морских глубин выскочат акулы и морские черти, чтобы покарать обидчика своего таинственного властелина.

– Это хорошо, Микки. Предупреждения закончились, – сказала Джейн и вернулась к своему гамаку.

Если предупреждения для Микки закончились, то неприятности ещё нет. Кок подошёл к нему, схватил за ухо, вытянул на середину камбуза, быстро осмотрел и, не найдя смертельных ран, дал несколько крепких оплеух.

– Чтобы убрал все, и быстро! Начал с уксуса! И будь уверен: с котом ты сегодня познакомился, а завтра познакомишься с кошкой!

– Пожалейте его, мистер Эндрю, – зевая, сказала Джейн. Как что-то буркнул насчёт непрошенных защитничков и отправился спать.

– Спасибо, сэр, – проныл Микки.

Джейн, только сейчас ощутившая, какой груз страха упал с души, уже спала. Как Мистер Морган, минут десять спустя, аккуратно вытянулся на её груди, она не заметила.

**Глава 6, в которой происходит обмен трофеями,
сервиз кают-компании опять несёт потери,
капитан Тремэйн проявляет задатки детектива,
мистер Вандерби оказывается гипнотизёром,
а Джейн превосходит отца в безумстве**

«Что-то этот день принесёт?» – подумала Джейн, просыпаясь. И скоро поняла, что день начался не так и плохо.

Ночное происшествие принесло немало пользы. Микки, памятуя об обещанной кошке, прибегнул к мелкому подхалимажу по адресу кока и Джейн. Он встал раньше всех и постарался сделать всю утреннюю камбузную работу. Несмотря на глубокие царапины на руках и щеках, Микки перебегал из угла в угол, от плиты к лохани, бегом выносил помойное ведро. Он очень боялся кошки.

Труды Микки позволили Джейн сделать то, чего ей не удавалось в предыдущие дни: бесцельно прогуляться по кораблю, выйти на верхнюю палубу, всмотреться в море. Картина стала заметно интереснее: море украсилось россыпью островов, тянувшихся к северу до линии горизонта.

Полюбовавшись ими, Джейн вернулась на камбуз, взяла ленч, предназначенный для Сэнди, и пошла навестить пленника. «Мастер Александр, вам повезло, что на корабле нет

должности тюремщика и обслуживать вас – долг стюарда», – думала она. Её руки были заняты подносом, так что часовому-матросу пришлось открыть ей дверь. «Пожалуй, главное отличие тюрьмы от отеля в том, что прислуга входит без стука», – решила Джейн.

Русский пленник занимался тем же, что и вчера вечером, – читал книгу. Шиллинг лежал возле лампы, там, где его оставила Джейн.

– Ваш завтрак, сэр, – сказала она.

– Спасибо. – «Интересно, благодарит ли он за услуги своих *holop*?» – подумала Джейн. – Я не знал, что экстравагантность присуща не только высшим классам английского общества, – сказал Сэнди, показывая на шиллинг.

– Вы непременно вернётесь в Россию, – повторила Джейн вчерашние слова. Забрала поднос и ушла.

* * *

Ленч джентльменов был прерван новостью, похожей на вчерашнюю, только большего масштаба.

– Впереди по левому борту два корабля, – доложил вахтенный офицер, войдя в салон, – идут встречным курсом.

Когда офицеры, привлечённые новостью, собрались у фальшборта, уже стали ясны некоторые подробности. Один из кораблей – паровой корвет – шёл под британским флагом и тащил на буксире судно поменьше – парусную шхуну. Флага на ней не было.

– Кому-то удалось захватить лучший приз, чем наш, – заметил капитан Тремэйн.

– Не уверен, что ценность этого приза намного выше нашего вчерашнего трофея, – заметил майор Колверн. – Это местная рыбацкая шхуна, и её груз выловлен в местных водах.

Корабли сблизилась, корвет поднял сигнал, предлагавший «Пасифику» остановиться, и сам лёг в дрейф, после чего спустил шлюпку. Минут через десять на борт «Пасифика» поднялись два офицера. Джейн расценила их появление как знак того, что надо принести два дополнительных столовых прибора.

Когда она появилась в салоне, беседа уже началась. К ней присоединился и мистер Вандерби. Накрыв стол, Джейн осталась у двери, время от времени отвлекаясь, чтобы положить на поднос грязную тарелку и вынести. Поэтому разговор, как и предыдущие, она слышала урывками.

– Джентльмены, – сказал полковник, – мы можем предложить вам виски и жаркое, а сами надеемся, что вы поделитесь новостями.

– Вам уже известно о взятии Бомарзунда? – спросил один из прибывших офицеров.

– Да, но мы не встречались с очевидцами.

– Тогда вам повезло. Я был одним из участников этого...

Офицер с корвета повертел в руках салфетку, пытаясь найти подходящее слово. Наконец, нашёл.

– Этого покамест самого крупного эпизода нашей Странной войны на Балтике.

Салон рассмеялся. Прибывшие с удивлением посмотрели на офицеров «Пасифика».

– Извините, джентльмены, – сказал майор, – просто мы только что получили очередное подтверждение того, что творческая мысль офицера Её Величества предсказуема и проявляется примерно одинаково во всех подразделениях. Мы сами пришли к выводу, что эту войну следует именовать Странной, и только что получили подтверждение от вас.

– Её также можно назвать Ленивой или Трусливой – русские боятся атаковать наши корабли, а мы – их крепости, но Странная – лучше всего, – заметил гость. – Впрочем, история с Бомарзундом стала исключением. Это единственный более или менее укреплённый русский островной форт на Балтике, не считая, естественно, Кронштадта. С островов русским

отступать было некуда, поэтому им пришлось защищаться. Сэр Чарльз делал все, чтобы избежать потерь, он нарочно дождался французской эскадры и французского корпуса. После этого сама осада напоминала затянутый и занудный технический процесс. Наши корабли опытным путём, то есть получив пару русских ядер в борт, находили место, откуда мы могли расстреливать укрепления, не опасаясь малокалиберных русских пушек. Сравнив укрепление с песчаной почвой острова, мы переходили на новую позицию и опять открывали огонь. Выгодой этой тактики стало то, что под Бомарзундом мы потеряли лишь троих убитых да одиннадцать раненых и контуженых матросов и солдат. Правда, французы, у которых со времён Наполеона остался страх перед русской зимой, заподозрив, что мы затаимся до декабря, ускорили осаду, высадились на берег, ударили в штыки и заняли часть укреплений. В конце концов русский гарнизон сдался, когда ему было уже не из чего стрелять, и, пожалуй, некому стрелять.

«Это не противоречит папиным словам о том, что такой противник не сдаётся, – подумала Джейн, следя за грязными тарелками. – Кстати, хорошо, что Сэнди так и не добрался до Бомарзунда, когда мы его осаждали».

– В остальном же, – продолжал офицер, – Странная война осталась Странной войной. Мы подходим к русским крепостям, посылаем несколько ядер, получаем несколько русских ядер в ответ и уплываем. Иногда мы посылаем на берег десантные партии, позволяя морской пехоте развлечься ружейной перестрелкой, пока не прибывают казаки и конная артиллерия. Кроме того, мы рыскаем по морю, захватывая русские суда, но никому из нас пока не удавалось захватить что-нибудь крупнее шхуны, что у нас на буксире.

– Ценный приз? – спросил капитан Тремэйн.

– Не больше, чем кролик, застреленный на Дартмурской пустоши. Это финская шхуна, нагруженная только что выловленной салакой. Кстати, мы будем очень вам признательны, если вы возьмёте этот приз себе. Учитывая водоизмещение нашего корабля, нас он немного замедлит, а вы, взяв его на буксир, почувствуете его не больше, чем перо, воткнутое в шляпу.

– Хорошо, – сказал капитан, – мы окажем вам эту любезность.

– Тогда заодно пришлём и его команду. Мы не стали оставлять на борту этой скорлупки призовую партию, а просто переправили на борт её экипаж, оставив одного малого, привязанным к штурвалу.

– Они сообщили вам какие-нибудь интересные сведения? – спросил капитан Тремэйн.

– Мы не смогли найти с ними общий язык. Два парня говорят по-фински и немного по-шведски; их отец также знает несколько немецких и русских слов. На эти четыре языка знатоков у нас не нашлось, поэтому заранее считайте их немыми.

– Нам не хватает сэра Фрэнсиса Летфорда, – заметил майор. – У этого джентльмена есть одно очень ценное свойство. В любом регионе, в который судьба забросила его больше чем на неделю, он учит хотя бы три десятка слов из туземного словаря. Если бы он сейчас был с нами, то мы, по крайней мере, имели бы представление о том, спорят наши финны о погоде на завтра или посылают нас ко всем финским чертям.

– Летфорд, Летфорд, в очередной раз слышу это имя, – заметил капитан Тремэйн. – Недавно его упомянул юнга-стюард, – капитан посмотрел на Джейн, напряжённо замершую у двери с наполненным подносом, – а давеча о нем спрашивал мистер Вандерби (Джейн еле удержала поднос). Я был бы не прочь познакомиться с этим джентльменом.

– Боюсь, вам придётся отложить знакомство, – заметил офицер с корвета. – Действительно, как мне сказали, подразделение этого джентльмена было направлено на Балтику, но в последний момент Адмиралтейство решило, что под Севастополем этот офицер принесёт больше пользы, и сейчас он в Крыму.

...У Джейн зазвенело в ушах, она ощутила свои руки не больше чем руки капитана Тремэйна или любого из джентльменов...

...Поэтому она почти не удивилась, и даже не испугалась, когда сквозь звон в ушах послышался совсем другой звон. А потом поняла, что поднос стал чрезвычайно лёгким и она уже держит его в одной руке, опущенным к полу. Стоит ли уточнять, что поднос стал пустым.

«Ведь это значит... А какая разница? Столько дней, столько стараний, столько увёрток, и все напрасно... Возвращаться в Англию юнгой Джонни и устраиваться на другой корабль? Я не выдержу...»

В глазах чуть-чуть посветлело, Джейн увидела мистера Вандерби и, что особенно важно, гримасу злобного разочарования на его лице. Счастливчик Джон понимал, что все смотрят на разбитую посуду, и мог не лицедействовать.

То, что планы врага рухнули тоже, придало Джейн силы.

«Ладно, обвыклась уже. Чего там, с Балтики в Портсмут, из Портсмута – в Крым. Выдержу».

И тут же поняла, что в самом ближайшем будущем предстоит выдерживать и выносить совсем другое.

– Это уж слишком! – рявкнул капитан Макноутон, подскакивая к Джейн. – Дрянной мальчишка, я отучу тебя раз и навсегда считать ворон, когда ты исполняешь свои обязанности.

– Простите, сэр, – пролепетала Джейн, так и не придумавшая, что полагается говорить в такой ситуации и не наступил ли момент для признания (но ощущавшая, что капитан сдерживается при джентльменах). – Простите, я был слишком...

Она не договорила, так как, во-первых, не знала, что сказать, а во-вторых, потому что подавила крик – капитан схватил её за ухо и дёрнул, не жалея руки.

– Ты немедленно уберёшь мусор, а потом узнаешь, что полагается сонным мальчишкам!

– Есть, сэр. Будьте добры, отпустите моё ухо, – сквозь слезы (не подумайте, не от грусти, а лишь от боли) сказала Джейн. Присела и начала подбирать осколки.

– Сэр, – донёсся до неё голос капитана Тремэйна, – можно я выскажу гипотезу, которая серьёзно скорректирует вашу последнюю фразу?

Джейн не поняла, что он имел в виду, да и не собиралась отвлекаться. В отличие от первой оплошки, осколков была гора. Собрать следовало все, причём руками.

Но тут её работа прекратилась. Подошедший капитан Тремэйн положил руку Джейн на плечо, заставил подняться и развернуться лицом ко всему салону.

– Джентльмены, перед тем, как объявить вывод, я бы хотел показать причину моих подозрений, чтобы мой рассказ был максимально наглядным. Не скрою, при первом знакомстве я лишь скользнул взглядом по нашему юнге-стюарду, подумав: «Симпатичен, как...», – капитан Тремэйн лукаво улыбнулся и промолчал. – Однако в дальнейшем два происшествия заставили меня откинуть это «как», хотя бы в порядке гипотезы, которой я сейчас с вами и поделюсь. Во-первых, герой моей гипотезы проявил пристрастие к посещению... умывальной комнаты для пассажиров первого класса.

– Такой наглости... – воскликнул капитан Макноутон.

– Простите, сэр, вы позволите продолжить? Спасибо, продолжаю. Так вот, подобно сэру Фрэнсису Летфорду, я люблю коллекционировать местные легенды. Одна из легенд «Саут Пасифика» – норв местного кота, который ни разу не позволил погладить себя мальчишке. Ни разу... до появления на корабле нашего героя. Это исключение настолько удивило всех, что дошло и до меня: я люблю прислушиваться к матросской болтовне.

«Эх, Мистер Морган, неужели ты меня выдашь?» – подумала Джейн.

– Эти два, весьма разных, события навели меня на одно подозрение, – продолжил капитан Тремэйн, – и я, пусть и не придя к окончательному выводу, весьма и весьма укрепился в своей уверенности. Вот мои доказательства. Голос нашего Джонни, который стал бы по праву украшением любого церковного хора, является всего лишь косвенной уликой. Кстати, я имел возможность перемолвиться с нашим юнгой парой слов и с удивлением обнаружил, что он может

ответить шуткой на шутку по-французски. Само по себе и это тоже ничего не доказывает. Но обратите внимание на его фигуру, и особенно на его руки. Нет, конечно, не на мозоли, – уточнил он, – такие быстрые и жестокие мозоли естественны для любого мальчика из хорошего семейства, впервые в жизни взявшегося за физическую работу. Однако присмотритесь к форме рук. Нет, джентльмены, это не мальчишеские руки. Любезная мисс, предлагаю вам представиться. И, кстати, уточните, почему очередные потери, нанесённые нашему буфету, опять оказались связаны с морской пехотой, точнее, с одним из её офицеров.

Так как Джейн молчала, капитан Тремэйн продолжил:

– Из всех возможных доказательств моей правоты наилучшим для вас было бы ваше собственное заявление. На борту нет женщины, которая помогла бы нам окончательно убедиться в моей правоте опытным путём, но все же вы, надеюсь, понимаете, что сказать правду в ваших интересах.

«Ещё бы не понимать... Что же, я выполнила обещание: открыться не раньше Балтийского моря».

– Я Джейн Летфорд, дочь сэра Фрэнсиса Летфорда, – сказала Джейн.

Молчание, длившееся несколько секунд, прервали аплодисменты. Джейн так и не поняла, кому хлопают: ей или догадливому офицеру.

– Благодарю вас, капитан Тремэйн, – сказал наконец капитан корабля. – Джентльмены, я думаю, даже необходимость до конца нашего путешествия обходиться уменьшенным сервисом – приемлемая плата за такое приключение. Сэр, вас рассмешила эта перспектива?

Вопрос относился к офицеру с корвета, начавшему смеяться одновременно с аплодисментами.

– Видите ли, сэр, я отношусь к немногим из присутствующих в этой компании, имеющим честь быть лично знакомым с сэром Фрэнсисом. Два года назад, в Макао, он сказал мне, что больше всего боится однажды встретить свою дочь в Гибралтаре или на Цейлоне, не выдержавшую разлуки с отцом и пустившуюся за ним в плавание. Причём подчеркнул: из дома сбежит именно дочь, а сын ограничится тем, что подберёт ей маршрут по карте.

Рассмеялись все. Кроме Джейн.

Напоминание о Лайонеле оказалось своевременным. Она помнила его слова: «Было бы идеально, если помещением, в котором тебе придётся дать показания, станет каюта корабля на пути в Балтийское море, а не полицейский участок в Йорке или Портсмуте».

Что же, условие брата она выполнила.

– Джентльмены, – сказала Джейн, стараясь говорить как можно серьёзнее и по-взрослому, подбирая слова, как русский пленник Сэнди. – Моё появление здесь объясняется не только любовью к путешествиям и тоской по отцу. Мне необходимо сделать официальное заявление. Я бы хотела...

Джейн осеклась. Конечно, больше всего она хотела бы все рассказать капитану Макноутону, в его каюте, с глазу на глаз (жаль, ему, а не язвительному, но проницательному капитану Тремэйну). Но она не знала, как сказать это, не обидев всех присутствующих джентльменов такой просьбой. Джейн ни разу в своей жизни не просила взрослых о столь серьёзных вещах, и вряд ли салон «Саут Пасифика» был подходящим местом для дебюта. Поэтому она замолчала.

– Юная леди, – ответил капитан, – если ваше заявление не относится к тайнам вашего сердца (тут он улыбнулся), то я не вижу причин, препятствующих вам сделать его здесь и сейчас.

– Но... речь идёт об опасности, угрожающей капитану Летфорду... – набралась храбрости и сказала Джейн.

Она хотела добавить: «От одного из лиц, присутствующих в этом салоне». Но в эту секунду мистер Вандерби бросил на неё взгляд. Ровно один. И она замолчала.

Джейн со страхом поняла, что способна не просто читать чужие мысли, а чувствовать их, как чужой голос. Когда тебя берут за плечи и говорят, глядя в глаза: «Если скажешь – придушу своими руками. Откручу голову, как цыплёнку! Ты что, веришь, что я до этого так ни разу не делал? Или, маленькая, глупая цыпка, попавшая во взрослую игру, ты думаешь, меня остановит то, что ты девочка? Ты ошибаешься...»

Джейн смогла оттолкнуть лапу чёрного ужаса, на миг охватившую её, преодолеть спазм в горле, глубоко вдохнуть.

Она смогла бы, наверное, и заговорить, но тут молчание нарушил капитан Макноутон:

– Юная леди (джентльмены, конечно же, глядели на Джейн, а не на мистера Вандерби), не сомневайтесь, присутствующие здесь джентльмены желают исключительно блага сэру Фрэнсису. Их опыт, безусловно, поможет нам принять правильное решение. Рассказывайте, мы слушаем.

И Джейн, не чувствуя сил сопротивляться общему любопытству, начала рассказ.

Она помнила слова Лайонела о том, что говорить будет трудно.

Но она и представить не могла, что говорить будет не просто трудно, а почти невозможно.

И все равно она говорила. Она сражалась, как пловец, плывущий против течения. Она подбирала слова и заранее строила фразы. А по правде говоря, лишь пыталась это делать.

Джейн попробовала умолчать о ссоре с дядей Генри и не упоминать об отцовском письме, но не смогла. Офицер корвета, друживший с отцом, удивлённо прервал её: «Неужели сэр Фрэнсис не написал вам, едва узнал о том, что его направляют в Крым, а не на Балтику?» Поэтому пришлось сказать и про письмо, и про его судьбу. А так как письма сами собой в камин не попадают, пришлось рассказать об инциденте.

Не обошлось и без его последствий. Услышав сочувственные реплики офицеров: «Но вас ведь наказали», пришлось уточнить: «Посадили в комнату, правда, на месяц». Из которой (опять пришлось сознаться) она однажды выбралась без разрешения. Увы, мелкие, но важные нюансы, связанные с отсутствием миссис Дэниэлс, пришлось опустить. Джейн не к месту опять вспомнила, как Жанну д'Арк приговорили к смерти, застав в мужской одежде, причём судьи не интересовались причинами её последнего переодевания. Нарушила запрет, так нарушила.

Но труднее всего Джейн пришлось, когда она дошла до собеседника дяди Генри. Она старалась не встретиться взглядом со Счастливым Джоном. Тот, к её удивлению, в отличие от книжного злодея, уличённого свидетелем, даже не пытался прятать взгляд и не краснел. А просто старался глядеть ей в глаза.

Джейн изо всех сил старалась не замечать этот взгляд. И не могла не чувствовать: глаза её бегают. От чего смущалась и тревожилась ещё больше. Джейн прекрасно понимала: свидетельствовать о злодействах с бегающим взглядом – не лучший способ сделать обличение убедительным.

Однако и о злодействах сказать она не смогла. Ей пришлось ограничиться пересказом слов дяди о его чувствах: грусти, если отец вернётся, и радости, если погибнет на войне. Во взглядах офицеров, кроме любопытства и сочувствия, появилось недоверие. Когда же она сказала: «Мне показалось, что дядя просил собеседника убить моего отца», на лицах появились улыбки.

Оставался последний козырь. Оставалось шагнуть в собственный страх, как в костёр или чёрную бездну. Или взломать руками закованную дверь. Но она нашла в себе силы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.